

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	173—204
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе (продолженіе). А. Вертеловскаго.	205—224
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (окончаніе). М. Остроунова	159—181
Датскій философъ Серенъ Киркегоръ, какъ проповѣдникъ иеническихъ началъ въ развитіи личности. Свящ. Т. Буткевича	182—225
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	226—230
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отчетъ за 1886 годъ о кружечномъ въ пользу слѣпыхъ сборѣ по Харьковской губерніи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣеть цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Вирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентября 1 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

—
(Продолженіе *).

XIX.

Императоръ Александръ покидалъ Вильну съ твердымъ намѣреніемъ положить конецъ тиранскому владычеству Наполеона надъ Европою. Онъ намѣренъ былъ возвратить свободу и поправныя человѣческія права всѣмъ народамъ безъ исключенія. Онъ не дѣлалъ никакого различія между поляками и пруссаками, онъ думалъ возвратить и тѣмъ и другимъ ихъ отечество. Положеніе обѣихъ націй было, однакоже, настолько различно, что не могло быть и рѣчи объ одинаковомъ образѣ дѣйствій по отношенію къ нимъ. Пруссія, несмотря на порабощеніе ея Наполеономъ, оставалась все-таки независимымъ государствомъ, а ея король былъ и оставался лучшимъ другомъ императора Александра, не смотря на вынужденный союзъ свой съ французами. Наоборотъ, Польша давно уже утратила послѣднюю тѣнь самостоятельности, а герцогство Варшавское, на которое поляки смотрѣли какъ на начало возстановленія Рѣчи Посполи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 10.

той, было не болѣе какъ провинція французской имперіи. Пруссаки относились съ ненавистью къ французскому игу и готовились стать какъ одинъ человекъ на сторону русскихъ; поляки, наоборотъ, продолжали смотрѣть на французовъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ друзей и освободителей и не могли встрѣчать русскихъ иначе, какъ съ чувствомъ затаенной злобы. Противоположность въ образѣ мыслей обѣихъ націй поражала всѣхъ наблюдателей столь-же сильно, какъ и различіе между областями Пруссіи и герцогства Варшавскаго. Въ Пруссіи наши войска встрѣчали повсюду внѣшніе признаки довольства, благоустройства, порядка, чистоты. Вездѣ виднѣлись прекрасно обработанныя поля; города и селенія, лежавшія по пути, поражали своею красивою внѣшностью, дороги были обсажены деревьями, населеніе отличалось опрятностью и трудолюбіемъ ¹⁾. Въ герцогствѣ Варшавскомъ, напротивъ, царствовала повсюду невообразимая грязь, нищета, виднѣлись слѣды разоренія, „а между тѣмъ“, замѣчаетъ русскій очевидецъ, „край сей былъ союзный французамъ и Наполеонъ его болѣе другихъ щадилъ“ ²⁾. Приемъ, оказываемый нашимъ войскамъ въ Пруссіи и Польшѣ, былъ также совершенно различный. Когда первый отрядъ нашей арміи подъ начальствомъ генерала Оуррка вступилъ въ пограничный городъ Пруссіи Сталупененъ, то обыватели не помнили себя отъ радости. „Да здравствуетъ нашъ защитникъ императоръ Александръ! кричали они въ восторгѣ, тѣсясь вокругъ нашихъ солдатъ. Всякій хотѣлъ увидѣть своихъ освободителей и пожать руку хотя одному изъ нихъ; всѣ спѣшили заготовить въ изобиліи провіантъ и фуражъ для нашихъ войскъ. Восторженные прокламаціи, призывавшія къ возстанію противъ французовъ, написанныя неизвѣстно кѣмъ, ходили по рукамъ, читались съ жад-

¹⁾ См. между прочимъ записки Н. Н. Муравьева „Русскій Архивъ“, 1885 г. к. 12, стр. 453.

²⁾ Записки Н. Н. Муравьева. „Мѣста, чрезъ которыя я проѣзжалъ, нельзя было сравнить съ тѣми, которыя я въ Пруссіи видѣлъ“. „Причиной крайней бѣдности Польши была лѣность поляковъ и помѣщики, которые сильно угнетаютъ народъ“. „Русскій Архивъ“, 1885 г. кн. 12, стр. 457.

ностью и усиливали еще болѣе и безъ того уже пламенный энтузіазмъ массы ¹⁾).

Въ герцогствѣ Варшавскомъ насъ ждала совершенно иная встрѣча ²⁾. Забитые крестьяне смотрѣли на наши войска съ такимъ-же тупымъ равнодушіемъ, какъ и на французовъ; знатные и образованные встрѣчали насъ съ затаенною ненавистью, или скрывались при нашемъ приближеніи. Въ польскихъ городахъ и мѣстечкахъ поднималась при нашемъ приближеніи настоящая паника; всѣ спѣшили скрыть свои семейства и припрятать подальше свои припасы. Приходилось прибѣгать по неволѣ къ насильственнымъ реквизиціямъ, высылать отряды на далекія фуражировки, какъ въ непріятельской странѣ. Одни только жида, хорошо понимавшіе, что Наполеоновскому владычеству пришелъ навсегда конецъ, встрѣчали насъ дружелюбно; они одни выходили на встрѣчу нашимъ войскамъ, устраивали шумныя оваціи и доставляли припасы, разумѣется, за деньги ³⁾. Ксендзы и шляхтичи никакъ не могли примириться съ внезапнымъ поворотомъ счастія. Поспѣшное бѣгство французовъ, побѣдоносное наступленіе русскихъ казалось имъ чѣмъ то сказочнымъ, какимъ то тяжелымъ сномъ. Неизмѣнные въ своихъ симпатіяхъ и въ своей ненависти, они смотрѣли на совершившіяся событія, какъ на нѣчто скоропреходящее и случайное. Звѣзда великаго Наполеона не могла закатиться, по ихъ мнѣнію, навсегда. „Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ“, говорили они другъ другу, „а быть можетъ лишь нѣсколько недѣль,—и великій покровитель Польши не замедлитъ явиться на Вислѣ и Нѣманѣ съ своими побѣдоносными легіонами. Надо приготовиться, какъ подобаетъ, къ его встрѣчѣ; надо

¹⁾ О приѣмѣ въ Сталупененѣ см. донесеніе Витгенштейна князю Кутузову отъ 12-го декабря; къ нему-же приложена безыменная прокламація Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, Т. III, стр. 343—344.

²⁾ „Я не нашелъ въ Польшѣ того гостепріимства, которое видѣлъ въ Пруссіи. Поляки насъ терпятъ не могли“. Записки Н. Н. Муравьева, стр. 457.

³⁾ Шпшковъ говоритъ: „Одни только жида собрались съ веселыми лицами въ домахъ, гдѣ останавливался государь, и при выходахъ его кричали: „ура“. Записки, Т. I, стр. 174—175; см. также Дневникъ С. Г. Хомутова, „Русскій Архивъ“, 1869 г. стр. 221—233.

и намъ съ своей стороны содѣйствовать, по возможности, его побѣдѣ. Поляки обязаны принять къ сердцу повелительный совѣтъ императора Наполеона, они должны собрать свои послѣднія силы для спасенія отечества. Но какъ организовать эти силы, какъ привести ихъ въ движеніе? Побѣдоносные москали занимаютъ своими полчищами всѣ польскія области. Пруссаки готовятся соединиться съ ними, жида служатъ имъ помощниками и шпионами. Польская нація (!?) связана по рукамъ и ногамъ; она не можетъ выставить правильно организованной военной силы, она не можетъ подняться открыто противъ своихъ притѣснителей; по у поляковъ осталось еще не мало скрытаго оружія, а опыты столь недавняго прошлаго не прошли для нихъ безслѣдно. То, что удалось въ небольшомъ размѣрѣ въ 1794 г.,—можно повторить теперь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Необходимо составить заговоръ по всей странѣ, надо внезапно напасть на враговъ, устроить новую Варшавскую ночь и отдѣлаться однимъ ударомъ отъ русскихъ, нѣмцевъ и жидовъ“. Такъ шептались между собою польскіе патріоты,—и въ тотъ самый моментъ, когда императоръ Александръ готовился осыпать Польшу новыми благодѣяніями, благородные поляки, неспособные, по словамъ Огинскаго, запятнать измѣною національную честь, тайно точили ножи и дѣятельно плели адскую сѣть заговора, въ которой должны были погибнуть русскіе воины, готовившіеся вмѣстѣ съ своимъ царемъ къ новому, великому подвигу освобожденія Европы ¹⁾.

Само собою понятно, что Александръ оставался въ пол-

¹⁾ „Въ Вѣнѣ существовалъ тайный, польскій комитетъ; по инструкціямъ, получаемымъ изъ Парижа, онъ долженъ былъ поддерживать сильнѣйшее броженіе въ странѣ между Вѣлостокомъ и Познанью и готовить всеобщее возстаніе. Наполеонъ приказалъ объявить полякамъ: домъ Гогенцолерновъ не достоинъ царствовать долѣе; прусская монархія обречена на уничтоженіе; восточная и западная Пруссія должны отойти къ Польшѣ, Силезія къ Австріи, Марки къ Вестфалии. Тайныя донесенія, полученныя въ русской главной квартирѣ, показывали, что всеобщее возстаніе въ Польшѣ должно вспыхнуть въ одинъ и тотъ же день, въ пятницу страстной недѣли, и что въ этотъ день должны быть избиты всѣ русскіе, нѣмцы и жида“. Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 413.

нѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ этихъ дьявольскихъ плановъ¹⁾; но неискоренимая ненависть поляковъ къ русскимъ становилась для него очевиднѣе съ каждымъ днемъ. Ни прокламація объ амнистіи, ни строгая дисциплина, соблюдаемая нашими войсками въ предѣлахъ герцогства, ни безчисленные доказательства великодушія русскаго императора, нѣ въполнѣ достовѣрные слухи объ его намѣреніи возстановить Польшу,—ничто не могло разсѣять предубѣжденій и ненависти ясновельможнаго шляхетства къ Россіи и ея императора. Становилось очевиднымъ, что увѣренія Огинскаго, Чарторижскаго и ихъ друзей лишены были всякаго фактическаго основанія, что перспектива возстановленной Польши подъ скипетромъ Русскаго Монарха не въ состояніи была привести въ энтузіазмъ ни одного поляка. Возможно-ли было, въ виду такого настроенія, послѣдовать совѣту польскихъ патриотовъ и провозглашать возстановленіе польскаго королевства? „Успѣхи, коими Провидѣнію угодно было благословить мои усилія и мою настойчивость“, писалъ императоръ Александръ²⁾ Чарторижскому въ отвѣтъ на его послѣднія посланія, „нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ; ни моихъ намѣреній относительно Польши. Итакъ, пусть опасенія вашихъ соотечественниковъ успокоятся. Мечь есть чувство, котораго я не знаю, и величайшее для меня наслажденіе платитъ добромъ за зло. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и обращаться съ поляками, какъ съ друзьями и братьями. Хочу говорить съ вами совершенно откровенно. Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи, мнѣ придется побѣдить нѣкоторыя трудности, не смотря на блескъ моего теперешняго положенія. Сперва объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. Способъ, которымъ вела себя у насъ польская армія,

1) Александръ узналъ о заговорѣ гораздо позже, въ то время, когда поступили о немъ свѣдѣнія въ нашу главную квартиру.

2) Письмо Александра изъ Лейпунъ отъ 13 января 1813 г. „Предложенія, заключающіяся въ вашихъ бумагахъ и личныя чувства ко мнѣ, въ нихъ выраженные, меня глубоко тронули“, говоритъ Александръ въ началѣ письма. См. „Русскій Архивъ“, 1871, стр. 847.

грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили старинную ненависть. Во-вторыхъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши окончательно бросило-бы Австрію и Пруссію въ объятія Франціи, результатъ коему воспрепятствовать было-бы весьма важно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже высказываютъ ко мнѣ наилучшее расположеніе. Эти затрудненія при осторожности и благоразуміи будутъ побѣждены. Но чтобы мы этого достигли, нужно, чтобы вы и ваши соотечественники мнѣ содѣйствовали. Нужно, чтобы вы сами помогли мнѣ примирить русскихъ съ моими планами, и чтобы вы оправдали всѣмъ извѣстное пристрастіе мое къ полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ. Имѣйте нѣкоторое довѣріе къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ и надежды ваши не будутъ обмануты. По мѣрѣ того какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, вы будете убѣждаться, сколь дороги мнѣ интересы вашей родины и насколько вѣренъ я моимъ стариннымъ идеямъ. Что касается до формъ, то вамъ извѣстно, что я всегда предпочиталъ формы либеральныя. Я долженъ предупредить васъ, однако-же, и это самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ. Что касается до названія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ ея составъ, то эту трудность побѣдить легко. Итакъ, я прошу васъ съ своей стороны, сообщить изъ этого письма то, что вы найдете приличнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы найдете необходимымъ. Пригласите вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства для того, чтобы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мою работу“.

Указывая Чарторижскому на препятствія къ осуществленію своихъ польскихъ плановъ, требуя и со стороны поляковъ проявленія добрыхъ чувствъ къ русскимъ, императоръ и теперь заявляетъ свою готовность на самыя широкія уступ-

ки по отношенію къ полякамъ ¹⁾. Онъ намѣренъ отдать войскамъ своимъ приказаніе не занимать Варшавы, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы тамъ не оставалось вовсе иностраннаго войска и по возможности меньше польскаго. Онъ не будетъ требовать уничтоженія конфедераціи, образованной съ дѣлами, явно враждебными Россіи, онъ предлагаетъ ей даже остаться спокойно въ Варшавѣ. Онъ не думаетъ также касаться національнаго правительства, учрежденнаго Наполеономъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Онъ желаетъ вступить въ переговоры съ этимъ правительствомъ и результатомъ такихъ переговоровъ долженъ явиться, по его мнѣнію, союзный трактатъ между герцогствомъ и Россіею. „Тогда“, говоритъ онъ, „я сочту себя уполномоченнымъ отъ российской Имперіи принять на себя священное обязательство не складывать оружія, пока надежды Польши не будутъ осуществлены; ибо этимъ т. е. союзнымъ договоромъ, поляки бы доказали, передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили все свое довѣріе на меня; а моей чести никогда никто не довѣрялся напрасно“.

Относясь такимъ образомъ къ полякамъ, Александръ не считалъ возможнымъ удовлетворить повтореннымъ просьбамъ Чарторижскаго объ отставкѣ. Императоръ опасается, чтобы отставка князя, настоящія причины которой не могутъ быть разъяснены толпѣ, не показалась признакомъ того, что его намѣренія относительно Польши измѣнились. Съ другой стороны, онъ боится, чтобы Чарторижскій, отрѣшившись отъ своихъ отношеній къ нему, не принялъ такихъ личныхъ рѣшеній, которыя могли бы произвести дурное впечатлѣніе въ Россіи. Письмо оканчивается слѣдующими крайне лестными для Чарторижскаго словами: „Наконецъ, вы во всѣхъ отношеніяхъ тотъ посредникъ, который мнѣ всего болѣе по сердцу, вслѣдствіе полного моего къ вамъ довѣрія; моя привязанность принадлежитъ вамъ безвозвратно“ ²⁾.

1) „Всѣ русскіе генералы получили приказаніе обращаться съ поляками, какъ съ друзьями и братьями“. Письмо отъ 18 января, стр. 851.

2) Какъ сердечно относился Александръ къ Чарторижскому видно изъ слѣдующей приписки къ письму: „Такъ какъ письмо мое носитъ на себѣ нѣкото-

Александръ, какъ видно это изъ приведеннаго письма, не скрывалъ отъ себя трудностей, предстоявшихъ на пути къ осуществленію его польскихъ плановъ, хотя и не терялъ ни на одну минуту надежды побѣдить всѣ эти трудности. Вѣрный идеаламъ своей юности и своему правилу платить добромъ за зло, онъ полагался на всепобѣждающую силу любви, и не сомнѣвался въ разрѣшеніи задачи, передъ непреодолимыми трудностями которой останавливались въ недоумѣніи всѣ государственные люди той эпохи.

Совершенно иначе слагались дѣла по отношенію къ Пруссіи, хотя и тутъ на первыхъ порахъ возникали трудности и осложненія крайне деликатнаго свойства. Положеніе дѣлъ здѣсь было діаметрально-противоположное положенію ихъ въ вопросѣ польско-русскомъ. Въ польскомъ лагерѣ у Александра было всего лишь два—три единомышленника; вся интеллигенція относилась къ нему враждебно и недовѣрчиво, народная масса пребывала въ полнѣйшей апатіи. Въ Пруссіи все населеніе, во всѣхъ его слояхъ, ликовало въ восторгъ при нашемъ приближеніи. Дѣло генерала Горка, донесенія нашихъ военачальниковъ, личные впечатлѣнія самого государя не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что слова Штейна не были пустыми и лживыми фразами, подобными напыщеннымъ возгласамъ Огинскаго и компаніи; что тутъ дѣйствительно протягивалъ къ намъ руки цѣлый народъ, готовилось возстать за одно съ нами, какъ одинъ человекъ, населеніе цѣлой страны. Но народъ этотъ находился въ данный моментъ въ крайне странномъ, можно сказать, безпримѣрномъ положеніи. Онъ былъ лишенъ своего законнаго правительства, или лучше сказать, его верховное правительство, его обожаемый король лишены были свободы дѣйствій, находились въ рукахъ своихъ страшныхъ союзниковъ, французовъ. Оффиціальныя распоряженія берлинскаго правительства шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ и желаніями прусска-

рый оффиціальныи характеръ, то не могу отправить его, любезный другъ, не присовокупивъ къ нему этого дружескаго къ вамъ словечка. Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей, относительно вашей родины, ни моихъ общихъ убѣжденій и вы всегда найдете меня таковымъ, какимъ вы меня знали". Стр. >52.

го народа. Народъ встрѣчалъ русскихъ, какъ освободителей и подымался повсемѣстно противъ французовъ; берлинское правительство продолжало говорить о союзѣ съ Франціею, отправляло своихъ уполномоченныхъ къ Наполеону, смѣщало генераловъ, рѣшившихся поднять знамя національной чести. Необходимо было положить конецъ этой двойной игрѣ, надо было освободить короля изъ рукъ французовъ и возвратить его своему народу. Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было дѣйствовать съ одной стороны быстро и рѣшительно, а съ другой, крайне осторожно и деликатно. Необходимо было вытѣснить французовъ, какъ можно скорѣе, изъ прусскихъ провинцій, и дать въ тоже время королю возможность вырваться изъ ихъ рукъ. Надо было, не теряя ни минуты времени, организовать тѣ силы и средства, которыя могли доставить для войны прусскія земли, подчинить себѣ на время прусскую администрацію, увлечь на свою сторону представителей сословій, удалить нерѣшительныхъ и боязливыхъ чиновниковъ, арестовать злонамѣренныхъ; но сдѣлать все это такимъ образомъ, чтобы не оскорбить короля, не нарушить его верховныхъ правъ, не поставить его въ безвыходное или унижительное положеніе. Другими словами, предстояло произвести настоящую революцію, направленную ко благу и спасенію самого короля; предстояло вооружить цѣлый народъ помимо воли его правительства, хотя и для спасенія того же самого правительства.

Александръ, не колеблясь ни минуты, приступилъ къ исполненію этой трудной задачи. Онъ предписалъ своимъ генераламъ дѣйствовать съ наивозможною поспѣшностью, оттѣснить французовъ, какъ можно скорѣе, за Одеръ и обложить всѣ прусскія крѣпости, находившіяся въ ихъ рукахъ. Онъ рѣшился поручить временное управленіе всѣми прусскими провинціями, занятыми нашими войсками, барону Штейну и снабдить его для этой цѣли самыми широкими полномочіями.

„Мы Александръ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“, говорилось въ Высочайшемъ распоряженіи, изданномъ 8 Января 1813 года „симъ объявляемъ: Такъ какъ

восточная и западная Пруссія заняты нашими войсками и отдѣлены тѣмъ отъ своего правительства, и такъ какъ отношенія Наши къ королю прусскому остаются еще неопредѣленными, то по всему сему, мы сочли необходимымъ принять мѣры къ надзору и руководству за администраціею сихъ провинцій, дабы пріобрѣсти тѣмъ возможность воспользоваться силами и средствами страны для пользы благаго дѣла“.

„Вслѣдствіе сего, Мы уполномочили симъ барона Генриха Фридриха Карла фонъ-Штейна, кавалера ордена Краснаго Орла; поручили ему отправиться въ Кенигсбергъ, ознакомиться тамъ съ положеніемъ страны и привести въ движеніе всѣ военныя и денежныя средства для поддержанія нашихъ предпріятій противъ французскихъ войскъ. Мы поручаемъ ему кромѣ того блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ доходы занятыхъ провинцій расходовались честно и согласно вышеуказанной цѣли, чтобы на имущество французовъ и ихъ союзниковъ было наложено повсемѣстно запрещеніе, чтобы сборъ и вооруженіе ландвера и ландштурма произведенъ былъ въ наивозможно скорѣйшемъ времени на основаніи плановъ, составленныхъ и одобренныхъ его величествомъ королемъ прусскимъ въ 1808 году, и чтобы всѣ припасы и транспортныя средства, необходимыя для нашихъ армій, доставлялись скоро и исправно. Для сихъ цѣлей уполномочиваемъ Мы упомянутаго барона Штейна принимать всѣ мѣры, кои сочтетъ онъ необходимымъ для исполненія возложеннаго на него порученія, пользоваться услугами тѣхъ чиновниковъ, которые покажутся ему наиболѣе способными для осуществленія нашихъ намѣреній, удалять тѣхъ, коихъ сочтетъ онъ неспособными, или злонамѣренными, а подозрительныхъ подвергать надзору и даже аресту. Мы даруемъ ему право назначать на свое мѣсто въ случаѣ надобности другое довѣренное лицо. Его полномочіе окончится въ тотъ моментъ, когда Мы достигнемъ окончательнаго соглашенія съ королемъ прусскимъ. Тогда управленіе провинціями возвращено будетъ королю, а баронъ Штейнъ возвратится къ Намъ. Мы обѣщаемъ, впрочемъ, Нашимъ Императорскимъ словомъ, пот-

вердить все то, что будетъ рѣшено и исполнено въ силу настоящаго полномочія. Въ удостовѣреніе сего, Мы подписали сіе Наше полномочіе и повелѣли снабдить его Нашею малою печатью. Дано въ Рячкѣ 8-го Января лѣта 1813, царствованія же нашего 13-го“ 1),

Возникалъ вопросъ, какъ отнесутся къ этому распоряженію Русскаго Монарха, населеніе провинціи, ихъ административныя и сословныя чины. Народъ первый откликнулся на призывъ великодушнаго императора и въ этомъ откликѣ не было ни малѣйшей тѣни сомнѣнія или недовѣрія. Уже на слѣдующій день императоръ Александръ вступилъ въ пограничный прусскій городъ Ликъ. Энтузіазмъ населенія не зналъ предѣловъ. Массы народа, стекшагося со всѣхъ сторонъ, привѣтствовали Александра, какъ своего избавителя, посланнаго имъ самимъ небомъ. Глава мѣстнаго евангелическаго духовенства, суперинтендентъ Гизевіусъ выступилъ впередъ и, среди внезапно водворившагося благоговѣйнаго молчанія, обратился къ императору съ такими словами:

„Государь! Примите милостиво заявленія преданности народа, восторженно стремящагося Вамъ на встрѣчу! Все, что окружаетъ Васъ здѣсь въ сію священную минуту, все что Вы видите передъ собою, Всемилостивѣйшій Императоръ и Государь—всѣ эти сердца, преисполнены удивленія, почитанія и любви къ Вамъ, всѣ эти глаза, наполнены слезами радости при видѣ Вашемъ, всѣ руки, подняты къ небу, призывая на главу Вашу благословеніе, защиту и милость Всемогущаго“.

„Государь! Такъ-же точно будутъ биться повсемѣстно всѣ встрѣчающія Васъ сердца, такъ-же точно будутъ стекаться къ Вамъ всѣ народы, ибо Вы, Всемилостивѣйшій Государь,

1) Церцъ, Stein's Leben, T. III стр. 270—271. „Diese Urkunde, говоритъ тамъ. musste nach allen Seiten hin befriedigen. Von dem Fürsten erlassen, dessen Heere die Provinz Preussen besetzt hielten und seinen Anordnungen den gehorsam sicherten, verband sie doch mit dem Nachdruck, welcher auch gegen die Ansichten der entfernten gesetz mässigen Regierung das Nothwendige vollziehen musste, die grösste Schonung des königlichen Ansehen's, zu dessen wahren Besten gehandelt werden sollte“.

приходите къ намъ не разрушать, а осчастливливать, не поработать, а освободить, не губить, а оживлять и спасать измученное человѣчество. Великій Императоръ! Всемогущій вложилъ въ руки Ваши судьбы народовъ, но куда бы ни приводили Васъ Ваши побѣды, Вы приходите повсюду, благословляя и благословляемый во имя Господне. А посему, да осѣнитъ Предвѣчный Васъ щитомъ своимъ и да ополчитъ силою Своею могучую десницу Вашу, во исполненіе призванія, возложеннаго на Васъ. Онъ, Господь Богъ нашъ, да будетъ милостивъ и да благословитъ дѣло рукъ Вашихъ! Аминь“¹⁾.

Рѣчь проповѣдника произвела глубокое впечатлѣніе на государя. Такого именно привѣта ожидалъ онъ при первомъ шагѣ въ освобождаемую имъ страну. Умиленные лица присутствующихъ тысячъ народа, тысячи глазъ, устремленныхъ на него съ выраженіемъ твердой вѣры и горячей благодарности, свидѣтельствовали лучше всякихъ возгласовъ, что устами благочестиваго служителя алтаря говорили всѣ присутствовавшіе и весь народъ, что въ его неподдѣльныхъ, полныхъ святаго энтузіазма словахъ, выражались чувстваванія тысячъ милліоновъ сердець. Волненіе Государя росло во время рѣчи. При словахъ проповѣдника „Вы приходите не разрушать“, онъ не въ состояніи былъ сдержать далѣе наполнявшихъ его чувствъ. „Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ онъ громогласно, я другъ вашего короля и народа!“ Съ этими словами онъ дружески пожалъ руку суперинтендента и всемилостивѣйше пожаловалъ ему на память драгоценный перстень²⁾.

Эта знаменательная встрѣча была лишь первою въ ряду тѣхъ безконечныхъ, восторженныхъ овацій, которыми встрѣчало населеніе императора Александра во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Пруссіи, лежавшихъ по пути. „Повсюду пруссаки оказывали великую радость при нашемъ появленіи“, замѣчаетъ Шишковъ, „хотя король ихъ, видя еще многія крѣ-

¹⁾ Рѣчь Гизевіуса у Перца, Stein's Leben, T. III, стр. 272—73.

²⁾ См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 273.

пости свои въ рукахъ французовъ, не смѣлъ гласнымъ образомъ соединиться съ нами“¹⁾). Повсюду пріемъ былъ одинаково сердеченъ, вся разница заключалась лишь въ обстановкѣ, зависѣвшей отъ средствъ населенія.

Между тѣмъ Штейнъ, распростившись съ императоромъ въ Ликѣ, поспѣшилъ „черезъ замерзшіе озера и Литовскіе лѣса“²⁾ въ Гумбиненъ. Здѣсь онъ увидѣлся съ президентомъ Ф. Шеномъ³⁾, ознакомился въ бесѣдѣ съ нимъ съ положеніемъ дѣлъ въ провинціи и, не теряя ни минуты времени, поспѣшилъ въ Кенигсбергъ. Народъ принялъ знаменитаго изгнанника съ восторгомъ, но королевскіе чиновники, воспитанные въ старой рутинѣ, понимавшіе долгъ и обязанности присяги въ чисто формальномъ смыслѣ, не рѣшались послѣдовать немедленно-же за призывомъ Штейна. Ко всему этому присоединились еще старыя чувства подозрительности и недовѣрія къ сосѣдямъ, русскимъ. Прусскимъ президентамъ и тайнымъ совѣтникамъ приходила въ голову мысль, что, быть можетъ, русскіе занявши прусскія провинціи, никогда не выйдутъ изъ нихъ, что они присвоятъ ихъ себѣ навсегда въ видѣ вознагражденія за военныя издержки⁴⁾). Баронъ Штейнъ, несмотря на всю свою, извѣстную всему свѣту, прямоту и честность, казался имъ, по временамъ, тайнымъ русскимъ агентомъ, присланнымъ съ коварною цѣлью превращенія временной окупаціи въ постоянное владѣніе. Недовѣріе было такъ велико, что даже оберъ-президентъ Ф. Ауэрсвальдъ, человѣкъ вполне благомыслящій, за-

¹⁾ Шишковъ, Записки, Т. I, стр. 174.

²⁾ Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр.

³⁾ „Соглашеніе съ Шеномъ было вскорѣ достигнуто, хотя и не безъ противорѣчій“, замѣчаетъ Перцъ. Такимъ образомъ уже на первомъ шагу Штейну приходилось бороться съ щепетильностью прусскихъ чиновниковъ.

⁴⁾ Поводъ къ такимъ подозрѣніямъ подалъ образъ дѣйствій рижскаго генераль-губернатора, маркиза Пауллуччи. Занявъ пограничный, прусскій городъ Мемель, Пауллуччи, вопреки своимъ инструкціямъ, забралъ въ плѣнъ прусскій гарнизонъ, наложивъ секвестръ на королевское имущество, и объявилъ мѣстнымъ чиновникамъ, что отнынѣ они обязаны доносить не въ Гумбиненъ, а въ Петербургъ. Императоръ Александръ, узнавъ о странномъ поступкѣ маркиза, послалъ ему строгій выговоръ и отмѣнилъ его распоряженія. Тѣмъ не менѣе, поступокъ маркиза произвелъ сильное впечатлѣніе въ Пруссіи.

служенный, образованный, лично преданный Штейну, упорно отказывался созвать провинціальный сеймъ для совѣщанія о вооруженіи страны противъ французовъ. Только непреклонная воля Штейна, опиравшаяся на ясно выраженное полномочіе императора и на русскую военную силу, наводнявшую всю страну, побудила его исполнить требованіе русскаго уполномоченнаго. Вѣсть о созывѣ сейма произвела магическое дѣйствіе. Народъ заволновался повсюду. Неслыханныя притѣсненія, поруганія, насилія довели его уже давно до отчаянія. Чаша была переполнена; и теперь, когда вдругъ пробилъ часъ освобожденія, одинъ могучій порывъ охватилъ всѣ сердца.

Безпримѣрный, небывалый духъ самопожертвованія овладѣлъ обоими полами, всѣми возрастами и сословіями безъ изыятія. Всякій спѣшилъ принести на алтарь отечества свое послѣднее достояніе. Не было сомнѣвающихся и недовѣряющихъ во всей массѣ населенія. И въ то время, какъ королевскіе чиновники ломали себѣ головы на счетъ коварныхъ плановъ Россіи, поселяне массами свозили со всѣхъ сторонъ фуражъ и хлѣбъ и съ радостью сдавали свои послѣдніе запасы въ магазины, назначенные для русской арміи, не требуя за это ни копѣйки вознагражденія. И тутъ оправдалась старая истина: настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ можетъ увлечь за собою все ¹⁾).

Между тѣмъ берлинская пожарная команда спѣшила залить ярко вспыхнувшій пожаръ патріотическаго одушевленія. Въ самый горячій моментъ движенія прибыли въ Кенигсбергъ столичныя газеты съ извѣстіемъ о смѣщеніи генерала Іорка. Чиновники повѣсили головы, и начали вновь толковать о долгѣ чести и присяги, но Штейнъ объявилъ рѣшительно, что онъ никогда не допуститъ, чтобы въ тылу русской арміи образовалась непріятельская армія, что онъ не потерпитъ, чтобы войска генерала Іорка были подчинены хотя на одинъ день королю Неаполитанскому. Генераль Іоркъ, ободряемый безстрашнымъ барономъ, рѣшился взять на себя

¹⁾ См. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 275.

видъ явнаго неповиновенія королевской волѣ. Онъ объявилъ, что ему неизвѣстно ничего оффиціального о королевскомъ повелѣніи, и что въ Пруссіи не принято пересылать чрезъ газеты какіе-бы то ни было приказы генераламъ. Онъ намѣренъ поэтому и впредь занимать должности генераль-губернатора провинціи Пруссіи и начальника расположенныхъ въ ней войскъ, должности, порученныя ему королевскимъ декретомъ отъ 20-го декабря 1812 г. Генераль Клейстъ, назначенный вмѣсто Йорка, объявилъ съ своей стороны, что онъ не можетъ занять мѣста генерала, хотя чувствуетъ себя не менѣе виновнымъ, что онъ будетъ напротивъ поддерживать всѣми силами авторитетъ главнокомандующаго ¹⁾.

Склонивъ на свою сторону вооруженную силу, Штейнъ приступилъ къ цѣлому ряду мѣръ, имѣвшихъ громадное значеніе и для провинціи и для русской арміи. Прежде всего, онъ объявилъ объ уничтоженіи континентальной системы. Эта система безумія, тираніи, грабежа, лежавшая такимъ страшнымъ гнетомъ на всѣхъ странахъ, подвластныхъ и союзныхъ Наполеону, снята была теперь съ Пруссіи по мановенію императора Александра ²⁾. Прусскія гавани были открыты для судовъ всѣхъ дружественныхъ націй, разрѣшенъ былъ вывозъ всѣхъ прусскихъ продуктовъ за исключеніемъ ржи и овса. Страна, совершенно уничтоженная въ экономическомъ отношеніи неслыханными поборами и грабежами и полнѣйшимъ торговымъ застоємъ, вдругъ вздохнула свободно. До сихъ поръ казалось, что во всей провинціи не найдется денегъ для снаряженія одного баталіона ополченцевъ, но теперь мѣстное купечество внесло заимообразно сумму въ 500,000 талеровъ и разомъ обезпечило первыя потребности вооруженія. Заботясь, по мѣрѣ возможности, о нуждахъ своихъ земляковъ, отстаивая ихъ съ успѣхомъ отъ излишнихъ притязаній русской администраціи передъ самымъ

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ странныхъ событіяхъ см. крохѣ Перца, Stein's Leben, особенно Дройзена, Des Leben generals Iork.

²⁾ Распоряженіе прусскаго провинціального правительства объ отменѣ континентальной системы начиналось такими словами: „По указу Его Величества, императора Всероссийскаго и т. д.“

императоромъ Александромъ и передъ княземъ Кутузовымъ ¹⁾. Штейнъ съ непоколебимою твердостью отвергалъ всѣ ихъ просьбы и протесты, тамъ гдѣ дѣло шло объ интересахъ русской арміи, а слѣдовательно и благого дѣла. Въ такихъ существенныхъ и жизненныхъ вопросахъ, онъ былъ, по своему обычаю, выше всякаго страха, пристрастія и всякихъ постороннихъ соображеній. Когда королевское правительство восточной Пруссіи задумало протестовать противъ обязательнаго обращенія русскихъ бумажныхъ денегъ въ странѣ, то Штейнъ наотрѣзъ отвѣтилъ ему, что онъ не можетъ принять во вниманіе его желанія по слѣдующимъ тремъ основаніямъ: „Прусская администрація находится еще подъ французскимъ вліяніемъ, она неспособна принимать самостоятельныхъ, свободныхъ рѣшеній, а слѣдовательно и мѣра, о которой идетъ рѣчь, не можетъ подлежать ея обсужденію. Русская армія получаетъ все свое жалованье и содержаніе бумажными деньгами; эти деньги являются главнымъ предметомъ обращенія въ россійской имперіи. Невозможно русскихъ солдатъ и офицеровъ лишать средствъ пріобрѣтать всѣ необходимые для нихъ предметы, и столь же несправедливо ставить русскую, государственную кассу въ невозможность вести далѣе войну за-границею. Ко всему этому присоединяется еще цѣль войны. Дѣло идетъ не о самостоятельности Россіи, ибо ужасныя событія настоящей кампаніи доказали, что она достаточно обезпечена. Война ведется и не для завоеваній, въ этомъ ручаются и благородный образъ мыслей Его Величества Императора и его неоднократныя заявленія. Борьба идетъ за самостоятельность Германіи и Пруссіи, а для обезпеченія этой цѣли каждый здоровый и разумный человѣкъ обязанъ жертвовать своимъ достояніемъ и своею кровью. На всѣхъ сихъ основаніяхъ я повторяю здѣшней правительственной коллегіи мое предложеніе обнародовать сегодня же постановленіе относительно обращенія русскихъ денегъ“ ²⁾.

¹⁾ См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 278—280.

²⁾ Цисьмо Штейна, которое могло бы послужить урокомъ для многихъ позд-

Говоря такимъ тономъ, Штейнъ видно зналъ, отлично своихъ людей. Правительственная коллегія не осмѣлилась послушаться. Уже въ тотъ-же день коллегія почтительнѣйше увѣдомила Штейна, что воля его превосходительства, уполномоченнаго Императора Всероссійскаго, будетъ исполнена немедленно ¹⁾).

Между тѣмъ наступалъ страшный для прусской бюрократіи день 5 февраля, когда долженъ былъ собраться провинціальный сеймъ. Президенты такъ перетрусили, что не рѣшались назвать вещь ея настоящимъ именемъ и придумали для сейма особое названіе: „Собраніе сословныхъ депутатовъ“. Затрудненія усилились еще болѣе, когда возникъ самъ собою вопросъ: кто-же долженъ руководить совѣщаніями собранія? Никто изъ президентовъ не отважился принять на себя эту опасную, незаконную роль. Ауэрсвальдъ дошелъ даже до того, что объявилъ себя больнымъ и улегся, по выраженію Штейна, въ постель изъ страха передъ близкимъ возвращеніемъ французовъ. Штейнъ предложилъ предсѣдательство генералу Йорку. Онъ напомнилъ ему о торжественномъ обѣщаніи императора Александра возстановить независимость прусскаго государства и блескъ прусскаго трона, о восторгѣ, съ какимъ встрѣчаетъ населеніе русскихъ. Сословія Пруссіи собрались для совѣщанія о вооруженіи страны противъ тирана, кому-же приличествуетъ руководить ихъ спасительными совѣщаніями? Кому, какъ не смѣлому вождю, который своимъ мужественнымъ и мудрымъ рѣшеніемъ ускорилъ бѣгство непріятеля и сохранилъ цѣлый корпусъ храбрыхъ мужей для борьбы за свободу и честь. „Его Величество Императоръ ожидаетъ, что ваше превосходительство примете на себя руководство означенными совѣщаніями и приведете ихъ къ желанному концу“ ²⁾).

Йоркъ долго не рѣшался послѣдовать призыву Штейна, но, наконецъ, онъ явился въ собраніе депутатовъ. Патріо-

нѣйшихъ администраторовъ, помѣщено у Церца, Stein's Leben, Т. III, стр. 283—84.

¹⁾ Отвѣтъ прусской правительственной коллегіи у Церца, стр. 284.

²⁾ Церць, Stein's Leben, Т. III, стр. 286—87.

тическое одушевление достигло до своего апогея ¹⁾. Собрание единогласно постановило приступить немедленно же къ набору 13,000 резерва, собрать 20,000-ное земское ополчение, вооружить въ случаѣ надобности все населеніе, способное носить оружіе, и сформировать отрядъ конныхъ добровольцевъ въ 700 человекъ. Задача Штейна была исполнена. Вся провинція, Восточная Пруссія, превратилась, по его мановенію, въ военный лагерь; во главѣ движенія стоялъ человекъ, имя котораго обозначало собою цѣлую систему. Штейнъ увѣдомилъ о достигнутыхъ имъ результатахъ князя Кутузова, онъ убѣждалъ его идти впередъ, какъ можно быстрѣе, освободить всю страну между Эльбою и Одеромъ. Въ тотъ самый день когда русскіе вступили въ Варшаву, Штейнъ прибылъ въ главную квартиру императора Александра, находившуюся въ Плоцкѣ. Императоръ, крайне довольный энергіею Штейна, принялъ его чрезвычайно милостиво и вновь изъявилъ желаніе видѣть его въ своей службѣ. Штейнъ, вѣрный своему принципу, отклонилъ и на этотъ разъ предложеніе государя. Разъ навсегда держался онъ того мнѣнія, что не иностранцы, а природные русскіе должны занимать выдающіяся мѣста въ государственной русской службѣ. „Мой планъ“, писалъ онъ въ это время женѣ, „по окончаніи войны — спокойствіе и независимость. Я могу рассчитывать на покровительство и благорасположеніе императора; его благородный и возвышенный образъ мыслей будетъ наилучшимъ залогомъ моего спокойствія“ ²⁾.

Медленно подвигалась впередъ императорская главная квартира по разоренному, бѣгущими французами, Варшавскому герцогству. „Ѣзда наша, говоритъ Шишковъ, или лучше сказать, ежедневные переходы верстъ по двадцати, страшно мнѣ наскучили. Сверхъ того повсюду слышимъ о господствующихъ болѣзняхъ и смерти. Французы, гдѣ ни проходили, вездѣ заражали воздухъ; они не только огнемъ и ору-

¹⁾ Депутаты встрѣтили Гюка восторженными криками: да здравствуетъ Гюкъ! Суровый генераль прервалъ ихъ словами: „Auf dem Schlachtfelde bitte ich das mir aus“. См. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 289.

²⁾ Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 296.

жѣемъ, но и собственною своею погибелью губили людей. Вездѣ слышны на нихъ страшныя жалобы“¹⁾).

Штейнъ чувствовалъ себя отлично въ эти тяжелые для другихъ дни, въ этой невыносимой для другихъ обстановкѣ. „Сегодня“, писалъ онъ женѣ, „ночую я въ крестьянской избѣ съ мужемъ, женою, дѣтьми и старою бабкою; завтра буду писать тебѣ изъ барскаго замка, развалившись на диванѣ за столомъ изъ краснаго дерева“. Его здоровье было превосходно, неудобства не великія, общество въ высшей степени пріятно. Онъ жилъ съ графомъ Толстымъ и графомъ Нессельроде, превосходными собесѣдниками. Во всей главной квартирѣ господствовалъ прекраснѣйшій духъ. Спокойствіе и единство плановъ, взглядовъ, желаній, производило необычайно благотворное дѣйствіе. „Дѣла идутъ хорошо“, пишетъ Штейнъ, „и надо думать, что Провидѣніе приведетъ ихъ къ доброму концу. Во всякомъ случаѣ, пребудемъ вѣрны правилами чести и долга къ нашему отечеству, послѣдуемъ великимъ примѣрамъ, очевидцами которыхъ были мы“²⁾). Возблагодаримъ небо, что мы принадлежимъ къ числу тѣхъ немногихъ, кои не преклонились передъ гнуснымъ тираномъ, и что мы не принадлежимъ къ числу помощниковъ его преступленій“³⁾).

Дѣла быстро шли къ развязкѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III не могъ оставаться долѣе въ Берлинѣ. Предувѣдомленный о покушеніи, готовившемся противъ его личности, онъ рѣшился оставить свою столицу и утвердить свое мѣстопробываніе въ Бреславлѣ. Французскіе генералы не рѣшились наложить свои руки на отъѣзжающаго короля. Быть можетъ, французовъ пугали приближающіеся русскіе, быть можетъ, они опасались яростнаго возстанія населенія, усматривавшаго въ особѣ короля послѣдній залогъ своего національнаго существованія⁴⁾). Какъ-бы то ни было, но король

¹⁾ Шишковъ, Записки, Т. I, стр. 173—174.

²⁾ „Дѣло идетъ о примѣрѣ, поданномъ народомъ русскимъ“.

³⁾ Церцъ, Stein's Leben, Т. III, 296—297.

⁴⁾ См. Ранке, Hardenberg und der Geschichte des preussischen Staates von 1793—1813. Т. III, стр. 269. Hippel, Beiträge zur Charakteristik Friedrich Wilhelm's III, стр. 61.

спокойно выѣхалъ изъ Потсдама въ сопровожденіи своего семейства, своихъ министровъ и своей гвардіи. Тотчасъ-же по прибытіи въ Бреславль король принялъ мѣры къ вооруженію своего народа, хотя онъ пока еще и не рѣшался на окончательный разрывъ съ Франціею. Подавленный неслыханною тяжестью предшествующихъ событій, привыкнувъ видѣть вокругъ себя лишь эгоизмъ, трусость и измѣну, Фридрихъ-Вильгельмъ не въ состояніи былъ и въ эту рѣшительную минуту проникнуться безусловнымъ довѣріемъ къ своему народу. Онъ предписалъ 3 февраля воззваніе, призывавшее къ добровольной военной службѣ лицъ привилегированнаго класса, но не ожидалъ самъ особенныхъ результатовъ отъ этого воззванія. Прошло нѣсколько дней, и въ Бреславль начали являться сотнями и тысячами добровольцы, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ общества. Пришло вслѣдъ затѣмъ извѣстіе, что въ Берлинѣ въ теченіе трехъ дней записалось 9000 молодыхъ людей добровольцами. Фридрихъ-Вильгельмъ началъ понимать знаменія времени. Слезы радости катились по щекамъ его при видѣ многочисленной молодежи, стекавшейся со всѣхъ сторонъ въ Бреславль подъ знамена національной свободы ¹⁾.

Короля окружали, по преимуществу, дипломаты старой школы. Воспитанные въ правилахъ дипломатической рутинны, не признававшіе иныхъ принциповъ, кромѣ голаго эгоизма и своекорыстнаго разчета, подозрѣвавшіе всѣхъ и каждаго, они старались убѣдить короля, что онъ долженъ воспользоваться обстоятельствами для сверженія французскаго ига; но не долженъ довѣрять въ то же время русскимъ ²⁾. Несравненно удобнѣе и безопаснѣе, доказывали они, пошы-

¹⁾ Однажды, когда въ Бреславль въѣхали 80 повозокъ съ Берлинскими добровольцами, Шарнгорстъ подвелъ короля къ окну и указывая на нихъ, замѣтилъ: „Убѣждаетесь-ли теперь, Ваше Величество“. Король не отвѣчалъ ни слова; но крупныя слезы катились по его щекамъ. См. Перцъ, *Stein's Leben*, Т. III, стр. 299.

²⁾ Недовѣріе къ русскимъ дышетъ и въ мемуарѣ, поданномъ 4 февраля королю министромъ его Ансилономъ, хотя въ немъ высказывается уже неизбѣжность союза съ Россіею. См. Ранке, *Hardenberg und die Geschichte des preussischen Staates etc.* Т. III, стр. 271.

таться сойтись съ Австрією, образовать въ союзѣ съ нею третью, независимую силу и предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ. Уступая настояніямъ своихъ министровъ, король отправилъ къ Австрійскому двору одного изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ Австрійскаго союза, полковника Ф. Кнезебека; но Кнезебекъ вернулся изъ Вѣны совершенно разочарованный. Отъ графа Меттерниха онъ получилъ лишь дешевый совѣтъ держаться мирной системы и тѣмъ самымъ подготовить будущее возстановленіе обоихъ средне-европейскихъ государствъ. Кнезебекъ, какъ человекъ военный, отлично понималъ, что принять на себя посредничество можетъ лишь тотъ, кто самъ располагаетъ достаточною силою; а между тѣмъ онъ замѣтилъ, что вооруженія Австріи подвигались впередъ крайне медленно и что держава эта была вовсе не готова къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Получивъ донесенія Ф. Кнезебека, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился сдѣлать шагъ впередъ на встрѣчу Россіи, на встрѣчу старому другу своему императору Александру. Тотъ-же самый Ф. Кнезебекъ отправленъ былъ въ русскую главную квартиру. Трудно было избрать болѣе не подходящее лицо. Когда Кнезебекъ явился къ императору Александру въ мѣстечкѣ Хлодавѣ, въ двухъ переходахъ отъ Калиша, то императоръ принялъ его съ живѣйшею радостью. Онъ говорилъ съ холоднымъ дипломатомъ тѣмъ сердечнымъ тономъ, который выработался въ немъ подъ вліяніемъ послѣднихъ событій. Онъ объявилъ, что намѣренъ возстановить Пруссію въ ея прежнемъ блескѣ. „День, въ который я возстановлю короля въ его законныхъ правахъ и владѣніяхъ, будетъ прекраснѣйшимъ, сладчайшимъ днемъ моей жизни“, воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ ¹⁾.

Когда начались переговоры, то Кнезебекъ, опираясь на свою инструкцію ²⁾, настаивалъ прежде всего на возстановленіе Пруссіи въ предѣлахъ 1806 г. и требовалъ возвраще-

¹⁾ См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 301. Въ такомъ-же смыслѣ выражались и приближенные императора.

²⁾ Инструкціи Кнезебека см. у Ранке, Т. III, стр. 280.

нія герцогства Варшавскаго. Александръ возразилъ, что онъ намѣренъ предоставить Пруссіи ея прежніе размѣры, но что объ уступкѣ герцогства Варшавскаго не можетъ быть и рѣчи. Императоръ далекъ отъ всякой мысли удерживать за собою Восточную Пруссію, но ни подъ какимъ видомъ не можетъ онъ выпустить изъ своихъ рукъ герцогства Варшавскаго. Удерживать Польшу онъ обязанъ уже потому, что въ противномъ случаѣ, польская нація можетъ подняться вновь за Наполеона и создать тѣмъ великую опасность въ тылу союзныхъ армій. Въмѣсто герцогства Варшавскаго Александръ предлагалъ Пруссіи все королевство Саксонское, но Кнезебекъ, не умѣвшій понять, что судьба Польши безповоротно уже рѣшена императоромъ, упорно стоялъ на своемъ. По поводу Саксоніи, онъ возразилъ, что подобное предложеніе имѣетъ значеніе принципиальное, что принимая его, Пруссія вступила-бы на путь завоевательной политики Наполеона, тогда какъ въ настоящій моментъ дѣло идетъ о возстановленіи права всего строя, разрушеннаго имъ. Въ виду такого категорическаго заявленія Ф. Кнезебека всякіе дальнѣйшіе переговоры между нимъ и императоромъ Александромъ сдѣлались невозможными ¹⁾.

Прусско-русскому соглашенію являлось, такимъ образомъ, неожиданное препятствіе и притомъ въ такой моментъ, когда это соглашеніе было крайне необходимо для императора Александра и великаго дѣла, которое онъ отстаивалъ имъ. Штейнъ, лично уважавшій Кнезебека, былъ, однако-же, внѣ себя отъ негодованія при видѣ тѣхъ сомнѣній, которымъ предавался прусскій уполномоченный на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній императора Александра. Не думая долго, онъ прямо и рѣзко высказалъ Кнезебеку свое мнѣніе ²⁾, и посоветовалъ императору Александру вступить въ непосредственныя сношенія съ королемъ. Александръ рѣшился послѣдо-

¹⁾ О переговорахъ съ Кнезебекомъ см. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 301—302. Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 282 и слѣдующія.

²⁾ О способѣ дѣйствій Кнезебека Штейнъ увѣдомилъ также прусскаго канцлера Гарденберга. Гарденбергъ въ своихъ письмахъ торопилъ Кнезебека заключеніемъ договора, но тщетно. См. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 302.

вать совѣту Штейна. Въ собственноручномъ письмѣ къ королю онъ доказывалъ, что Пруссія имѣетъ полное право разорвать свой союзъ съ Наполеономъ, не исполнившимъ послѣ Тильзитскаго мира ни одного условія трактатовъ, ни одного изъ своихъ обѣщаній. Да и съ кѣмъ-же заключилъ король союзъ? Очевидно съ державою, которая выставила противъ Россіи четырехсоттысячную армію; но въ настоящій моментъ эта армія уже не существуетъ болѣе ¹⁾. Императоръ извѣщаетъ въ заключеніе, что онъ отправляетъ къ своему старому союзнику и другу человека, вполне посвященнаго въ его планы и что онъ не сомнѣвается ни минуты, что король, не колеблясь, дастъ свое согласіе на проектъ союзнаго договора, составленный въ русской главной квартирѣ и удовлетворяющій какъ нельзя болѣе интересамъ обѣихъ сторонъ.

Человѣкъ, о которомъ говорилъ императоръ въ своемъ письмѣ, былъ никто иной, какъ баронъ Штейнъ. Онъ самъ рѣшился ѣхать къ королю, хотя и зналъ очень хорошо, что лица, окружавшія Фридриха-Вильгельма, съумѣли выставить его въ глазахъ подозрительнаго короля отъявленнымъ революціонеромъ и поборникомъ завоевательныхъ плановъ Россіи. Штейнъ выѣхалъ въ Бреславль въ сопровожденіи статскаго совѣтника Анштета.

Его поѣздка облечена была глубокою тайною. Кнезебекъ узналъ о ней лишь по прошествіи 36 часовъ; онъ спѣшилъ предупредить короля, но было уже поздно ²⁾. Штейнъ выѣхалъ изъ Калиша 24 февраля и уже на другой день прибылъ въ Бреславль. Не теряя ни минуты времени, онъ поѣхалъ во дворецъ и тотчасъ-же добился аудіенціи у короля. „Неужели, ваше величество можете еще колебаться и раздумывать“ ³⁾, таковы были слова, съ которыми обратился смѣлый патріотъ къ Фридриху-Вильгельму. Въ сильныхъ словахъ, съ пламеннымъ, исключительно свойственнымъ ему

¹⁾ Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 283.

²⁾ Донесеніе Кнезебека королю у Онкена, Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege, Т. I, стр. 264:

³⁾ Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 302.

одушевленіемъ, обрисовалъ онъ затѣмъ великую важность момента, необходимость и спасительную неизбѣжность предстоящаго рѣшенія. Фридрихъ-Вильгельмъ не любилъ своего бывшаго министра за его прямоту и перѣдко грубую смѣлость; но въ данный моментъ онъ созналъ, что въ голосѣ Штейна говорить ему сама необходимость, что ему предлагается, быть можетъ, послѣдняя возможность возстановленія отечества. Правдивая рѣчь изгнанника подавила сомнѣнія, подымавшіяся въ душѣ короля, разсѣяла хитросплетенія клеветы и лжи, опутавшія его въ эти послѣдніе, страшные мѣсяцы и дни. Выслушавъ проектъ предлагаемаго ему союза, Фридрихъ-Вильгельмъ тутъ-же изъявилъ на него свое согласіе въ принципѣ, и приказалъ позвать канцлера Гарденберга. Канцлеръ, недовольный упрямствомъ и неловкостью Ф. Кнезебека и разочаровавшійся въ послѣдніе дни въ своихъ надеждахъ на Австрію, одобрилъ съ своей стороны рѣшеніе короля. Штейнъ торопилъ рѣшеніе. „Король“, объявилъ онъ, „долженъ отправить завтра же въ Калишъ окончательный отвѣтъ и притомъ не иначе какъ со мною, или съ генераломъ Шарнгорстомъ; въ противномъ случаѣ императоръ Александръ будетъ сомнѣваться въ искренности и безповоротности рѣшенія“. Король изъявилъ и на это требованіе свое согласіе. Онъ объявилъ, что генераль Шарнгорстъ завтра же выѣдетъ въ Калишъ ¹⁾.

Порученіе, возложенное императоромъ Александромъ на Штейна, было исполнено самымъ блистательнымъ образомъ; но здоровье желѣзнаго барона было потрясено неслыханными трудами и тревогами послѣднихъ мѣсяцевъ. Путешествіе и ночлеги по зараженнымъ мѣстностямъ герцогства Варшавскаго не прошли безслѣдно и для его крѣпкой организаціи. Симптомы господствующей эпидеміи давали уже чувствовать себя. Лихорадка не давала ему покоя и онъ рѣшился не ѣхать обратно въ Калишъ, а дожидаться въ Бреславлѣ скораго пріѣзда императора Александра. Ни король, ни его приближенные не позаботились, однако-же, пріютить русска-

¹⁾ См. Пергъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 303.

го уполномоченнаго, а Штейнъ не привыкъ заботиться о своихъ личныхъ удобствахъ. Выйдя изъ королевскаго дворца, онъ самъ отправился розыскивать себѣ квартиру, но всѣ его поиски остались тщетными. Бреславль былъ переполненъ до невозможности прїѣзжими. Невозможно было найти свободнаго угла ни въ гостиницахъ, ни на постоялыхъ дворахъ. Проѣздивъ по-напрасну по городу нѣсколько часовъ, Штейнъ остановился въ недоумѣніи и досадѣ на торговой площади. Тутъ замѣтилъ его генераль Ф. Люцовъ, вербовавшій въ сосѣдней гостиницѣ, „Ускипетра“, волонтеровъ для предстоящей кампаніи. Немедленно же предложилъ онъ барону раздѣлить съ нимъ его скромное помѣщеніе. Штейнъ принялъ радушное предложеніе. Бывшій министръ короля прусскаго, уполномоченный императора Всероссійскаго, помѣстился въ небольшой комнаткѣ на чердакѣ. Но враги Россіи и знаменитаго изгнанника не дремали. Старый интриганъ и измѣнникъ, фельдмаршалъ Ф. Калькрейтъ, немедленно же увѣдомилъ французскаго посланника Ст. Марсана о мѣстопробываніи Штейна. Ст. Марсанъ тотчасъ-же нанялъ себѣ комнату на противоположной сторонѣ улицы у какого то портнаго и просиживалъ въ ней по цѣлымъ днямъ, намѣреваясь наблюдать за всѣми движеніями Штейна, а равно и за лицами, которыя будутъ посѣщать его. Но онъ караулилъ по напрасну. Друзья ¹⁾ Штейна были также на сторожѣ. Они приходили къ нему не иначе какъ въ темнотѣ, поздно вечеромъ и Ст. Марсанъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, покинулъ свой наблюдательный постъ.

Императоръ Александръ былъ въ восторгѣ, получивъ извѣстіе объ окончательномъ заключеніи союзнаго договора. И въ этомъ новомъ событіи онъ видѣлъ вліяніе той-же высшей, всеспасающей силы Провидѣнія, которая видимо руководила имъ въ его великомъ и святомъ подвигѣ. И на этотъ разъ его твердая вѣра восторжествовала надъ всѣми сомнѣніями и нашептываніями трусовъ и интригановъ. Еще за день передъ

¹⁾ Въ числѣ этихъ друзей были всѣ лучшіе люди Пруссіи. См. Stein's Leben, Т. III, стр. 303.

возвращеніемъ Анштета, Кнезебекъ отваживался утверждать, что король будетъ крайне недоволенъ посылкою Штейна, что слѣдовало бы отправить вмѣсто него Нессельроде. Получивъ подписанный актъ договора, императоръ немедленно же велѣлъ пригласить къ себѣ прусскаго уполномоченнаго ¹⁾. Онъ встрѣтилъ его, держа въ рукахъ актъ союзнаго договора, такими словами: „Видите-ли, милостивый государь; король имѣеть ко мнѣ болѣе довѣрія, нежели вы; онъ подписалъ тотчасъ-же не измѣнивъ ни слова“. Кнезебекъ, потрясенный неожиданностью этой сцены, отвѣчалъ: „Государь, король былъ воленъ ввѣрить судьбу моего отечества великодушному сердцу Вашего Величества. Такъ какъ я знаю благосклонныя намѣренія Вашего Величества по отношенію къ Пруссіи, то мнѣ остается лишь поздравить короля и мое отечество съ этимъ рѣшеніемъ“. Императоръ возразилъ: „Это подкрѣпленіе послано мнѣ самимъ Провидѣніемъ. Король можетъ быть увѣренъ, что я не выйду отсюда, не исполнивъ его надеждъ; скорѣе умру, нежели оставлю его“ ²⁾. При этихъ словахъ голосъ императора прервался, онъ не могъ говорить далѣе отъ сильнаго, внутренняго волненія. Успокоившись нѣсколь-ко, императоръ продолжалъ: „Вы ошиблись и въ томъ, что посылка господина Штейна будетъ неприятна для короля. Могу васъ увѣрить, что баронъ Штейнъ былъ принятъ королемъ совершенно милостиво“. Кнезебеку оставалось лишь заявить, что онъ крайне доволенъ и этимъ обстоятельствомъ. На другой день онъ уже уѣхалъ изъ Калиша и мѣсто его при главной русской квартирѣ занялъ генераль Шарнгорстъ. Новый, прусскій уполномоченный, творецъ новой, прусской военной организаціи, задуманной и совершенной въ тяжелую годину наполеоновскаго ига, представлялъ полную противоположность Кнезебеку. Открытый, прямой, честный, настоя-

¹⁾ Кнезебекъ сидѣлъ въ это время, ничего не подозрѣвая у графа Толстаго. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 303.

²⁾ „Das ist eine Verstärkung, welche die Vorsehung mir schickt, und der König kann sicher sein, dass ich nicht heraustreten würde ohne seine Hoffnungen erfüllt zu haben; ich würde eher sterben, als ihn verlassen“. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 304.

щій рыцарь безъ страха и упрека, ярый сторонникъ русскаго союза, онъ сталъ съ самаго же перваго дня въ наилучшія отношенія и къ государю, и къ русскому главному штабу. Благодаря ему, между обѣими союзными арміями водворилась немедленно же полнѣйшая гармонія, столь необходимая въ такой критическій моментъ.

Въ началѣ марта все Варшавское герцогство очищено было отъ непріятельскихъ войскъ. Ничто не мѣшало теперь императору Александру исполнить самое сердечное желаніе свое: поспѣшить въ Бреславль на свиданіе съ другомъ своей юности, съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Съ именемъ короля для императора связывались самыя дорогія для него воспоминанія. Тѣсная, дружеская связь между обоими монархами началась уже въ самомъ началѣ царствованія ихъ обоихъ. Она завязалась впервые на личномъ свиданіи въ Мемелѣ въ 1801 году; она получила свое торжественное освященіе въ 1805 г. у гробницы Фридриха Великаго, она пережила тяжелый Тильзитскій кризисъ, она не изсякла и въ тяжелую годину 1812 г. Политическіе интересы, непреоборимыя обстоятельства должны были, повидимому, не разъ разлучить царственныхъ друзей, но сила взаимной, чисто человѣческой симпатіи каждый разъ соединяла ихъ вновь. Александръ принужденъ былъ отречься въ Тильзитѣ отъ своего союзника, отдать его на жертву Наполеону, но Фридрихъ-Вильгельмъ сумѣлъ тогда понять безвыходное положеніе русскаго императора и, не смотря ни на что, продолжалъ вѣрить въ его дружбу. И онъ не ошибся въ своей вѣрѣ. Александръ могъ временно увлекаться Наполеономъ, могъ, гоняясь за призракомъ величія, жертвовать не только интересами своихъ союзниковъ, но даже своими собственными; но эти увлеченія скользили лишь по поверхности его даровитой, разносторонней натуры; не проникая въ ея глубину, не измѣняя ея основныхъ теченій и симпатій. Превратившись въ союзника Наполеона, Александръ не переставалъ быть искреннимъ и сердечнымъ другомъ короля прусскаго. Онъ пользовался своею официальною дружбою съ французскимъ императоромъ между прочимъ и для того, чтобы

являться неутомимымъ ходатаемъ за несчастнаго Фридриха-Вильгельма и его разоряемое королевство передъ грознымъ, безжалостнымъ завоевателемъ. Правда, эти настойчивыя предстательства не всегда увѣнчивались успѣхомъ; жѣлзная рука Наполеона продолжала давить безжалостно Пруссію; но все-же Александръ успѣвалъ сохранять хотя остатокъ самостоятельности Пруссіи, тѣмъ болѣе, что и Наполеонъ хорошо понималъ, что посягательство на эту самостоятельность поведетъ къ немедленному-же разрыву съ Россіею. Послѣ свиданія въ Эрфуртѣ, гдѣ дружба Александра съ Наполеономъ получила, повидимому, свою окончательную санкцію, императоръ русскій относится еще съ болѣею заботливостью и вниманіемъ къ своему старому, несчастному другу. Онъ приглашаетъ въ 1810 г. короля и его супругу, эту симпатичнѣйшую и женственнѣйшую изъ женщинъ, бывшихъ когда либо на тронѣ, въ Петербургъ. Онъ устраиваетъ имъ неслыханно-торжественный и великолѣпный пріемъ; онъ какъ будто хочетъ показать всему свѣту, что добродѣтель и несчастіе имѣютъ въ глазахъ его несравненно большее значеніе, нежели величіе и могущество, основанное на развалинахъ счастья милліоновъ.

Понятно, что тяжелый кризисъ 1812 г. не могъ повліять охлаждающимъ образомъ на тѣсную дружбу обоихъ монарховъ. Александръ понималъ отлично, что Фридрихъ-Вильгельмъ принужденъ былъ стать подъ знамена Наполеона лишь въ силу неотразимой необходимости. Онъ зналъ, что Фридриху-Вильгельму оставался лишь одинъ выборъ между совершеннымъ уничтоженіемъ его королевства и соединеніемъ съ Наполеономъ. Онъ одобрялъ даже рѣшеніе короля, послѣдовавшее послѣ невѣроятно тяжелой, внутренней борьбы, и не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ прусскихъ патріотовъ, которые требовали, чтобы король поставилъ все на карту и соединился тѣсно съ Россіею. Александръ не могъ, правда, не отнестись съ нѣкоторымъ чувствомъ горечи къ вынужденному переходу Фридриха-Вильгельма въ непріятельскій лагерь. Онъ даетъ волю своимъ чувствамъ въ собственноручномъ письмѣ къ королю. Уже одна мысль, что они

дѣлаются теперь непріятелями, сжимаетъ болѣзненно его сердце. Александръ дѣлаетъ даже упреки Фридриху-Вильгельму, но онъ тутъ-же беретъ ихъ назадъ и спѣшитъ увѣрить короля, что не смотря ни на что, онъ останется его другомъ до гроба ¹⁾. И точно также относится къ Александру и Фридрихъ-Вильгельмъ. Оба они сознаютъ, что формальный разрывъ политическій не въ состояніи разорвать ихъ тѣсной, личной дружбы. Оба они питаютъ твердую надежду, что тяжелое, страшное испытаніе должно вскорѣ миновать, что въ недалекомъ будущемъ, дружба, связующая ихъ, соединитъ вновь неразрывными узами ихъ государства и народы.

Явленіе, поистинѣ, безпримѣрное на страницахъ всемірной исторіи! Не подлежитъ, правда, ни малѣйшему сомнѣнію, что дружба монарховъ Россіи и Пруссіи основывалась прежде всего на полнѣйшей солидарности интересовъ обоихъ государствъ, но сама по себѣ эта солидарность никогда не могла-бы вызвать такого прочнаго, чисто внутренняго, непоколебимаго единенія обоихъ государей, какъ въ данномъ случаѣ. Къ связи политической, къ общности интересовъ государственныхъ присоединялась тутъ связь чисто личная, взаимное, непреодолимое влеченіе двухъ натуръ, совершенно противоположныхъ на первый взглядъ, но въ глубинѣ родственныхъ другъ другу. Спрашивается, на чемъ-же основалась эта личная гармонія и какимъ образомъ могли вліять оба монарха другъ на друга? Мы увидимъ сейчасъ, что отвѣтъ на эти вопросы имѣетъ весьма важное значеніе для главнаго предмета нашего изслѣдованія.

Фридрихъ - Вильгельмъ III ²⁾ былъ нѣсколькими годами старше императора Александра, но эта разница въ лѣтахъ

¹⁾ См. Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 220.

²⁾ Характеристику Фридриха-Вильгельма можно найти въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой эпохѣ; но само собою понятно, что наиболѣе достовѣрный матеріалъ даютъ лица, находившіяся въ близкихъ отношеніяхъ къ королю. Въ числѣ такихъ лицъ первое мѣсто занимаетъ епископъ Эйлертъ. Его книга о Фридрихѣ-Вильгельмѣ „Charakterzüge aus dem Leben des Königs von Preussen“, 3 тома, не смотря на свой панегирический тонъ, должна служить главнымъ источникомъ для изученія характера короля.

была не настолько велика, чтобы могла служить препятствіемъ ихъ тѣсной дружеской связи ¹⁾. По своей внѣшности Фридрихъ-Вильгельмъ былъ такой-же выдающійся человекъ, какъ и императоръ Александръ, хотя и въ совершенно другомъ родѣ. Король былъ очень высокаго роста, отличался необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и соразмѣрностью своихъ членовъ. Онъ держалъ себя всегда прямо по военному, но въ то же время легко и непринужденно. Его лицо, соединявшее въ себѣ кроткія и серьезныя черты, привлекало къ нему невольно всѣхъ и каждаго. Его высокій, закругленный лобъ обнаруживалъ въ немъ человека мыслящаго, полная, нижняя губа говорила о его твердости, а вокругъ рта его замѣчалось выраженіе добродушія и веселаго юмора. Его темно-голубые глаза, полные ума и доброты, отличались почти всегда серьезнымъ и лишь изрѣдка веселымъ выраженіемъ. Не трудно было догадаться по нимъ, что король не мало передумалъ, но не мало и выстрадалъ въ своей жизни ²⁾.

По своему внутреннему содержанію, король не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые поражаютъ и ослѣпляютъ при первой же встрѣчѣ и представлялъ въ этомъ отношеніи замѣчательную противоположность императору Александру. У него не было недостатка въ солидныхъ природныхъ дарованіяхъ, но за то не было вовсе блестящихъ, поражающихъ способностей. Онъ обладалъ прекрасною памятью, отличался большою любознательностью, здравымъ, находчивымъ умомъ; но у него не было ни малѣйшей тѣни той гениальности, которою была проникнута до извѣстной степени натура Александра. Спокойный, ровный, разсудительный, почти флегматическій, онъ не способенъ былъ къ тѣмъ порывамъ и увлеченіямъ, которымъ поддавался такъ часто Александръ. Онъ былъ плохой ораторъ. Его глухой, грубый голосъ производилъ на первыхъ порахъ непріятное впечатлѣ-

¹⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ родился 3-го августа 1770 г.

²⁾ О наружности Фридриха-Вильгельма см. Эйлертъ. Charakterzüge, Т. I, стр. 12, 15 и въ другихъ мѣстахъ.

ніе. Онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, и требовалъ краткихъ и точныхъ отвѣтовъ отъ своихъ окружающихъ и собесѣдниковъ. Онъ одушевлялся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда его затрогивала за живое какая-нибудь любимая мысль. Когда рѣчь шла о важныхъ политическихъ или религіозныхъ вопросахъ и при томъ въ тѣсномъ избранномъ кружкѣ, онъ могъ говорить даже съ увлеченіемъ; но такіе случаи были рѣдки и, говоря вообще, ничто не было такъ противно королю, какъ фразерство и напыщенное краснорѣчіе ¹⁾. Неспособный къ какимъ бы то ни было увлеченіямъ, король любилъ обдумать тщательно каждый свой шагъ. Осторожный до мнительности, онъ откладывалъ всякое мало-мальски важное рѣшеніе, но рѣшившись однажды, стоялъ уже твердо и непреклонно на своемъ. При выборѣ своихъ друзей, окружающихъ и министровъ онъ дѣйствовалъ съ крайнею осмотрительностью. Онъ любилъ пользоваться услугами людей самыхъ противоположныхъ направленій, самыхъ различныхъ характеровъ и способностей, но никогда не подчинялся исключительно чьему бы то ни было вліянію. Въ его министерствѣ работали одновременно такіе безнравственные рутинеры какъ Гаугвицъ и Лучезини, и такіе безусловно честные и при томъ геніальные люди, какъ Штейнъ и Шарнгорстъ. Король умѣлъ цѣнить самыя разнообразныя заслуги и направленія, но онъ какъ бы остерегался людей выдающихся и геніальныхъ, опасаясь совершенно подчиниться ихъ вліянію. Своихъ приближенныхъ и друзей онъ искалъ въ средѣ посредственной, напоминая этимъ, впрочемъ лишь отчасти императора Александра. Александръ довѣрялся безусловно лишь одному Аракчееву, человѣку крайне безнравственному и жестокому, но въ то же время безусловно вѣрному; Фридрихъ-Вильгельмъ не имѣлъ болѣе близкаго друга, какъ генерала Ф. Кекѣрица, личность совершенно безцвѣтную и малоспособную, но преданную беззавѣтно своему государю ²⁾. Оба государя мѣняли столько разъ своихъ ми-

¹⁾ Эйлертъ, Charakterzüge, Т. III, стр. 14.

²⁾ Объ отношеніяхъ Фридриха-Вильгельма къ Кекѣрицу см. между проч. Эйлертъ, Charakter-züge, т. I, глава III, и въ другихъ мѣстахъ.

нистровъ и друзей, но Аракчеевъ и Кекѣрицъ удерживали при нихъ до конца свое не столько высокое, сколько интимное и вліятельное положеніе. Между обоими фаворитами была, впрочемъ, громадная разница, бросающая нѣкоторый свѣтъ и на характеръ государей. Кекѣрицъ былъ человѣкъ бездарный и дюжинный, но въ тоже время безусловно честный и скромный. Онъ дорожилъ лишь личнымъ расположеніемъ короля, но не стремился ни къ какому вліянію и во все не мѣшался въ государственныя дѣла. Аракчеевъ напротивъ, при всѣхъ своихъ низкихъ нравственныхъ качествахъ, былъ человѣкъ не дюжинный, отличался честолюбіемъ, вмѣшивался во всѣ дѣла и игралъ роль могущественнаго и страшнаго временщика ¹⁾. Его отношенія къ императору Александру всегда казались современникамъ непонятными и загадочными. Они не могли объяснить себѣ этой странной связи между благороднымъ и великодушнымъ монархомъ и грубымъ безжалостнымъ временщикомъ. Въ отношеніяхъ Кекѣрица и Фридриха-Вильгельма никто не усматривалъ чего либо страннаго или необычнаго, въ обществѣ, не говоря уже о народѣ, которому королевскій любимецъ оставался даже совершенно неизвѣстнымъ ²⁾.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Распространяться о вліяніи Аракчеева было-бы излишне; оно слишкомъ хорошо извѣстно, хотя слѣдуетъ замѣтить, что его жестокости и несправедливости оставались, въ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстными императору.

²⁾ Берлинцы знали, впрочемъ, Кекѣрица очень хорошо и нерѣдко острили на его счетъ.

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

и

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

(Продолженіе *).

Полное и совершенное познаніе Бога, по воззрѣнію Бернарда, точно также, какъ и по ученію представителей восточной церковной мистики, невозможно. Высочайшее существо невыразимо: Оно не можетъ быть точно опредѣляемо словомъ; но только можетъ быть доступно духу на высотѣ созерцанія ¹⁾. „Кто Онъ? Поистинѣ нѣтъ никакого лучшаго имени для Бога, какъ, „Онъ Сый“, ибо ничто лучше этого наименованія не выражаетъ понятія о вѣчности Бога, какъ существенномъ Его свойствѣ ²⁾. Называютъ Бога благимъ, великимъ, мудрымъ, или прилагаютъ къ Нему другіе термины, но всякій разъ при этомъ разумѣютъ Его безусловное бытіе. И если присоединяютъ къ опредѣленію понятія о Богѣ сотни наименованій, то ни одно изъ нихъ не можетъ такъ соотвѣтствовать Ему, какъ усвоенное Священнымъ Писаніемъ наименованіе Суцгаго. Прибавленіе новыхъ наименованій не расширитъ понятія о Богѣ: а лишеніе ихъ не

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 14.

¹⁾ De consideratione V. 3. Neander Der Heilige Bernhard und sein Zeitalter. Berlin, 1813. s. 290.

²⁾ Quis est? Non sane occurrit melius, quam qui est. De consideratione lib. V. cap. VI p. 97.

ограничить понятія о Богѣ, какъ абсолютномъ Существоѣ“. Какъ абсолютное Существо, Богъ Самъ причина своего бытія и вмѣстѣ—основаніе всего сущаго. Отъ Него все произошло, но Самъ Онъ существуетъ отъ Себя Самого. Для созданія міра Богъ не имѣлъ нужды ни въ какой матеріи. Онъ все создалъ изъ ничего, но не изъ Себя Самого, потому что преходящее бытіе не могло произойти изъ Его вѣчнаго Существа. Существо Божіе Едино, но въ трехъ лицахъ, хотя они составляютъ Единую Субстанцію. Впрочемъ, человѣческій разумъ не въ силахъ понять, какъ единство сущности соединяется въ Божествѣ съ разнообразіемъ лицъ: *истина эта составляетъ святую тайну вѣры, которая должна служить предметомъ почитанія но не изслѣдованія* ¹⁾.

Отъ Бога, въ силу творческой дѣятельности Его, произошелъ міръ. Первымъ актомъ этой дѣятельности, по воззрѣнію Бернарда, было созданіе ангеловъ: они произошли отъ Бога, по благодати, въ отличіе отъ Сына Божія, произошедшаго по природѣ отъ существа Бога Отца. Эти блаженные духи, одаренные силою, величіемъ и святостью личнаго существа, съ различнымъ назначеніемъ, въ своемъ родѣ совершенны; съ эфирнымъ тѣломъ, безсмертны и безстрастны. Отличаясь всегда чистымъ, благимъ и благочестивымъ духовнымъ настроеніемъ, ангелы одарены способностью познавать причину всего существующаго не вѣрою, или мнѣніемъ, но путемъ непосредственнаго созерцанія. „Небесные духи не нуждаются въ томъ, чтобы изъ творенія добывать познаніе Творца. Они также не нисходятъ къ тварнымъ существамъ для того, чтобы ихъ лучше познать: ангелы познаютъ твари въ томъ, въ чемъ они лучше, чѣмъ въ себѣ самихъ. Потому они не нуждаются въ тѣлесномъ чувствѣ, но сами для себя составляютъ чувство, ощущая себя самихъ“ ²⁾. Въ силу непосредственнаго созерцанія ангелы принимаютъ непосредственное участіе въ Богѣ. По своему участію въ Богѣ, имѣ-

¹⁾ Sacramentum hoc magnum est et quidem venerandum, non scrutandum. De consideratione lib. V. cap. VIII p. 103.

²⁾ Creatura Coeli sensus ipsa sibi, se ipsa sentiens. Ibid. cap. IV

ющему различныя степени ¹⁾ ангелы заимствуютъ отъ Него и воспроизводятъ въ себѣ болѣе или менѣе тѣ свойства, которыя Ему принадлежатъ. Такъ *Серафимы* горятъ огнемъ Божиимъ ²⁾ или огнемъ божественной любви; *Херувимы* блистаютъ мудростью насколько они участвуютъ въ абсолютной истинѣ — въ самомъ Богѣ; *Престолы* соприсутствуютъ Богу насколько это имъ дано по благодати Божіей ³⁾; *Власти* господствуютъ, но по волѣ Господа, какъ Его слуги; *Силы* пробуждаютъ челоѳическія сердца, но не сами по себѣ, а чрезъ воспринимаемую ими отъ Бога силу... Такъ какъ ангелы, въ силу присущаго имъ непосредственнаго созерцанія Бога и участія въ Его блаженствѣ, отражаютъ на себѣ божественныя совершенства и служатъ какъ-бы выраженіями (*explicationes*) извѣстныхъ свойствъ Божіихъ, то отсюда дѣлается Бернардомъ выводъ, что познаніе ангеловъ возвышаетъ насъ до познанія Бога. „По Серафимамъ можно видѣть какъ Господь любитъ даже, когда Онъ не имѣетъ основанія для любви внѣ себя; какъ Онъ печется о тѣхъ, кого призвалъ къ искупленію; какъ избранную добродѣтель, Онъ очищаетъ отъ всякой нечистой примѣси тѣмъ пламеннымъ огнемъ, которымъ исполнены Серафимы и удостоиваетъ Своей любви. Херувимы, называемые полнотою мудрости, убѣждаютъ насъ, что Богъ-Винovníкъ всякой мудрости; что онъ Единъ только чуждъ невѣдѣнія, весь свѣтъ, и тьмы нѣтъ въ Немъ. Престолы даютъ намъ возможность понять, что возсѣдающій на нихъ Богъ—Праведный Судія, награждающій правоту и наказывающій нечестіе. Власти показываютъ намъ, какъ велико величіе Господа, надъ всѣмъ вла-

¹⁾ Бернардъ раздѣляетъ ангеловъ, подобно св. Діонисію Ареопагиту, на девять ликовъ: *Angeli, Archangeli, Virtutes, Potestates, Principatus, Dominationes, Throni, Cherubim, atque Seraphim*. *Ibid.* Cap. IV p. 91, ср. *Hierarch. Coelest.* с. VI. Впрочемъ, это раздѣленіе ангеловъ на классы было принято на западѣ еще со времени Григорія В. *Dogmengeschichte Hagenbach* s. 281.

²⁾ *Ardent Seraphimi, sed igne dei, vel potius igne deo*. *De considerat.* Lib. V, cap. V. p. 95.

³⁾ *Putemus thronos alto etiam ab his evolasse recessu, qui ex eo quod sedent throni dicuntur et ex eo sedent, quod sedet in eis deus* *ibid.* Lib. V, cap. IV p. 92.

дычествующаго. Князи указываютъ на Начало всего, отъ Котораго все исходитъ и т. д.“¹⁾ Принимая непосредственное участіе въ блаженствѣ Бога, ангелы участвуютъ также въ промыслительной дѣятельности Бога о мірѣ и человѣкѣ, какъ Его слуги, въ исполненіи Его воли для поддержанія добра.

Съ природою ангеловъ, по воззрѣнію Бернарда, была родственна природа перваго человѣка, хотя и менѣе совершенна. Уясняя частіѣ понятіе о первобытномъ состояніи перваго человѣка, Бернардъ, до извѣстной степени, воспроизводитъ воззрѣнія на этотъ предметъ представителей восточной Церкви и бл. Августина. Совершенство перваго человѣка состояло, по ученію Бернарда, въ томъ, что онъ былъ созданъ по образу и по подобію Божію. Образъ Божій состоялъ въ натуральныхъ силахъ духовной природы человѣка—въ способности къ непосредственному созерцанію Бога и единенію съ Нимъ, а подобіе Богу—въ постепенномъ развитіи этихъ силъ, согласно съ ихъ высшимъ назначеніемъ,—для достиженія непосредственнаго участія въ блаженствѣ Божіемъ²⁾. Первый человѣкъ, по воззрѣнію Бернарда, могъ не грѣшить но онъ заключалъ въ своей духовной природѣ задатки святости, которые долженъ былъ постепенно развивать и усовершенствовать, пользуясь данною ему свободою, активно, хотя и при содѣйствіи благодати Божіей. Признавая свободу главнымъ условіемъ религіозно-нравственнаго совершенства человѣка, Бернардъ различаетъ въ ней три вида: свободу отъ необходимости (*libertas a necessitate*) или свободу выбора; свободу отъ грѣха (*libertas a peccato*), или свободу рѣшимости и свободу отъ страданія (*libertas a miseria*), или свободу благоугожденія Богу³⁾. Первый человѣкъ обладалъ свободою выбора въ полной и совершенной степени: ему вполнѣ принадлежалъ выборъ добра, или зла. Что касается до послѣднихъ видовъ свободы, заключавшихся въ рѣшимости на добро

¹⁾ Ibid. cap. IV.

²⁾ De gratia et libero arbitrio cap. 2. t. III. p. 124.

³⁾ Ibid. VII cap. 133—134 p.

и въ нравственномъ самоопредѣленіи, какъ источникѣ блаженства, то они принадлежали первому человѣку, какъ ограниченному существу, въ относительной степени и должны были развиваться постепенно, при содѣйствіи божественной благодати. „Только Богу, какъ абсолютно-совершенному Существу, принадлежитъ полная свобода во всѣхъ трехъ ея видахъ. Сами ангелы обладали въ полной степени свободою выбора и если добрые ангелы достигли утвержденія въ добрѣ, выражающемся въ постоянной склонности къ нему и въ нравственномъ самоопредѣленіи, а злые ангелы лишились этого, то только потому, что первые счастливо воспользовались свободою перваго рода, а послѣдніе употребили ее во зло. Человѣкъ также употребилъ во зло данную ему Богомъ свободу выбора, предпочелъ свою личную волю волѣ Божіей и, вслѣдствіе этого, отпалъ отъ Бога. Вслѣдствіе злоупотребленія свободою выбора, человѣкъ лишился прежде принадлежавшей ему возможности склоняться къ добру,—рѣшимости къ нему и постояннаго нравственнаго самоопредѣленія, задатки котораго заключались въ его духовной природѣ; онъ сдѣлался болѣе склоннымъ ко злу. Возможность не грѣшить, принадлежавшая природѣ перваго человѣка до паденія, по паденіи обратилась въ невозможность не грѣшить. Человѣкъ палъ подъ власть грѣха и смерти. Онъ не только, по грѣхопаденіи лишился возможности къ постоянному нравственному самоопредѣленію и къ участию въ блаженствѣ Божіемъ, но лишился возможности даже самостоятельно рѣшаться, или склоняться къ добру¹⁾. Такъ человѣкъ сталъ рабомъ грѣха и смерти“. Очевидно, что въ возрѣніяхъ своихъ на состояніе первобытной природы человѣка и на поврежденность ея, вслѣдствіе грѣхопаденія, Бернардъ расходится съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ, видѣвшимъ преимущество первобытнаго состоянія человѣка только въ принадлежности ему особыхъ сверхъестественныхъ даровъ благодати и ограничивавшимъ понятіе о поврежденности природы человѣка только отнятіемъ этихъ даровъ благодати. Бернардъ скло-

¹⁾ Ibid. cap. VII—VIII.

няется въ указанныхъ пунктахъ къ ученію бл. Августина, хотя, впрочемъ, смягчаетъ воззрѣніе Августина тѣмъ, что въ человѣкѣ, по его воззрѣнію, сохранилась способность къ выбору добра, или зла. Только способность выбора добра сохраняется въ человѣкѣ потенциально; она является актуальною только при содѣйствіи благодати Божіей, склоняющей человѣка къ добру и утверждающей въ добрѣ ¹⁾. Паденіе человѣка Бернардомъ различно объясняется. Оно представляется Бернардомъ, то въ стремленіи къ приобрѣтенію высшаго знанія, то въ малодушіи, или недостаткѣ любви, но главною-общею причиною его признается личная вина человѣка, преступившаго данную Богомъ заповѣдь. „Не медвѣдь, не левъ, но змій тебя, о Ева, обольстил! Опъ тебя обольстилъ, но не принудилъ. Жена, о Адамъ, тебѣ дала отъ древа; она тебѣ предложила плодъ, но не навязала силою. Не по ея власти, но по твоей волѣ случилось, что ты болѣе повиновался ея голосу, чѣмъ голосу Бога“ ²⁾. Злоупотребленіе „свободою выбора“ допущенное первымъ человѣкомъ, распространилось на все потомство Адама, такъ что всѣ потомки страдаютъ по винѣ одного. „Поврежденіе природы человѣческой, унаслѣдованное грѣхомъ таково, что всякія попытки къ добру напрасны, безъ содѣйствія благодати; онѣ ничто безъ оживленія при ея посредствѣ. Напротивъ, чувство и мысли человѣка склонны ко злу. Заслуга человѣка, при совершеніи добра, не въ его свободной волѣ, но исходитъ свыше отъ Отца Свѣта“ ³⁾. Впрочемъ, далѣе Бернардъ и здѣсь смягчаетъ свой Августиновскій взглядъ на благодать допущеніемъ мысли о томъ, что добрыя дѣла, которыми мы украшаемся здѣсь на землѣ, даютъ намъ право на названіе чадъ Божіихъ, но что будущіе дары будутъ даны исключительно по благодати Божіей. Не смотря на это ограниченіе, Бернардъ остался болѣе или менѣе вѣренъ ученію бл. Августина о благодати. Преданность этому ученію, отличающая Бернар-

¹⁾ Ibid. cap. VIII.

²⁾ Sermo in divers. materias XI. 900. t. 1.

³⁾ De gratia et libero arbitrio XIII.

да отъ схоластическихъ теологовъ, служить причиною рѣшительнаго противодѣйствія его новому догмату о непорочномъ зачатіи Богоматери, возникавшему на западѣ, подъ вліяніемъ односторонняго взгляда на состояніе человѣческой природы по грѣхопадению, развиваемаго схоластическими теологами. Когда ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери, допущенное впервые Пасхазіемъ Радбертомъ и нашедшее себѣ защитника въ лицѣ аббата Гвидона, стало входить въ силу въ Ліонской церкви и побудило даже монаховъ Ліонскихъ установить особый праздникъ въ честь непорочнаго зачатія Богоматери: то Бернардъ горячо возсталъ противъ новаго догмата, признавая его вовсе неизвѣстнымъ древней Вселенской Церкви, еретическимъ и по своимъ послѣдствіямъ опаснымъ. Онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „ужасаюсь, видя, что нынѣ нѣкоторые изъ васъ возжелали перемѣнить состояніе важныхъ вещей, вводя новое празднество, невѣдомое Церкви, не одобряемое разумомъ, не оправдываемое древнимъ преданіемъ. Ужели мы болѣе свѣдущи и болѣе благочестивы, чѣмъ отцы наши? Но вы скажете: должно какъ можно болѣе прославлять Матерь Господа. Это, правда, но прославленіе, воздаваемое Царицѣ Небесной, требуетъ разумѣнія: Царственная Дѣва не имѣетъ надобности въ ложномъ прославленіи, обладая истинными вѣнцами славы и знаменіями достоинства... Говорятъ, что должно почитать зачатіе, которое предшествовало преславному рожденію: потому что если-бы не предшествовало зачатіе, то и рожденіе не было бы прославлено. Но что сказать, если-бы кто-нибудь по той-же самой причинѣ потребовалъ такого-же чествованія отца и матери? Равно могутъ потребовать того-же для ея дѣдовъ и прадѣдовъ до безконечности“ ¹⁾. Между всѣми сыновьями Адама только Христосъ, по ученію Бернарда, „былъ свободенъ отъ грѣха, а равно и отъ наказанія за него. Будучи свободенъ отъ грѣха и отъ наказанія за грѣхъ, Христосъ, пожелавъ сдѣлаться Искупителемъ человѣчества, принялъ,

¹⁾ Epist. 175. t. IV. p. 402. *Canonicis Lugdunensibus de conceptione beatae Mariae.*

однако, добровольно наказаніе за грѣхъ. Онъ сталъ подъ законъ страданія, но только потому, что этого желалъ съ тѣмъ, чтобы, пользуясь полною и совершенною свободою во всѣхъ ея видахъ, снять съ человѣчества двойное иго—грѣха и наказанія за грѣхъ“. Фактъ вѣстаснаго соединенія во Христѣ двухъ природъ—человѣческой и божественной Бернардомъ признается положительно, хотя по мѣстамъ и затемняется внѣшнею аллегорико-мистическою формою. Отецъ и Духъ Св., говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, „исполнили Христа славою. Потому Сынъ во плоти открылъ могущество Отца посредствомъ своихъ чудотвореній, милосердіе Духа Святаго посредствомъ отпущенія грѣховъ, а собственную свою сущность покрылъ семью печатами—временнымъ рожденіемъ, законнымъ обрѣзаніемъ, очищеніемъ матери, бѣгствомъ въ Египеть, тѣлесными нуждами, крещеніемъ и страданіемъ. Онъ самъ добровольно наложилъ на Себя эти печати и тѣмъ ограничилъ свою природу. Высочайшая сила обратилась въ немощь, мудрость—въ безуміе. На крестѣ пострадалъ безстрастный Богъ, и въ нашемъ смертномъ тѣлѣ погребенъ Безсмертный Сынъ Божій. Но Тотъ, Кто въ страданіи былъ агнцемъ, сдѣлался львомъ по воскресеніи. Сынъ Божій снизошелъ къ намъ, добровольно воспринявъ человѣческую природу и соединивъ ее съ природою божественною—неизмѣняемою въ единствѣ вѣстасномъ“. Состояніе униженія, или истощанія Сына Божія слѣдовало, по зрѣнію Бернарда, въ опредѣленныхъ степеняхъ, изъ которыхъ первая обнимаетъ время отъ снисхожденія Спасителя съ высшаго неба до воспріятія плоти; вторая—отъ воплощенія Его до крестнаго страданія; третья—отъ крестнаго страданія до смерти. Состояніе прославленія человѣческаго естества во Христѣ имѣло также свои степени: воскресеніе, вознесеніе съ плотію на небо, сидѣніе одесную Отца для того, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ ¹⁾. „Сынъ Божій явился для того, чтобы помочь нашей слабости силою своего Божественнаго всемогущества и чтобы просвѣтить нашу духовную слѣ-

¹⁾ LX Sermo in Epiph. Christi.

поту“¹⁾. Такого рода общія выраженія о дѣлѣ спасенія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ, конечно, сами по себѣ недостаточно обнимаютъ понятіе о предметѣ, во всей его глубинѣ и широтѣ. Но Бернардъ представляетъ болѣе частное и точное раскрытіе ученія объ искупленіи, совершенномъ Спасителемъ въ своей полемикѣ съ Абеярдомъ. Полемика эта для насъ важна не только для надлежащаго уясненія воззрѣній Бернарда на дѣло искупленія, но для опредѣленія различія раціонально-схоластической и ортодоксально-мистической точки зрѣнія на данный предметъ. Абеярдъ, какъ мы знаемъ, умалялъ значеніе искупительной дѣятельности Иисуса Христа, усматривая въ ней главную цѣль—въ проявленіи любви Божіей къ человѣку, которая должна была служить образцомъ и основаніемъ соотвѣтствующей взаимной любви со стороны человѣка, признаваемой достаточнымъ условіемъ для восстановленія нарушеннаго союза между Богомъ и человѣкомъ²⁾. Бернардъ видѣлъ въ такомъ взглядѣ Абеярда еретическое ученіе о Христѣ, какъ только объ Образцѣ и Учителѣ нравственности. „Такъ“, восклицаетъ Бернардъ, „Христосъ училъ справедливости и не далъ; показывалъ любовь къ человѣчеству и не изліялъ“³⁾. Значить, продолжаетъ Бернардъ, „по ученію Абеярда, выходитъ, что Христосъ принесъ пользу только тѣмъ, которіе слѣдовали Его жизни и сами воспламенялись любовью къ Нему? Но простирается-ли сила искупительныхъ заслугъ Христа на дѣтей, которыя не могутъ послѣдовать Его примѣру?“ На діалектической вопросъ Абеярда о томъ, „могъ-ли Богъ искупить человѣчество силою одной воли“, Бернардъ отвѣчаетъ: „Кто отрицаетъ, что Всемогущему могли-бы быть возможны другіе способы нашего искупленія и оправданія; но это нисколько не говоритъ противъ значенія того способа, который Онъ избралъ и, быть можетъ, этотъ способъ имѣлъ преимущество; потому что тяжесть и сила страданій Искушите-

¹⁾ XXIV. Sermo.

²⁾ Redemptio ait, nostra est illa summa per Christi passionem dilectio. Ep. CXCI t. IV. p. 458.

³⁾ Quid prodest, quod nos instituit, si non restituit? CXCI t. IV. p. 457.

ля побуждаетъ насъ сильнѣе чувствовать наше паденіе ¹⁾. Но, прибавляетъ онъ, неистощимая глубина этого таинства никѣмъ не можетъ быть изслѣдована. Впрочемъ, если мы не въ силахъ изслѣдовать волю Божию въ совершеніи дѣла искупленія страданіями Сына Божія, то въ замѣнъ этого можемъ въ себѣ самихъ ощущать пользу его ²⁾. Абельярдъ задавался вопросомъ, „почему искупленіе совершено не словомъ, но кровію“. Бернадъ на это отвѣчаетъ: „спроси объ этомъ Его Самого. Мнѣ дано знать, что *это такъ* совершилось, а *не почему*. Можетъ-ли твореніе сказать Творцу: почему Ты меня такъ создалъ?.. Не смерть Христа; но готовность добровольно пострадать и умереть была угодна Богу. Богъ не требовалъ крови Своего Сына, но принялъ предложенное. Богъ желалъ не крови Христа, но спасенія нашего. Въ дѣятельности Христа важны три дѣла: самоуничженіе Его, откровеніе любви, простирающейся до крестной смерти, и тайна искупленія, чрезъ которую Христосъ побѣдилъ смерть. Оба первыя—сами по себѣ не имѣютъ твердаго основанія безъ искупленія. Подражаніе смиренію и самоуничженію не имѣетъ цѣли безъ общенія съ Нимъ, которое одно только доставляетъ всему силу и которое даетъ вѣчную жизнь“ ³⁾. Раскрывая догматъ объ искупленіи, совершенномъ Іисусомъ Христомъ шире и глубже, сравнительно съ Абельярдомъ, Бернадъ тѣмъ еще существенно отличается отъ современныхъ схоластическихъ теологовъ, что, избѣгая неумѣстной діалектической пытливости въ уясненіи того, что непостижимо для разума, старается понять фактъ искупленія въ его непосредственно-практическомъ значеніи, обнять его своимъ чувствомъ и сдѣлать основаніемъ своей личной жизни и нравственной дѣятельности. Идея о Спасителѣ, по воззрѣнію Бернарда, должна служить предметомъ постояннаго размышленія для вѣрующаго человѣка: она можетъ возвышать

¹⁾ Quis negat omnipotenti ad manum fuisse alios et alios modos nostrae redemptionis, justificationis, liberationis СХС, р. 454.

²⁾ Si non licet persecutari divinae sacramentum voluntatis, licet tamen sentire effectum operis fructum utilitatis percipere!

³⁾ In Cantica Canticorum Sermo XI, 65—72 t. II p. 1.

и укрѣплять духъ человѣка въ несчастіи; она же можетъ охранять его отъ искушеній въ счастіи. „Суха всякая пища души“, замѣчаетъ Бернардь, „если она не обливается этимъ елеемъ. . Если ты пишешь, то произведеніе твоего пера для меня ничего не значить, когда я не читаю въ немъ имени Іисуса. Если ты бесѣдуешь со мною, то бесѣда твоя сама по себѣ мнѣ ничего не говоритъ (безсодержательна), когда при этомъ не произносится имя Іисуса. Онъ—Единственный Утѣшитель въ скорбяхъ. Омрачается-ли кто изъ васъ, облака нависшія въ вашей душѣ, разсѣваются при свѣтѣ Его имени и въ ней наступаетъ чистое и свѣтлое настроеніе. Страждетъ-ли кто изъ васъ сомнѣніемъ и обрекаетъ-ли онъ себя на духовную смерть, не оживетъ-ли, когда призоветъ имя Жизнодавца? Будетъ-ли при этомъ свлценномъ имени мѣсто для жесткости сердца, для гордости и зависти? У кого не прольется потокъ слезъ обильнѣе, при призваніи имени Іисуса? Кто, трепеща отъ страха въ опасности, не получитъ вѣры и упованія, когда призоветъ имя Его въ молитвѣ? У кого, колеблющагося отъ сомнѣнія не облегчается совѣсть при призваніи Его имени? У кого не возвращается мужество въ несчастіи, если въ душѣ его звучитъ имя Помощника въ бѣдахъ? Несомнѣнно, во всѣхъ болѣзняхъ души имя Іисуса единственное цѣлебное средство. Когда я представляю себѣ Іисуса, представляю Его себѣ кроткимъ и смиреннымъ, такимъ чья святость меня озаряетъ и такимъ, Кто, какъ Всемогущій Богъ, будетъ силею меня уврачевать Своимъ примѣромъ и подкрѣпить своюю помощію. Вспоминая о Немъ, я беру себѣ примѣръ отъ человѣка и помощь отъ Бога и врачую себя такъ, какъ не можетъ уврачевать ни одно лекарство“ ¹⁾. Но рядомъ съ такими высоконазидательными наставленіями у Бернарда встрѣчаются также произвольныя, субъективно-мистическія воззрѣнія на отношеніе вѣрующаго ко Христу. Различая вообще въ любви къ Богу степени, въ силу которыхъ она болѣе и болѣе возвышается, Бернардь находитъ соотвѣтствующія степени

¹⁾ XV Sermo in Cantica Cantic. p. 105. t. II p. 1.

въ любви ко Христу. По его мнѣнію, любовь ко Христу проявляется въ двухъ степеняхъ—на низшей степени она имѣетъ отношеніе къ человѣческой природѣ Іисуса Христа, возбуждается внѣшними чувственными впечатлѣніями и имѣетъ, очевидно, историческое основаніе въ сознаніи заслугъ Искупителя; на высшей — она имѣетъ отношеніе къ природѣ Божественной. „Замѣть, говоритъ Бернардь, что любовь сердечная еще до извѣстной степени чувственна, если она движется болѣе мыслями о Христвъ, явившемся во плоти, основывается на томъ, что совершено Іисусомъ Христомъ и заповѣдано Имъ по человечеству. Кто руководствуется въ отношеніи ко Христу, такою любовію тотъ легко сокрушается подъ вліяніемъ воспоминаній о томъ, что совершено Спасителемъ. Если онъ молится, ему предстоитъ святой образъ Богочеловѣка въ томъ видѣ, какъ Онъ родился, училъ, страдалъ, воскресъ и вознесся на небо. То, что представляется при этомъ, можетъ воспламенить душу любовію къ добродѣтели, или содѣйствовать очищенію ея. Но я думаю, что невидимый Богъ явился во плоти, благоволилъ родиться и съ людьми пожить, какъ человѣкъ для того, чтобы *прежде всего наклонности плотскихъ людей, которые могутъ чувственно любить, привести къ освящающей любви и постепенно возвысить до духовной любви...* Христось указаль на высшую степень любви словами: Духъ живить, а плоть мертвить!“¹⁾ Бернардь отличаетъ вѣрующихъ, руководящихся въ своей дѣятельности представленіями о страданіяхъ Христа отъ тѣхъ, которые возвышаются надъ такими представленіями и, постепенно преобразаясь, могутъ съ болѣею самостоятельностью, безъ особыхъ внѣшнихъ побужденій, дѣйствовать въ религіозно-нравственномъ направленіи. Здѣсь Бернардь, очевидно, разумѣетъ идеальное религіозно-мистическое состояніе, при которомъ особое, личное субъективное настроеніе можетъ служить основаніемъ религіозно-нравственной дѣятельности, безъ посредства Христа, какъ воплотившагося Сына Божія. Бернардь еще болѣе ослабляетъ значеніе посредства Христа,

¹⁾ Sermo in Cantica Canticoꝝ XX. 146 p. t. II p. I.

какъ Богочеловѣка, въ историческомъ смыслѣ, когда, подобно Эригенѣ, учить (въ аллегорико-мистическомъ смыслѣ) о Словѣ, рождающемся въ душѣ человѣка, достигшаго высшаго совершенства. „Вы спрашиваете меня“, говоритъ онъ, „когда я могу узнать, что Слово близъ есть? Я отвѣчаю: съ того момента, когда оно вселяется въ мою душу, душа моя пробуждается отъ своего сна, мое жесткое и окаменѣвшее сердце смягчается, поражается и восхищается. Внѣдряясь въ сокровенную глубину сердца, Слово убѣждаетъ меня въ своей близости не внѣшними знаками, не звуками голоса и образами, я ощущаю его дѣйствіе по движенію моего сердца; я испытываю Его дѣятельную силу по искупленію отъ своихъ грѣховъ, по умерщвленію чувственныхъ желаній, по исправленію моихъ недостатковъ, по обновленію моей жизни, по общему превысшему созерцанію вещей, которыя влекутъ меня къ благоговѣнію передъ величіемъ Божиимъ“¹⁾. Такого рода субъективно-мистическій взглядъ на дѣйствіе Слова въ душѣ человѣка не препятствуетъ, однако, Бернарду въ общемъ видѣ придавать полное значеніе дѣлу искупленія, совершенному Спасителемъ; историческая реальность его признается Бернардомъ, какъ мы видѣли, во всей силѣ.

Но плоды искупленія могутъ быть усвоены, при посредствѣ благодати. Благодать въ дѣлѣ спасенія человѣка, по ученію Бернарда, представляется безусловно необходимою. „Было-бы безумно надѣяться въ дѣлѣ спасенія на собственную заслугу. Какъ не можетъ человѣкъ себя создать, такъ онъ не можетъ себя оправдать. Какъ мертвый не можетъ самъ себя воскресить, такъ грѣшникъ не можетъ себя породить“²⁾. Бернардъ, подобно бл. Августину, различаетъ три вида благодати по дѣйствию ея на человѣка: благодать предваряющую, дѣйствующую и содѣйствующую, хотя и не соблюдаетъ при этомъ раздѣленіи необходимой точности.

¹⁾ Sermo LXXI in Cantic. Cantic. 579 p. Грѣтъ справедливо видитъ въ этомъ мѣстѣ сходство ученія Бернарда съ ученіемъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ теософовъ спекулятивно-реформаторскаго направленія. Die deutsche Mystik in Prediger-Orden-Sreit Freiburg. 1861. s. 29.

²⁾ De gratia et liberum arbitrium c. XIV.

„Благодать предваряетъ насъ, вливая въ насъ добрыя дѣла и расположенія, измѣняя злую волю, соединяя ее съ собою, давая начала, опредѣляющія ея направленіе къ добру и силу къ его исполненію; она возбуждаетъ свободную волю добрыми мыслями; освящаетъ ее, измѣняя настроеніе, подкрѣпляетъ ее въ дѣлѣ добра и охраняетъ ее отъ искушенія“. Можетъ-ли человекъ самостоятельно творить добро? Бернардъ, какъ уже видно изъ вышесказаннаго, положительно отрицаетъ въ человекѣ возможность къ естественному совершенію добра, чѣмъ съ полною опредѣленностію отличается отъ представителей православной восточной мистики, допускавшихъ возможность для человека до нѣкоторой степени творить добро естественное, пользуясь остаткомъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, поврежденных грѣхопадениемъ, но не уничтоженныхъ. По воззрѣнію Бернарда, въ человекѣ существуетъ воля въ смыслѣ общемъ, какъ простая возможность къ дѣятельности, которая сама по себѣ неспособна творить добро, но можетъ достигать этого только при содѣйствіи благодати Божіей. „Воля дана намъ природою, конечно, отъ Бога, такъ какъ мы вообще творенія Божіи, но желаніе добра мы получаемъ по дѣйствию благодати Божіей, чтобы сдѣлаться достойными чадами Божіими. Воля сама по себѣ отличаетъ человека отъ другихъ существъ, дѣлаетъ его человекомъ, добрая воля уподобляетъ человека Богу, злая—дѣволу. Впрочемъ, мы можемъ принадлежать Богу, или дѣволу, сохраняя свою самостоятельность. Благодать не дѣйствуетъ на человека непреодолимо ¹⁾, хотя дѣйствіе ея на человека бываетъ сильно и человекъ заслуживаетъ осужденія, если не подчиняется ей. Божественная благодать *влекетъ* человека къ себѣ, сообщая ему чистое и совершенное знаніе и силу къ добру. Воля, соизволяющая благодати, подчиняющаяся ей, пріобрѣтаетъ направленіе къ опредѣленному объекту, именно къ Творцу, Которымъ создана, она можетъ развиваться и усовершенствоваться. Такъ какъ начало обращенія человека къ добру и утвержденіе въ немъ есть дѣло благодати, то заслуга въ дѣлѣ

¹⁾ Сар. XI.

совершенства должна принадлежать всецѣло Богу ¹⁾. Впрочемъ, и съ нашей стороны заслуга возможна, насколько выражается содѣйствіе благодати въ нашемъ возстановленіи. Это достигается путемъ добродѣтелей, посредствомъ которыхъ внутренній челоѣкъ обновляется со дня на день, усовершенываясь въ правотѣ стремленій, въ чистотѣ духовнаго настроенія, въ сознаніи добраго образа дѣйствій. Все, что совершается въ насъ, есть даръ Божій, потому что совершается Духомъ Св., однако, насколько что-либо совершается при участіи нашей воли, это дѣло составляетъ и нашу заслугу“ ²⁾. Приминая къ ученію бл. Августина о благодати, Бернардь колебался во взглядѣ на условія оправданія и освященія челоѣка благодатию. Онъ признавалъ для челоѣка возможнымъ достигнуть и въ этой жизни, при содѣйствіи благодати Божіей, праведности и святости и даже, какъ мы видѣли, при своемъ мистическомъ направленіи слѣдствіе праведности представлялъ въ непосредственномъ единеніи съ Богомъ, хотя и съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Однако онъ допускалъ и позднѣйшій протестантскій взглядъ объ оправданіи, какъ одномъ только внѣшнемъ вмѣненіи челоѣку праведности Христовой, хотя на самомъ дѣлѣ онъ не дѣлается праведнымъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ, несправедливо толкуя слова Св. Писанія (Пс. 31, 2 и Рим. 3, 23), Бернардь говоритъ: никто не можетъ быть безъ грѣха; для полного оправданія для меня достаточно того, чтобы ко мнѣ былъ милостивъ Тотъ, противъ Кого я согрѣшилъ. Божественной правдѣ свойственно не грѣшиться, *прощеніе грѣховъ Богомъ оправдываетъ челоѣка*. Еще яснѣе свой взглядъ на оправданіе Бернардь выражаетъ въ другой проповѣди „Христосъ не только Праведенъ, но также называется и Святымъ, по благи и справедливости оправдывающимъ челоѣка. Ты столь-же силенъ оправданіемъ, какъ и прощеніемъ. Потому, если ты скорбишь о своихъ грѣхахъ, алчешь и жаждешь справедливости, вѣрь въ Того, Кто оправдываетъ нечестиваго. *Оправданный одною въ-*

¹⁾ Сар. XIII.

²⁾ Ibid. сар. XIV.

рою будетъ имѣть миръ съ Богомъ ¹⁾. Очевидно въ данномъ случаѣ Бернардъ приближается къ протестантскому взгляду на условіе возрожденія человѣка ²⁾. Но въ другихъ мѣстахъ поправляетъ допущенныя неточности: „праведникъ отъ вѣры живетъ, но безъ всякаго сомнѣнія тотъ, у кого вѣра бываетъ, дѣйствена чрезъ любовь. Вѣра, обновляющая человѣка, необходимо производитъ добрыя дѣла. Какъ изъ цвѣта появляется плодъ, такъ изъ вѣры—добрыя дѣла ³⁾. Безъ дѣлъ вѣра мертва. Подобно тому, какъ по движенію тѣла мы узнаемъ объ его жизни, такъ жизнь вѣрующаго познается по добрымъ дѣламъ ⁴⁾. Съ другой стороны, смерть вѣры наступаетъ тогда, когда любовь отъ нея отдѣляется. Вѣришь ты во Христа? Совершай дѣла Христовы, да живетъ твоя вѣра. Вѣру должна оживлять любовь, подтверждать дѣйствіе. Но добрыя дѣла не могутъ сдѣлать сердце правымъ безъ вѣры“ ⁵⁾.

Признаніе вѣры и любви важными условіями нравственно—практической дѣятельности служитъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ, побуждающихъ Бернарда къ порицанію внѣшняго религіознаго формализма, преобладавшаго въ современномъ ему католическомъ обществѣ. Такъ Бернардъ рѣзко обличаетъ Цистерсійскихъ монаховъ въ томъ, что они гордились своимъ строгимъ уставомъ и точнымъ выполненіемъ его предписаній „Царство Божіе—внутри насъ. Праведность достигается не однимъ воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, но правдою, миромъ и радостію во Св. Духѣ“ ⁶⁾. Монахи, по словамъ Бернарда, заботясь исключительно о своей внѣшности, презираютъ самое важное—внутреннее одѣяніе души, благочестіе и смиреніе. „Не должно ограничиваться исключительно

¹⁾ Quamobrem quisquis pro peccatis compunctus esuerit et sitit justitiam, credat in te, qui justificas impium et solum justificatus per fidem, pacem habebit ad Deum.

²⁾ Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что въ протестантскомъ смыслѣ понимаетъ здѣсь Бернарда Неандеръ. *Algemein. Sesch. der Rel.* VIII. — 287. 1864.

³⁾ LI Sermo in Cantica Canticorum. p. 408—409.

⁴⁾ XXVIII Sermo. p. 230.

⁵⁾ XXIV Sermo in Cantic. Cantic. p. 193.

⁶⁾ *Apologia ad Svilelmum Abbatem.* *Algemeine Seschichte der Christlichen Religion* Neander 1864 t. VII s. 340.

выполненіемъ однихъ внѣшнихъ постановленій: они только необходимыя средства для духовной жизни, такъ какъ одна форма, безъ одушевляющаго содержанія, не имѣетъ никакого значенія“. Бернардь порицаетъ возрастаніе роскоши въ монастыряхъ; внѣшнее великолѣпіе и богатства въ церквахъ, часовняхъ и монастыряхъ, изысканныя, художественныя изображенія, которыя, возводя къ себѣ взоръ молящихся, побуждаютъ удивляться искусству самому по себѣ, но препятствуютъ благочестивому молитвенному настроенію духа ¹⁾. Бернардь видитъ въ чрезмѣрномъ преобладаніи внѣшней обрядности въ католичествѣ нѣчто іудейское, затемняющее сущность истинно—духовнаго Богопознанія, составляющаго отличительную принадлежность христіанства. Онъ видитъ въ заботахъ католическаго духовенства о чрезмѣрномъ развитіи внѣшней стороны богослуженія корыстолюбивыя цѣли,—желаніе тѣмъ самымъ располагать мірянъ къ большимъ приношеніямъ. Но Бернардь, справедливо возставая противъ чрезмѣрнаго преобладанія въ католическомъ богослуженіи художественнаго элемента, впадаетъ самъ въ противоположную крайность: онъ такъ мало цѣнитъ внѣшнюю обрядовую сторону въ богослуженіи, что находитъ возможнымъ на высотѣ духовнаго совершенства обходиться безъ нея. Онъ совѣтуетъ епископамъ въ организаціи внѣшней стороны богочтенія примѣняться къ степени развитія вѣрующихъ, при чемъ рекомендуетъ поддерживать и возвышать богослужебную обрядовую сторону собственно въ интересахъ низшаго класса, на который можно дѣйствовать въ религіозно-нравственномъ направленіи только внѣшними средствами. Что же касается до монаховъ, то они, въ силу самыхъ обѣтовъ, обязанные стоять на высотѣ совершенства, должны стремиться къ идеалу чистаго, духовнаго богопознанія.

Къ особенностямъ богословскаго міросозерцанія Бернарда необходимо отнести еще его свободное отношеніе къ источникамъ вѣроученія. Онъ главнымъ образомъ основывается въ своемъ богословствованіи на Священномъ Писаніи, изъ ко-

¹⁾ Quae dum orantium in se retorquent aspectum impedirent et affectum. Ibid.

торого постоянно приводитъ свидѣтельства для подтвержденія извѣстныхъ взглядовъ. Священное писаніе изъясняется Бернардомъ преимущественно аллегорико-мистическимъ способомъ, которому онъ отдаетъ предпочтеніе передъ историческимъ и нравственными способами, хотя послѣдніе методы имъ не отрицаются. Изъ всѣхъ книгъ священнаго писанія Бернарду предпочитаетъ книгу Пѣснь Пѣсней, которая даетъ ему самый широкій матеріалъ для его теософскихъ выводовъ. Онъ раздѣляетъ всю книгу Пѣснь Пѣсней на три части: „женихъ вводитъ невѣсту сначала въ садъ, потомъ въ келію и, наконецъ, въ мѣсто покоя“, гдѣ мистика достигаетъ своей крайней высоты. Первые слова этой книги: „цѣлуетъ меня лобзаніемъ своихъ устъ“ открываютъ собою для Бернарда тайну воплощенія, „чудесное лобзаніе, при которомъ не уста къ устамъ соприкасаются, но Богъ духовно объединяется съ плотію въ своемъ непостижимомъ снисхожденіи“. Частная особенность мистическаго изъясненія этой книги Священнаго Писанія, въ отличіе отъ объясненія ея отцами Церкви, та, что, подъ отношеніемъ жениха къ невѣстѣ, разумѣется преимущественно отношеніе Христа къ душѣ вѣрующаго, а не къ Церкви вообще, при чемъ представляется неистощимое поприще для фантастическихъ образовъ, облакающихъ мистическое чувство ¹⁾. Основывая свои возрѣнія на авторитетъ Священнаго Писанія, Бернарду по видимому, не придаетъ такого-же обязательнаго значенія церковному преданію. Хотя въ полемикѣ съ Абеярдомъ Бернарду рѣзко обличаетъ перваго за недостатокъ уваженія къ отцамъ Церкви; однако онъ самъ не признаетъ для себя обязательнымъ основывать свои выводы на ученіи отцевъ Церкви. Изъ всѣхъ представителей Церкви Бернарду дѣлаетъ исключеніе собственно въ пользу бл. Августина, изъ котораго дѣлаетъ значительныя выдержки. Другіе отцы Церкви, по видимому, игнорируются. Даже авторитетъ св. Діонисія

¹⁾ Такой способъ толкованія книги Пѣснь Пѣсней оправдывается словами Бернарда: *quod simul omnes integreque possidemus, hoc singuli sine contradictione participamus* Real—Encyclop. Herzog t. VI s. 211.

Ареопагита, высокочтимого всѣми ортодоксальными западными мистиками, у Бернарда не имѣетъ особаго значенія, хотя вліяніе сочиненій Діонисія Ареопагита на мистическое міросозерцаніе Бернарда несомнѣнно. Отсутствие ссылокъ на сочиненія отцевъ Церкви у Бернарда не можетъ быть объясняемо незнакомствомъ съ ними, такъ какъ Бернардъ обнаруживаетъ значительную начитанность для своего времени и вводитъ даже классиковъ въ область своихъ изслѣдованій.

Вообще-же оцѣнивая богословское міросозерцаніе Бернарда, мы должны признать его довольно неустойчивымъ. Бернардъ старался держаться въ богословствованіи ортодоксальнаго мистико-діалектическаго направленія, соответствующаго тому, начало которому было положено на Востокѣ св. Діонисіемъ Ареопагитомъ; но часто, быть можетъ противъ своей воли, измѣнялъ ему. Недостатокъ систематическаго образованія, въ связи съ природнымъ преобладаніемъ религиознаго чувства, служитъ причиною того, что мистическій субъективный принципъ беретъ въ его міросозерцаніи перевѣсъ надъ разсудочною рефлексією, почему онъ измѣняетъ католичеству, которому желалъ принадлежать. Какъ мистикъ, Бернардъ не мирится съ тѣми крайностями въ католичествѣ, которыя получили силу въ его время съ злоупотребленіями іерархическими, съ общимъ разсудочнымъ направленіемъ въ схоластической теологіи, отрывающимъ вѣроученіе отъ начала древне-вселенскаго преданія и ослабляющимъ его жизненный характеръ. Но Бернардъ, заботясь о преобразованіи католичества, при своемъ мистическомъ направленіи не имѣетъ силъ разъяснить то, что незаконно въ католичествѣ, и высится вполне до началъ древле-Вселенской Церкви. Бернардъ въ силу своего мистицизма, по мѣстамъ приближается въ теологіи къ поздняйшему протестантизму, выражая мысли объ оправданіи вѣрою, выводимомъ изъ ученія бл. Августина о благодати, чрезмѣрно ослабляя достоинство внѣшней религиозной обрядности, или къ крайнему мистицизму, допуская пантеистико-квіетистическіе выводы о возможности въ этой жизни непосредственнаго объединенія съ

Божествомъ съ прекращеніемъ активной дѣятельности. Та-кими свободными субъективными воззрѣніями, хотя и выра-женными непреднамеренно и съ различными искусственными ограниченіями, объясняется особенное сочувствіе къ Бернарду со стороны позднѣйшихъ средневѣковыхъ мистиковъ и протестантовъ. Нѣмецкіе мистики основываются въ своемъ міросозерцаніи на богословствованіи Бернарда. Особенно цѣ-нить авторитетъ Бернарда Таулера ¹⁾. Лютеръ положительно выражается, что онъ болѣе придерживался Бернарда, чѣмъ всѣхъ монаховъ въ мірѣ ²⁾. И новѣйшіе протестанты счита-ютъ необходимымъ причислить Бернарда къ числу тѣхъ лицъ, которые, до извѣстной степени, содѣйствовали подготовкѣ реформаціи—проведеніемъ ученія объ оправданіи вѣрою ³⁾.

А. Вертеловскій

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Die Kirche Christi und ihre Zeugen durch Fridrich Böhringer Stuttgart XVII B. S. 292. 1878.

²⁾ Höher gehalten worden, dann alle Mönche und Pfaffen auf Erden. Real-Encz. Herzog II (supplement s. 445). 1860.

³⁾ Кестлингъ признаетъ, что въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ Бер-нардъ проводилъ протестантскую мысль объ оправданіи *ibid.* 446.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ.

(Окончаніе *).

131. Какъ къ стоикамъ примыкаетъ Филонъ, такъ къ Канту Фихте. Извѣстно, что „Наукоученіе“ Фихте представляетъ выводъ формъ и содержанія знанія изъ той дѣятельности нашего сознанія, которое уже у Канта называется чистымъ я ¹⁾. Но отпавляясь отъ абсолютнаго самосознанія въ „Наукоученіи“, Фихте долженъ былъ указать принципъ этого абсолютнаго самосознанія. Указывая его въ абсолютномъ бытіи или Богѣ, онъ чрезъ то самое представляетъ свое „Наукоученіе“ съ точки зрѣнія религіозной. Поэтому его позднѣйшія воззрѣнія, по его собственному заявленію, представляютъ лишь развитіе его ученія ²⁾. Въ „Указаніи пути къ блаженной жизни“ его міросозерпаніе принимаетъ наконецъ форму, весьма близкую къ ученію Филона. Чтобы подняться къ абсолютному принципу всего существующаго по Фихте, какъ и по Филону, нужно пройти пять ступеней: первая ступень есть чувственность, съ которой можно видѣть только чувственное ³⁾; вторая есть ступень нравственной дѣятельности, съ которой въ мірѣ открывается господство ра-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 15.

¹⁾ *Куно Фишеръ*, Истор. нов. фил. III, стр. 321; V, 110.

²⁾ *Ibid.* V, 713.

³⁾ *Zeller*, V, 395.

зумнаго закона (какъ у стоиковъ ¹⁾); третья ступень есть ступень „высшей морали“, на которой человекъ, подчиняясь внутреннему „творящему закону“ стремится въ своемъ сознаниіи стать отображеніемъ Божества ²⁾; четвертая ступень есть ступень религіозной вѣры, въ которой уничтожается противоположность образа и первообраза, человѣческой и божественной жизни, но въ которой это единство дается еще только какъ фактъ ³⁾; наконецъ, пятая, высшая, ступень есть непосредственное созерцаніе единства своего самосознанія съ Божествомъ или абсолютнымъ бытіемъ (Schauen *θεωρία* ⁴⁾). Божество именно есть бытіе (Seyn, *ὁ ὄν*). Это бытіе обладаетъ неотдѣлимымъ отъ него существованіемъ (Dasseyn); которое состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ сознаниіи ⁵⁾, сознаніе есть логосъ. Логосъ въ евангеліи Іоанна Фихте понимаетъ не столько въ христіанскомъ, сколько именно въ филоновскомъ смыслѣ ⁶⁾. Образъ бытія этого логоса (Als, Wie) состоитъ въ рефлексіи, въ самосознаніи. Свѣтъ этого самосознанія (*φῶς*, Licht) прелagается на себя многократно, т. е. каждый актъ самосознанія, въ свою очередь, опять сознается. Чрезъ это сознаніе въ самосознаніи дѣлится на множество отдѣльныхъ существованій, подобно тому какъ у Филона логосъ является дѣлителемъ (*λόγος τομέος*). Въ этихъ отдѣльныхъ существованіяхъ заключается жизнь міра, чрезъ которую „вся быша“. Человекъ есть моментъ въ этомъ абсолютномъ самосознаніи и потому въ своемъ личномъ самосознаніи онъ можетъ возстановить и абсолютное самосознаніе и его принципъ, т. е. въ глубинѣ своего я найти абсолютное бытіе ⁷⁾. Такимъ образомъ соотвѣтствіе Фихте съ Филономъ оказывается такое, какого только можно желать. Если мы теперь перейдемъ отъ Фихте къ Шеллингу, то най-

¹⁾ Ibid. V, 399.

²⁾ Ibid. V, 407, 410.

³⁾ Ibid. V, 411.

⁴⁾ Zeller, V, 413. Kuno Fischer, V s. 720—724.

⁵⁾ Fichte, Anweisung zum heiligen Leben, Lect. III, IV.

⁶⁾ Ibid. Lect. VII.

⁷⁾ Kuno Fischer, V, 717 и слѣд.

демъ, что Шеллингъ воспроизводитъ извѣстнымъ образомъ неоплатониковъ и ближайшимъ образомъ Плотина. Это воспроизведеніе мы можемъ найти въ томъ періодѣ его философствованія, когда онъ отъ философіи природы, чрезъ трансцендентальную философію духа, поднялся къ философіи абсолютнаго ¹⁾. Абсолютное для него, какъ и для неоплатониковъ, есть совершеннѣйшее единство, изъ котораго, какъ свѣтъ изъ солнца ²⁾, не нарушая этого единства, исходитъ разумъ. Этотъ разумъ есть абсолютная форма и въ этомъ смыслѣ абсолютный антитипъ единаго, въ которомъ выражается самосознаніе единаго, ибо самосознаніе абсолютнаго не есть идеальное, какъ у конечныхъ существъ, а реальное. Въ этомъ реальномъ самосознаніи отъ вѣчности существуютъ или производятся идеи, въ свою очередь производящія единства ³⁾. Чувственный міръ не могъ возникнуть изъ этихъ идей посредствомъ эманацин, ибо отъ абсолютнаго къ конечному не можетъ быть перехода. Конечное можетъ возникнуть только чрезъ отпаденіе (Abfall) отъ безконечнаго; но отпаденіе возможно лишь вслѣдствіе свободы, которая есть возможность отклониться отъ подчиненія абсолютной необходимости и чрезъ это отклоненіе впасть въ рабство, (уничтожить себя какъ возможность). Это можетъ совершиться лишь въ душѣ, подобно тому какъ у Плотина душа отпадаетъ въ чувственное чрезъ нѣкоторое свободное дерзновеніе (τόλμα ⁴⁾). Идеи насколько онѣ опредѣлены къ произведенію конечнаго, т. е. насколько онѣ заключаютъ эту возможность, и есть душа. Матерія есть образъ души (simulacrum, εἰδωλον), и сама по себѣ, безъ отношенія къ душѣ, есть совершенное ничто ⁵⁾, которое возникаетъ въ душѣ, только чрезъ то, что она, сознавая свое отпаденіе, сознаетъ и отрицаніе идеальнаго міра, отъ котораго отпала, а это отрицаніе и есть

¹⁾ Въ сочиненіяхъ „Bruno“, изд. 1802, и „Philosophie und Religion“, изд. въ 1804 г.

²⁾ Werke, IV, 305; VI, 32.

³⁾ Ibid. VI, 35.

⁴⁾ Zeller, V, 574. Einn. V, 1, 1.

⁵⁾ Schelling, Werke, VI, 46.

ничто ¹⁾), совершенно какъ у Плотина. Именно чрезъ сознание себя въ этомъ ничтожествѣ возникаетъ изъ души чувственный міръ. Такимъ образомъ, совершенно какъ у неоплатониковъ, міръ феноменальный имѣетъ только посредственное отношеніе къ абсолютному. „Происхожденіе какой бы то ни было конечной вещи не можетъ, слѣдовательно, быть приведено къ абсолютному непосредственно; а можетъ быть изъяснено только посредствомъ ряда причинъ и слѣдствій, который самъ безконечен“ ²⁾). (Общее сходство Шеллинга съ неоплатониками переходитъ въ особенное сходство съ Платиномъ вслѣдствіе того, что какъ у Шеллинга ³⁾), такъ и у Платина ⁴⁾), преобладаетъ именно динамическій взглядъ на абсолютное начало и происхожденіе вещей. Чтеніе „Эннеадъ“ Платина и сравненіе ихъ со взглядами Шеллинга производитъ такое впечатлѣніе, что Шеллингъ представляетъ лишь какъ бы краткое, но весьма обдуманное толкованіе возрѣвнѣй, развиваемыхъ въ сочиненіи Платина ⁵⁾), такъ что онъ какъ будто одинъ изъ числа Платиновыхъ учениковъ, не совсѣмъ согласный съ своимъ учителемъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Характерно даже то, что Шеллингъ свое ученіе старается подтвердить комментаріями на Платона совершенно понеоплатонически ⁶⁾). Никто не станетъ также отвергать сходства Гегеля съ Прокломъ. Какъ у Прокла, такъ и у Гегеля, абсолютное бытіе, какъ тожество бытія и небытія, развивается въ рядѣ категорій или опредѣленій, развиваемыхъ имъ изъ себя. Само собою разумѣется, что категоріи Гегеля отличны отъ категорій Прокла, не смотря на свое общее сходство. Отличіе это объясняется тѣмъ, что развитіе ихъ у Прокла носитъ скорѣе объективный харак-

¹⁾ Ibid VI, 44.

²⁾ Schelling, Werke, VI, 41.

³⁾ Erdmann, II, s. 318, 4.

⁴⁾ Zeller, V, 507.

⁵⁾ Общее сходство Платина съ Шеллингомъ замѣчаетъ *Ruxterz*, Plotin's Lehre vom Sein, Studien neu-Platonische, s. 24.

⁶⁾ Cp. Willm, Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel. Paris 1847, III, 270 и сл. Noack, Schelling und die Philosophie der Romantik. Berl. 1859. II, 71. Kuno Fischer, VI, s. 843, 817.

теръ: они идутъ другъ за другомъ въ видѣ послѣдовательнаго ряда причинъ; между тѣмъ какъ у Гегеля развитіе ихъ носитъ скорѣе субъективный характеръ: они развиваются какъ послѣдовательныя самоопредѣленія абсолютнаго мышленія. Общее сходство ихъ міровоззрѣнія превращается почти въ тожество въ ихъ методѣ, ибо діалектический методъ Гегеля есть почти буквальное воспроизведеніе діалекческаго метода Прокла: у того и другого онъ состоитъ въ синтезѣ тоже и антитезиса. Такимъ образомъ параллель между главными представителями повѣйшей философіи и главными представителями философіи третьяго періода оказывается полною.

132. Параллель эта выдерживается и относительно побочных направленій. Корпускулярныя теоріи французскихъ матеріалистовъ съ началомъ нынѣшняго столѣтія выражаются въ атомизмъ ¹⁾, напоминающій атомизмъ Эпикура, который, въ соединеніи съ Кантово-Лапласовскою гипотезою образованія солнечной системы развивается наконецъ въ цѣлую механическую теорію мірозданія, начиная отъ образованія свѣтилъ небесныхъ и оканчивая развитіемъ органической жизни и человѣка (въ дарвинизмѣ). Конечно, современный атомистическій матеріализмъ отличается отъ матеріализма Эпикура и Лукреція, потому что онъ претендуетъ опираться на точное наблюденіе, на экспериментъ и на естественнонаучный методъ; но, какъ философская теорія и какъ гипотеза, онъ прямо и непосредственно, чрезъ Гассенди, внесшаго эпикуреизмъ въ физику, и Дольтона, заимствовавшаго его изъ физики для химіи (въ 1804 г.), ведетъ свое начало отъ Эпикура. Современный атомизмъ, какъ міросозерцаніе, т. е. какъ метафизическая доктрина, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ такой-же метафизической доктрины древнихъ атомистовъ, кромѣ развѣ того, что онъ желаетъ видоизмѣнить свое ученіе примѣнительно къ успѣхамъ естество-

¹⁾ *Ляме*. Истор. матер. II. 71—119. Научная теорія повѣйшаго атомизма (со временъ Дольтона) изложена у Wurtz'a, *La theorie atomique*. 1879, и у *Секки*, *Единство физическихъ силъ*.

знанія ¹⁾. Естествознаніе-же принимаетъ его прямо изъ философіи въ сущности только какъ удобную для себя въ методическомъ отношеніи гипотезу, облегчающую количественный анализъ вещества ²⁾. Пустое пространство, атомы, вѣчное движеніе—все это гипотезы метафизическаго происхожденія, ведущія начала изъ древности. Все знаніе сводится къ ощущенію, всякое ощущеніе есть движеніе—это доктрина Эпикура и Лукреція. Матерія сама въ себѣ намъ неизвѣстна—это тоже, что неизвѣстное (*ἄδηλον*) Эпикура, скрытое за явленіями. Доказательства того, что душа есть отправленіе мозга, какъ будто цѣликомъ заимствованы изъ Лукреція: зависимость душевной дѣятельности отъ возраста, зависимость отъ здоровья или болѣзненнаго состоянія организма, зависимость отъ дѣйствія вина и наркотическихъ веществъ, какъ доказательство того, что съ ослабленіемъ организма и разрушеніемъ его ослабѣваетъ и разрушается душа, указаны уже въ поэмѣ „о природѣ вещей“ ³⁾. Впрочемъ въ настоящее время матеріализмъ, повидимому, стремится принять особую форму и слиться съ позитивизмомъ. Онъ примыкаетъ теперь къ тому мнѣнію, что сущность вещей непознаваема, какъ учатъ Кантъ, Контъ и Милль, что мы познаемъ только данное въ ощущеніи. Но такъ какъ въ ощущеніи даны только феномены, явленія, а не сущности, и такъ какъ само ощущеніе есть лишь явленіе ⁴⁾, то изученіемъ этихъ явленій и должно ограничиться все наше положительное знаніе; но именно изученіе этихъ явленій будто и благопріятствуетъ матеріалистическому пониманію ⁵⁾. Такимъ образомъ метафизическій матеріализмъ превращается въ матеріалистическій позитивизмъ. Съ своей стороны и позитивизмъ начинаетъ переходить въ

¹⁾ Объ отношеніи матеріализма къ естествознанію у Ляме во второмъ отдѣлѣ второго тома.

²⁾ Менделѣевъ, Основы химіи, 2-е изд. I, 363. Ср. Дю-Буа-Реймона. Рѣчь о предѣлахъ естествознанія.

³⁾ De rerum natura, III. vv. 446—485. Ср. Геттинера, Апологія христіанства I, 180.

⁴⁾ Ляме, II, 361—384.

⁵⁾ Ляме, II, 268 и слѣд.

матеріализмъ, ограничивая познаніе явленій, о которомъ училъ Кантъ ¹⁾, знаніемъ только состояній духа, какъ учить Милль ²⁾, а состоянія духа, сводя единственно къ ощущенію, которое есть нѣкоторый электрическій толчекъ, какъ у Спенсера ³⁾. Но какъ позитивизмъ, такъ и матеріализмъ въ этой формѣ должны вести просто къ скептическому феноменизму, который нашелъ своего представителя прежде всего въ Шульце (1761—1833 ⁴⁾). Какъ древній Энезидемъ примыкаетъ къ академикамъ, такъ Шульце написалъ своего „Энезидама“ собственно въ защиту Юма, доказывая, что Кантова критика страдаетъ противорѣчіемъ, ибо развиваетъ свое ученіе о непознаваемости вещи въ себѣ съ точки зрѣнія, которая молчаливо допускаетъ эту познаваемость, именно въ отношеніи къ разуму, какъ реальной причинѣ, предшествующей познанію и его производящей, т. е. какъ вещи въ себѣ. По взгляду Шульце, Кантъ вслѣдствіе того, что въ сущности остается на отвергаемой точкѣ зрѣнія, не опровергаетъ Юма, а только подтверждаетъ его, ибо возраженія Юма какъ-разъ относятся къ этой, молчаливо допускаемой Кантомъ, точкѣ зрѣнія ⁵⁾. Въ сущности къ Юму же примыкаетъ и позитивный феноменизмъ, какъ его развиваетъ Милль въ критикѣ философіи Гамильтона. Милль понимаетъ происхожденіе и границы нашего познанія совершенно по Юмовски, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что все доступное нашему познанію есть лишь явленіе въ духѣ. Совершенно по Юмовски онъ понимаетъ законъ причинности, какъ простую послѣдовательность предыдущаго и непосредственно послѣдующаго; но вмѣстѣ съ Секстомъ Эмпирикомъ онъ допускаетъ, что сосуществованіе и послѣдовательность явленій не только могутъ быть изу-

¹⁾ О связи Контова позитивизма съ Кантомъ у *Лесевича*, Опытъ критическаго изслѣдованія основначалъ позитивной философіи, стр. 88. 154—157. Есть замѣчанія и у *Ляге*.

²⁾ Логика, I, 62 и слѣд.

³⁾ Основанія психологіи, глава объ ощущеніи.

⁴⁾ *Kuno Fischer*, V, 167.

⁵⁾ *Ibidem*. V, 165—171. Маймонъ въ сущности тоже примыкаетъ къ Юму, а также и къ Энезидему и Сексту Эмпирику.

чаемы, но и служить руководствомъ въ нашей жизни. Его возраженія противъ теоріи силлогизма повторяютъ только возраженія Секста. Даже въ отношеніи къ религіознымъ воззрѣніямъ онъ стоитъ въ сущности на той-же скептической точкѣ зрѣнія ¹⁾. Такимъ образомъ тотъ зачатокъ скептического феноменизма, который былъ данъ уже Юмомъ ²⁾ и Кондильякомъ (къ нему примыкаетъ Контъ, чрезъ Сень-Симона), развился наконецъ въ особую, висящую на воздухѣ, скептическую или, собственно, нигилистическую систему, потому что логическое слѣдствіе современнаго позитивизма есть несомнѣнно скептицизмъ ³⁾.

133. Если мы теперь обратимъ вниманіе на весь ходъ развитія новой философіи, то мы найдемъ, что, подобно философіи древней, она неминуемо должна была придти къ признанію откровенія источникомъ и концомъ всего нашего познанія. Познаніе объективнаго міра въ первый періодъ ея развитія, къ которому исторически примыкаютъ и современныя космологіи, отсылаетъ познающій умъ къ изслѣдованію человѣческаго духа. Изслѣдованіе человѣческаго духа во второмъ періодѣ, къ которому такъ же исторически примыкаетъ современная психологія, отсылаетъ умъ къ идеѣ абсолютнаго. Абсолютное понимается то въ формѣ абсолютнаго субъекта, изъ самосознанія котораго вытекаютъ всѣ вещи,

¹⁾ Въ своемъ трактатѣ о религіи Милль допускаетъ возможность совершенно ирраціональной вѣры изъ за чисто практическихъ житейскихъ побужденій. При этомъ онъ возстановляетъ родъ нѣкотораго дуализма, рекомендуя допущеніе двухъ началъ: добраго и злаго. Служеніе доброму въ его борьбѣ со зломъ можетъ быть очень полезнымъ для человѣчества.

²⁾ Kir ch m a n n, Erläuterungen zu D. Hume's Untersuchung. Anmerk. 20, s. 213—214.

³⁾ „Я не буду говорить здѣсь о томъ синкретизмѣ, которымъ отличаются системы Гербарта, Ульрици, Шопэнгауера, Гартмана, Фихте младшаго, Лотце и др. Всѣ они, каждый по своему, комбинируютъ Канта, Лейбница и Спинозу. Наибольшею самостоятельностью отличаются Фихте и Лотце, потому что въ основѣ они стоятъ на точкѣ зрѣнія непосредственнаго откровенія вещей въ духѣ и въ этомъ случаѣ примыкаютъ къ философіи откровенія Якоби, Шлейермахера и Шеллинга. Поскольку въ Шопэнгауерѣ и Гартманѣ есть мистическій элементъ они примыкаютъ къ Шеллингу, особенно Гартманъ, который дѣлаетъ это совершенно намѣренно.“

какъ у Фихте старшаго, то въ формѣ абсолютнаго объекта, динамически развивающагося въ ряду идеально-реальныхъ формъ или актовъ, лежащихъ въ основаніи конечнаго, какъ у Шеллинга въ до-гегелевскій періодъ его философіи, то наконецъ, какъ абсолютная идея, какъ у Гегеля. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ оно разрѣшается собственно только въ человѣческое самосознаніе, ибо абсолютный субъектъ, абсолютный объектъ или абсолютная идея въ сущности сами только формы, въ которыхъ понимается это абсолютное въ человѣческомъ самосознаніи, какъ своемъ органѣ, въ которомъ оно однако, какъ въ своемъ частномъ моментѣ, уместиться не можетъ. Эту диспропорцію между конечнымъ сознаниемъ и безконечнымъ бытіемъ, на которую указалъ въ извѣстномъ смыслѣ и Контъ, чувствуютъ въ сущности всѣ философы этого періода, ибо всѣ они сознаютъ, что человѣческое сознаніе никогда не можетъ превратиться въ абсолютное. Поэтому всѣ эти философы стараются представить абсолютное въ „непосредственномъ“ единствѣ съ конечнымъ духомъ. Но тѣмъ самымъ они выводятъ безконечное за предѣлы самаго высшаго нашего знанія и предполагаютъ, слѣдовательно, уже не познавательное отношеніе нашего духа къ абсолютному, а другое. Для обозначенія его всѣ они пользуются понятіемъ откровенія. Такъ, по мнѣнію Фихте, знаніе есть только образъ Божій (Bild oder Schema), рефлексія—образъ этого образа ¹⁾. Поэтому абсолютное можетъ быть познано лишь въ состояніи просвѣщенія чрезъ непосредственное откровеніе со стороны самого Бога ²⁾. Подобнымъ же образомъ Шеллингъ даже еще въ до-гегелевскій періодъ философствованія, совершенно по-неоплатонически, ищетъ источника нашего знанія о Божествѣ въ интуиціи, а эту интуицію находитъ въ совершенномъ упрощеніи бытія души ³⁾. Что же касается до послѣ—гегелевскаго періода, то его „философія откровенія“ именно въ томъ и

¹⁾ Kuno Fischer, V, 801.

²⁾ Ibidem. V, 338.

³⁾ Willm, III, p.

состоитъ, что всякое другое начало знанія, кромѣ откровенія, считаетъ лишь отрицательной, формальной философіей, не дающей реальнаго содержанія знанію ¹⁾. Даже самъ Гегель не только признаетъ непосредственное откровеніе абсолютнаго, исходящее именно изъ абсолютнаго ²⁾, но въ извѣстномъ смыслѣ прямо называетъ свою философію мистицизмомъ ³⁾. Замѣчательно, что всѣ философы новаго періода, не исключая Фихте ⁴⁾, Шеллинга ⁵⁾ и самого Гегеля ⁶⁾ примыкаютъ въ этомъ случаѣ къ Якоби и Шлейермахеру, на котораго тоже вліялъ Якоби ⁷⁾. Но Якоби именно принципомъ знанія призналъ откровеніе ⁸⁾. Вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ центръ тяжести естественно переносится изъ области философской въ религіозную и всѣ спекулятивные философы смотрѣли на свою философію вслѣдствіе этого только какъ на толкованіе религіи и, слѣдовательно, придавали ей религіозное значеніе. Такъ что мы можемъ сказать, что для настоящаго времени остается только слѣдующая альтернатива: или проповѣдывать скептицизмъ, или примкнуть къ религіозному откровенію въ качествѣ принципа философіи. Но скептицизмъ не можетъ быть самостоятельнымъ началомъ философіи. Поэтому религіозное міровоззрѣніе остается для нашего времени единственнымъ убѣжищемъ и можетъ дать единственную точку опоры. Въ Германіи теперь дѣйствительно лучшіе умы примыкаютъ или къ Якоби, или Шлей-

1) F r a n t z, Schelling's Positive Philosophie, I Abtheil.

2) Encyclopädie, §§ 564, 572.

3) Ibid. § 82, прибавленіе къ изданіи Генкинга.

4) K u n o F i s c h e r, V, 840.

5) W i l l m, III, 293. Не смотря на свой споръ съ Якоби, Шеллингъ говоритъ о немъ: Jacobi ist vielleicht die lehrreichste Persönlichkeit in der ganzen Geschichte der Philosophie. K u n o F i s c h e r, VI, 969, 294 и слѣд.

6) Encyclopädie, § 61 и слѣд. Гегель здѣсь подвергаетъ критикѣ точку зрѣнія Якоби, но эта критика старается указать лишь необходимость дополненія принципа „непосредственнаго знанія“ спекулятивнымъ мышленіемъ. § 73—74.

7) Объ отношеніи Шлейермахера къ Якоби замѣтка у Сильвестра: Опытъ правосл. Догматич. Богословія, I. 244.

8) K u n o F i s c h e r, V, 216—232. W i l l m, II, 406—578. О прямыхъ послѣдователяхъ Якоби и его историческомъ значеніи см. Z i n g i e b l, F. H. Jacobi's Leben, Dichten und Denken. s. 309 и слѣд.

ермахеру, или къ Шеллинговой „философіи откровенія“. Вслѣдствіе этого тамъ истинно-философствующіе умы обыкновенно теперь примыкаютъ къ богословію ¹⁾. „Мыслищему наблюдателю новаго развитія духа невольно бросается въ глаза параллель между корифеями философіи и богословія, между Шеллингомъ и Шлейермахеромъ. Хотя оба они погрѣшали въ томъ, что не могли отказаться отъ пантеистическихъ заблужденій своей юности, хотя не могли они съ болѣе искреннимъ раскаяніемъ проникнуть во внутреннѣйшее святилище вѣры, но во всякомъ случаѣ въ высшей степени знаменательно то, что положительное христіанство показало на нихъ свою могущественнѣйшую, притягательную силу и привлекло ихъ лучшія силы на служеніе себѣ. Совершенно ясно, какъ они въ пониманіи его взаимно дополняютъ другъ друга. Шлейермахеръ началъ свое поприще рѣчами о религіи, Шеллингъ закончилъ свое—философіей откровенія, Шлейермахеръ такимъ образомъ развивалъ преимущественно субъективную, чело-вѣческую, а Шеллингъ объективную, божественную сторону, христіанства; первый—вѣру, второй—гносисъ; первый—мистикъ, второй—теософъ. Здѣсь впрочемъ выражается не только дополненіе, но и шагъ впередъ, который можетъ быть признанъ современною задачею нашей науки: отъ чистаго субъективизма религіи сдѣлать шагъ къ объективному познанію откровенія. Между тѣмъ какъ Шлейермахеръ видитъ существенное средство все еще въ отдѣленіи вѣры отъ знанія, философіи и теологіи, Шеллингъ, напротивъ, ведетъ насъ уже дальше къ системѣ „позитивной философіи“, которая, при посредствѣ вѣры, утверждается на фактахъ откровенія“ ²⁾. Этими словами Ауберлена мы закончимъ свое изложеніе развитія новой философіи. Очевидно она начинаетъ тяготѣть къ христіанству, отъ формализма и панлогизма ищетъ перехода къ положительному содержанію, отъ раціонализма стремится къ религіозному откровенію въ христіанствѣ. Отсюда имеп-

¹⁾ Известно, что даже Гартманъ написалъ своего рода догматику подъ заглавіемъ: *Die Religion des Geistes*. Berlin. 1882.

²⁾ A u b e r l e n, *Die göttliche Offenbarung*. Basel. 1861. I, 351—352.

но объясняется попытка преобразовать философію сообразно съ христіанствомъ (*Versöhnung*) со стороны философіи и такъ называемое посредствующее направленіе въ богословіи ¹⁾. Шагъ здѣсь дѣлается именно со стороны философіи, но онъ вызываетъ соотвѣтствующее преобразование и въ богословіи. Къ этому примирительному или посредствующему направленію принадлежатъ въ настоящее время едва ли не всѣ положительныя умы въ Германіи ²⁾.

134. Итакъ, обозрѣвая развитіе новой философіи и сопоставляя это развитіе съ развитіемъ древней, мы нашли между ними полную параллель. Параллель эта имѣетъ мѣсто не только въ общемъ ходѣ развитія, но даже и въ подробностяхъ. Новая философія не только проходитъ тѣже самыя ступени развитія, становится по-очередно на тѣже самыя точки зрѣнія при образованіи общаго міровоззрѣнія, не только образуетъ его по сходнымъ схемамъ, но прямо примыкаетъ къ соотвѣтствующимъ древнимъ системамъ, прямо воспроизводитъ ихъ содержаніе, прямо только видоизмѣняетъ эти древнія системы и углубляетъ ихъ сообразно со степенью общаго развитія образованности. Какъ древняя философія прошла три періода развитія: космологическій, антропологическій и теологическій, эмпирический, разсудочный и спекулятивный, такъ точно и новая. Какъ въ древней были свои Коперники, Кеплеры и Галилеи, такъ въ новой были свои Оалесы, Пифагоры, Пармениды. Какъ въ древней философіи каждый послѣдующій періодъ былъ критическимъ разсмотрѣніемъ въ отношеніи къ предыдущему, какъ тамъ Сократъ, Платонъ и Аристотель критически относились къ Гераклиту, элейцамъ и пифагорейцамъ, а стоики, Филонъ и неоплатоники критически обрабатывали Сократа, Платона и Аристотеля,—такъ и въ новой философіи космологія перваго періода критически разсматривалась антропологіей втораго, а антропология втораго—теологіей третьяго. Какъ въ той, такъ

¹⁾ Stöckl, Geschichte der neueren Philosophie. II, s. 324. 470.

²⁾ См. Lichtenberger, Histoire des idées religieuses en Allemagne, II, 65. 239; III, 211. Kahnis, Der innere Gang des deutschen Protestantismus. II, 125—212.

въ другой, мысль къ изученію объективнаго міра присоединяла изученіе субъективнаго, и къ изученію того и другаго возвышеніе къ абсолютному. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, она выходила изъ области религіозной и изъ сферы преданія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, она окончила возвращеніемъ къ непосредственному откровенію. Мы видимъ здѣсь, слѣдовательно, два совершенно параллельные цикла развитія, въ которыхъ каждый моментъ одного находитъ себѣ соотвѣтствующій моментъ въ другомъ. Это не значитъ однако, чтобы оба эти цикла, совершенно совпадая въ формальномъ отношеніи, схематически, совпадали такъ-же и по содержанію. Содержаніе новой философіи представляетъ уже новое наслоеніе и преобразование содержаній древней, потому что оно уже имѣетъ это послѣднее готовымъ, какъ готовый объектъ своего разсмотрѣнія, который подлежитъ обсужденію на основаніи новыхъ изслѣдованій. Канва схемы, типы построенія остаются въ общемъ тѣже, но цвѣты, содержаніе, обработка уже иныя. Винтъ, сдѣлавшій въ древнемъ языческомъ мірѣ одинъ оборотъ, сдѣлалъ въ мірѣ новомъ, христіанскомъ другой оборотъ, дальнѣйшій. И тотъ и другой обороты подобны одинъ другому, потому что нарѣзки винта подобны, однако и тотъ, и другой обороты совершились не въ одной плоскости, потому что нарѣзки винта сдѣланы не въ одной плоскости. Тѣмъ не менѣе оба оборота параллельны, потому что нарѣзки параллельны. Второй оборотъ во всякомъ случаѣ есть движеніе впередъ. Это движеніе впередъ въ новой философіи имѣетъ двѣ причины, внутреннюю—въ христіанскомъ откровеніи, и внѣшнюю—въ изученіи откровенія Божія въ природѣ. И то, и другое откровеніе отдѣляютъ насъ отъ древняго языческаго грекоримскаго міросозерцанія громаднымъ разстояніемъ. Грекоримскій кругозоръ былъ запертъ въ географическихъ границахъ грекоримскаго міра. Новый кругозоръ, христіанскій не только обнимаетъ весь земной шаръ и весь родъ человѣческій, но онъ проникаетъ въ глубины небесъ за видимый сводъ небесный. Древній греко-римскій взглядъ смотрѣлъ на все сквозь призму плоти и естествен-

наго человѣка. Новый, христіанскій смотритъ сквозь призму духа и человѣка одухотвореннаго. Древній кругозоръ не подымается выше абсолютно разумной и вмѣстѣ стихійной силы, властвующей въ природѣ; надъ новымъ царитъ понятіе Чистѣйшаго Духа, тріединаго во внутренней своей жизни. Въ древнемъ Божество погружено въ природу, въ новомъ природа погружена въ Божество. Но при всемъ различіи древняго и новаго міровоззрѣнія по содержанію и характеру, между тѣмъ и другимъ все-таки есть разительное формальное сходство и параллелизмъ. Именно эту аналогію и этотъ параллелизмъ мы и старались здѣсь указать.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

135. Резюме.—136. Исторія философіи какъ система системъ, матеріальный принципъ которой составляетъ откровеніе.—137. Методъ историческаго развитія философіи, какъ методъ современнаго міровоззрѣнія.—138. Значеніе этого метода для богословія.—139. Воззрѣнія, изложенныя въ этомъ сочиненіи, суть гипотеза.—140. Двойкій характеръ сочиненія и его господствующая идея.

135. Указаніемъ на то, что новая философія стала искать опоры въ откровеніи, что волею-не-волею она примыкаетъ въ настоящее время къ религіи, мы можемъ окончить свое изслѣдованіе, потому что этимъ именно фактомъ оканчивается развитіе новой философіи, подобно тому какъ совершенно такимъ-же образомъ закончилось развитіе и древней. Мы, слѣдовательно, окончили обзоръ историческаго движенія европейской философіи отъ начала до конца, и въ этомъ обзорѣ видѣли, что движеніе это какъ-разъ соответствуетъ условіямъ, которыми оно, по нашему мнѣнію, объясняется. Поэтому мы можемъ считать оконченымъ доказательство той мысли, что развитіе философіи совершается дѣйствительно подъ вліяніемъ именно этихъ, а не иныхъ условій. Намъ остается теперь сдѣлать нѣсколько выводовъ изъ достигнутаго нами результата, чтобы вполне освѣтить то отношеніе, въ которомъ историческій процессъ философіи находится къ откровенію. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ выводамъ, необходимо вкратцѣ резюмировать сущность развиваемыхъ

нами возрѣній. Доселѣ мы вели свое изслѣдованіе синтетически,—отъ условій переходя къ фактамъ; теперь не трудно резюмировать его содержаніе аналитически,—отъ фактовъ переходя къ условіямъ. Идя такимъ образомъ отъ конца къ началу, мы можемъ формулировать сущность своихъ возрѣній въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

Во-первыхъ, новая философія, при всей своей самостоятельности, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать, развивалась однако параллельно древней, такъ что какъ въ подробностяхъ, такъ особенно въ общемъ ходѣ развитія между тою и другою замѣчается рѣшительная аналогія, не исключаяющая конечно и существеннаго различія.

Во-вторыхъ, при этомъ параллельномъ развитіи, какъ древняя, такъ и новая философія, прошли три собственно философскихъ ступеней развитія, соотвѣтственно тремъ періодамъ развитія каждой, пока наконецъ какъ та, такъ и другая не признали „откровенія“ въ качествѣ высшаго основанія всего нашего познанія.

Въ-третьихъ, переходя съ одной ступени своего развитія къ другой, философія въ сущности переходила отъ одного изъ возможныхъ типовъ построенія философскихъ системъ къ другому: отъ космологическаго типа къ антропологическому, а отъ этого послѣдняго къ теологическому, закончивъ циклъ своего самостоятельнаго (автомическаго) развитія образованіемъ системы, построенной на началѣ религіозномъ и сверхразумномъ (гетерономически).

Въ-четвертыхъ, этотъ переходъ отъ одного типа построенія къ другому зависитъ отъ того, что, вслѣдствіе самой организациіи своей, сознаніе наше, не смотря на внѣшнія условія и возможные случайности въ своемъ поступательномъ движеніи разсматриваетъ вещи послѣдовательно съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія по категоріямъ: частей и цѣлаго (единого и многаго) въ представленіи, частнаго и общаго въ понятіи, условнаго и безусловнаго въ идеѣ, пока наконецъ не придетъ къ признанію особаго отношенія нашего духа къ вещамъ въ сверхразумномъ актѣ откровенія.

Въ-пятыхъ, это послѣдовательное разсмотрѣніе вещей съ

указанныхъ точекъ зрѣнія основывается на субъективныхъ принципахъ формальной дѣятельности различающаго сознанія; но въ основаніи самой этой различающей дѣятельности лежитъ объективный, трансцендентный и творческій актъ откровенія, переживаемый въ нашемъ духѣ и сообщающій знанію реальное содержаніе, такъ или иначе усвояемое нами въ субъективныхъ формахъ нашего ума.

136. Теперь мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Прежде всего по отношенію къ самой исторіи философіи. Если древняя и новая философіи развивались параллельно, если какъ та, такъ и другая прошли одинаковыя ступени или періоды развитія, если каждый періодъ выражаетъ собою одинъ изъ возможныхъ типовъ построенія философскихъ системъ, если эти типы выражаютъ ступени развитія нашего сознанія, лежація въ самой его организаціи, то ясно, что смѣна различныхъ системъ въ историческомъ развитіи философіи совершается тоже систематически; что исторія философіи есть „система системъ“, если употребить выраженіе Купо Фишера. Каждая частная система развиваетъ только частную проэкцію бытія съ той точки зрѣнія, на какой въ данный періодъ находится наше сознаніе въ своемъ поступательномъ движеніи. Рефлексія на подобныя системы, ихъ критическое разсмотрѣніе знаменуетъ собою переходъ сознанія на новую общую точку зрѣнія, къ новому типу проэкцій бытія, которыя въ свою очередь опять подвергаются той-же рефлексіи, ведущей къ высшей точкѣ зрѣнія и къ новому типу построенія. Наконецъ разумъ, исчерпавъ всѣ возможные для него точки зрѣнія, отказывается отъ своей автономіи и завершаетъ кругъ своего развитія признаніемъ откровенія въ качествѣ высшаго принципа познанія. Цикль этого развитія есть форма исторіи философіи, какъ системы системъ, и мы видѣли, что философія уже два раза прошла этотъ кругъ, дважды отливалась въ этой формѣ двумя разными слоями. Такъ какъ форма эта основывается на различающей дѣятельности сознанія и послѣдовательность развитія въ этой формѣ зависитъ отъ послѣдовательности въ развитіи сознанія, то очевидно, что принципъ исторіи философіи, какъ си-

стемы системъ, есть принципъ формальный или субъективный. Но приходя къ сознанию свободнаго акта откровенія въ качествѣ источника, сообщающаго матерію этой формѣ, исторія философіи приходитъ чрезъ то самое къ сознанию своего матеріальнаго принципа или объективнаго, который независимъ отъ субъективной дѣятельности разума. Такимъ образомъ исторія философіи представляетъ намъ такую систему, въ которой историческое развитіе формы, совершающееся на субъективныхъ началахъ нашего сознанія, ведетъ къ признанію свободной дѣятельности откровенія въ качествѣ трансцендентальнаго объективнаго условія этого развитія, сообщающаго ему реальное содержаніе. Развитіе этой обширнѣйшей системы начинается переходомъ отъ традиціоннаго міровоззрѣнія, зиждущагося обыкновенно на признаніи супранатуральныхъ началъ въ наличной дѣйствительности, въ область природы, слѣдовательно, къ раціоналистическому натурализму, а оканчивается признаніемъ свободнаго акта откровенія въ качествѣ начала примиряющаго натуральное и супранатуральное въ гармоническомъ единствѣ. Во всякомъ случаѣ формальный принципъ исторіи философіи лежитъ въ разумѣ, а матеріальный въ откровеніи. Поэтому отношеніе исторіи философіи къ откровенію мы можемъ опредѣлить, какъ отношеніе исторически-развивающейся въ извѣстномъ циклѣ формы къ данному содержанію.

137. Отсюда можно сдѣлать шагъ дальше. Мы видѣли, что исторія философіи, какъ система системъ, развивается постепенно извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ. Этотъ способъ ея развитія есть методъ ея образованія. Но этотъ методъ въ сущности можетъ быть рассматриваемъ, какъ методъ образованія современнаго міровоззрѣнія, ибо современное міровоззрѣніе со всѣми его элементами во всякомъ случаѣ могло возникнуть только историческимъ путемъ, изъ историческаго процесса. Слѣдовательно, методомъ построенія современнаго міровоззрѣнія долженъ быть именно методъ, развиваемый философскимъ мышленіемъ въ историческомъ процессѣ, такъ что историческій процессъ развитія философіи и процессъ образованія современнаго философскаго міро-

воззрѣнія должны совпадать. Правда, исторія философіи, какъ система системъ, развивается не отдѣльнымъ индивидуальнымъ сознаниемъ, а самосознаниемъ всего человѣческаго рода или, по меньшей мѣрѣ, сознаниемъ культурной его части; но въ силу того, что индивидуальное сознание развивается въ средѣ сознания общаго и традиціоннаго, это общее сознание должно быть воспринято индивидуальнымъ именно въ тотъ моментъ, когда развитіе общаго приводитъ его къ такому самосознанію. Значитъ все дѣло заключается лишь въ такомъ или иномъ пониманіи метода историческаго развитія. Съ нашей точки зрѣнія построение современнаго міросозерцанія, сообразно съ историческимъ методомъ, должно представляться въ такомъ видѣ: во-первыхъ, современная философская система должна представить бытіе съ точки зрѣнія частей и цѣлаго, по космологическому типу построения, какъ представляли его философы до-Сократовскаго періода и космософы періода возрожденія, т. е. въ наглядной формѣ представленія; во-вторыхъ, она должна представить его съ точки зрѣнія частнаго и общаго, по антропологическому типу построения, подобно философамъ Сократовскаго періода древней и Декартовскаго новой философіи, т. е. въ разумной формѣ понятія; наконецъ, въ-третьихъ, она должна представить бытіе съ точки зрѣнія условнаго и безусловнаго по теологическому или теософическому типу, какъ въ Александрійскій періодъ древней и въ послѣ-Кантовскій періодъ новѣйшей философіи, т. е. въ разумной формѣ спекулятивной идеи. Но такого рода построение разумѣется исчерпаетъ свою задачу только съ формальной стороны. Что же касается до матеріальнаго принципа, то современное міровоззрѣніе, сообразно съ историческимъ методомъ, можетъ найти его только въ свободномъ актѣ откровенія въ природѣ, въ духѣ и въ религіозномъ отношеніи духа къ Божеству и Божества къ своимъ созданіямъ. Такъ какъ религіозное входитъ въ понятіе откровенія и придаетъ извѣстный религіозный характеръ всему міровоззрѣнію, то міровоззрѣніе, организованное историческимъ методомъ, по необходимости должно принять именно этотъ религіозный характеръ, въ силу

котораго все бытіе должно представляться, какъ осуществленіе божественнаго откровенія въ различныхъ его моментахъ для цѣлей характера религіознаго. Построенная такимъ образомъ система, должна обнять всю сумму современныхъ понятій, какъ наличный продуктъ всей предшествовавшей намъ культуры. Все это сплетеніе разнородныхъ воззрѣній, враждующихся въ мысли современныхъ намъ поколѣній, всѣ различныя точки зрѣнія, свойственныя нашему времени, всѣ противоположныя, современные направленія,—все это въ построенной такимъ образомъ системѣ найдетъ свое мѣсто и получитъ подобающее ему значеніе. Въ хаотическое состояніе современнаго сознанія будетъ такимъ образомъ внесень порядокъ: оно организуется надлежащимъ образомъ и будетъ приведено къ своимъ принципамъ. Историческая организація философіи и организація современнаго міровоззрѣнія совпадутъ тогда въ одной системѣ, такъ что противорѣчіе между историческими и современными формами развитія философіи исчезнетъ. Но однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ такой организаціи современнаго міровоззрѣнія несомнѣнно будетъ тотъ, что оно будетъ приведено такимъ образомъ именно къ религіознымъ началамъ и откровенію.

138. Итакъ исторія философіи есть такая всеобъемлющая система системъ, развитіе которой заключаетъ въ себѣ методъ приведенія разумнаго міровоззрѣнія къ откровенію, какъ къ высшему матеріальному принципу постиженія бытія. Правда, методъ этотъ, какъ мы видѣли, основывается на природѣ самаго нашего сознанія, но онъ оправдался и оправдывается исторически, а потому долженъ имѣть особое значеніе. Особо важное значеніе онъ долженъ имѣть именно для той науки, которая существенно своею задачею ставитъ это приведеніе человѣческаго разума къ откровенію, т. е. для христіанскаго богословія; ибо христіанское богословіе, какъ наука о христіанскомъ откровеніи, въ сущности ничего другаго не можетъ имѣть въ виду, какъ именно покореніе разума благовѣствованію, усвоеніе фактическаго содержанія откровенія въ разумныхъ формахъ. Обращаясь съ этою цѣлю къ разуму, богословіе должно вести его къ этой цѣли тѣмъ

же путемъ, которымъ онъ до настоящаго времени шелъ самъ. Обращаясь къ современному образованію и складу современныхъ понятій, оно должно ясно видѣть тотъ путь, которымъ это образованіе и эти понятія возникли изъ историческаго процесса, ибо тогда только возможно будетъ видѣть, куда это образованіе направляется и какое отношеніе оно имѣетъ къ христіанству, какъ откровенію. Правда, историческій путь философіи ведетъ лишь къ признанію откровенія въ качествѣ матеріальнаго принципа построенія истиннаго міровоззрѣнія вообще, а не къ христіанству въ частности въ его исторической формѣ, но и этотъ общій результатъ важенъ въ высшей степени, ибо носитъ характеръ принципиальный. Если философія признала откровеніе, въ качествѣ высшаго принципа уразумѣнія вещей, тогда богословію остается лишь систематически прилагать выработанныя философіей понятія къ собственному своему фактическому содержанію, ибо это содержаніе есть высшая форма откровенія. При такомъ принципиальномъ согласіи это примѣненіе философскихъ понятій къ богословскому содержанію не представитъ особыхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что богословіе во всѣ времена своего существованія такъ или иначе пользовалось этими понятіями. Православное богословіе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ даже особый методъ, состоящій въ томъ, что личное разумѣніе оно подчиняетъ разумѣнію вселенской Церкви, индивидуальное мышленіе „мышленію соборному“, личную инициативу историческому преданію. Высшимъ формальнымъ критеріемъ правильности развитія здѣсь является, слѣдовательно, такое-же методическое совпаденіе личнаго съ обще-историческимъ, какое отмѣчено нами въ развитіи человѣческаго духа вообще. Замѣчательно, что это совпаденіе личнаго и обще-историческаго, составляющее высшій принципъ развитія человѣчества, впервые сознано именно въ христіанской Церкви. И христіанская Церковь уже съ первыхъ-же временъ своего существованія имѣетъ особый органъ для установленія такого согласія между личнымъ и общенсторическимъ,—именно во вселенскомъ „соборѣ“, какъ взаимномъ живомъ общеніи на основаніи историческаго преда-

ніа (во всякомъ случаѣ никакъ не въ царствѣ). Поэтому руководство этимъ принципомъ для православнаго богослова не должно представлять никакихъ затрудненій, ни теоретическихъ, ни практическихъ.

139. Этими соображеніями мы можемъ окончить изложеніе своихъ воззрѣній на условія историческаго развитія философіи и на отношеніе этого развитія къ откровенію. Изложенный мною взглядъ я не выдаю за неоспоримую истину, но придаю ему значеніе только гипотезы, мыслимой на ряду съ другими гипотезами подобнаго рода. Я старался по-сильно эту гипотезу доказать какъ соображеніями теоретическаго свойства, такъ и фактами; но вмѣстѣ съ тѣмъ я сознаю, что доказательство это мною представлено не въ надлежащей полнотѣ. Значеніе моихъ доводовъ можетъ быть понятно вполнѣ лишь для читателя знакомаго съ исторіей философіи. Такого читателя прежде всего прошу вполнѣ стать на мою точку зрѣнія и затѣмъ вызвать въ своемъ сознаніи возможные фактическія подтвержденія для моей гипотезы. Я убѣжденъ, что эти подтвержденія онъ найдетъ въ запасѣ своихъ свѣдѣній безъ особеннаго затрудненія, и такимъ образомъ очень легко окажетъ поддержку моимъ взглядамъ съ своей стороны именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, по его мнѣнію, будутъ особенно въ ней нуждаться. Конечно я могъ бы по развитой мною схемѣ построить всю исторію философіи не только въ общемъ ея ходѣ, но и въ подробностяхъ, обработавъ ее по первоисточникамъ, изъ которыхъ можно бы черпать необходимые доводы въ особенной полнотѣ; но я предпочелъ сначала высказать свою гипотезу въ формѣ краткаго очерка, ссылаясь при этомъ на факты и соображенія наиболѣе извѣстныя. Высказанная мною гипотеза настолько проста, что она нисколько не насилуетъ фактовъ: она дастъ имъ лишь извѣстное освѣщеніе, которое брошено на нихъ не отвнѣ, со стороны, но присуще имъ самимъ. Пусть этой гипотезѣ не достаетъ доказательства или выясненія въ какомъ нибудь отношеніи: она по крайней мѣрѣ удобоприложима къ фактамъ, и этого съ меня достаточно. Эта удобоприложимость въ извѣстномъ отношеніи замѣ-

нлетъ недостатокъ послѣдовательнаго проведенія гипотезы въ подробностяхъ. Если мое изслѣдованіе отличается сухимъ формализмомъ и нѣкоторою блѣдною схематичностію, то это происходитъ не отъ недостатка подробностей, а зависитъ отъ свойства самого предмета, ибо, какъ видитъ читатель, развиваемая мною гипотеза касается какъ-разъ формъ и схемы исторіи философіи. Сверхъ того, когда избирается столь многообъемлющая точка зрѣнія, тогда неизбежно ступшеваются очертанія отдѣльныхъ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, но за то въ сознаніи нашемъ тѣмъ яснѣе выступаютъ общія схемы.

140. Въ заключеніе два слова о характерѣ изслѣдованія. Вопросъ объ отношеніи историческаго процесса философіи, ея историческаго теченія и судьбъ къ откровенію вообще и въ частности къ христіанскому откровенію, какъ оно сосредоточивается въ жизни Церкви, по самому существу своему носитъ двоякій характеръ: философскій и богословскій; ибо вопросъ этотъ стоитъ на той пограничной чертѣ, гдѣ богословіе и философія взаимно соприкасаются. Естественно поэтому, что наше изслѣдованіе, поскольку оно касается условій историческаго развитія философіи, носитъ характеръ философскій, а поскольку оно проясняетъ эти условія съ точки зрѣнія откровенія, носитъ характеръ богословскій. Поэтому и выводы изъ этого изслѣдованія тоже имѣютъ двоякій интересъ: и для философіи, и для богословія. Но тотъ и другой элементы здѣсь столь тѣсно объединяются единствомъ взгляда на весь историческій процессъ философствующей мысли, что представляются въ неразрывномъ органическомъ единствѣ между собою. Надъ всѣмъ господствуетъ убѣжденіе, что уже въ самой организаціи нашего сознанія даны всѣ условія, направляющія историческое развитіе философіи именно къ откровенію истины чрезъ Божественное Слово, такъ что самый этотъ процессъ, ведущій къ этому откровенію, съ высшей, достигаемой имъ точки зрѣнія, является лишь однимъ изъ моментовъ откровенія Божественнаго Слова. Можно сказать, чрезъ этотъ процессъ въ разумѣ нашемъ извѣстнымъ образомъ открываетъ само Божественное Слово,

ведущее насъ чрезъ него къ Себѣ, и что родъ человѣчскій, участвующій въ этомъ процессѣ, тѣмъ самымъ участвуетъ въ откровеніи Слова. Вслѣдствіе этого, мнѣ кажется, приличнѣе всего закончить это сочиненіе напоминаніемъ о глубокомысленнѣйшемъ взглядѣ на исторію философіи, который принадлежитъ св. мученику Іустину Философу. Святой Іустинъ смотрѣлъ на исторію философіи именно какъ на откровеніе Божественнаго Слова, но только откровеніе это было откровеніемъ Слова въ сѣмени (λόγος σπερματικός), за которымъ послѣдовало откровеніе Слова во плоти (λόγος ἑνσαρκος ¹⁾). „Ибо, по словамъ св. Іустина, иное дѣло сѣмя и нѣкоторое подобіе чего-либо, данное по мѣрѣ пріемлемости; а иное то самое, чего причастіе и подобіе даровано по Его благодати“ ²⁾.

Слв. Остроумовъ.

¹⁾ Apol. II, 8, 13.

²⁾ Apol. I. 2, 13.

ДАТСКІЙ ФИЛОСОФЪ

СЕРЕНЪ КИРКЕГОРЪ,

КАКЪ ПРОНОВЪДНИКЪ ИФІЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ ВЪ РАЗВИТІИ ЛИЧНОСТИ.

Популярность того или другаго мыслителя, его идей, взглядовъ и выводовъ, его теорій и предположеній, какъ и его общаго міровоззрѣнія, весьма много зависитъ между прочимъ отъ степени распространенности языка, на которомъ написаны сочиненія. Въ древнемъ мірѣ большою популярностію пользовались главнымъ образомъ два языка: греческій и латинскій. По этой причинѣ сравнительно большою популярностію и распространенностію пользовались и сочиненія, написанныя на этихъ языкахъ,—сочиненія, изъ которыхъ многія дошли даже и до нашего времени. Гораздо менѣе мы знаемъ, какъ мало знали и люди древняго міра, о міровоззрѣніи мыслителей, писавшихъ или учившихъ на другихъ языкахъ древняго міра—индійскомъ, сирійскомъ, персидскомъ, или египетскомъ. Мыслители, ученые и историки, писавшіе на языкѣ малораспространенномъ, но желавшіе достигнуть извѣстности и популярности, нерѣдко даже сами переводили свои сочиненія на языки болѣе распространенные—греческій или латинскій. Такъ, Іосифъ Флавій написалъ свою исторію іудейской войны сначала на арамейскомъ языкѣ, а потомъ самъ-же и перевелъ ее на греческій языкъ. Въ древнемъ мірѣ не было ни одной книги болѣе древней по своему появленію въ свѣтъ и болѣе возвышенной по своему со-

держанію и міровоззрѣнію, какъ богодухновенныя ветхозавѣтныя книги іудеевъ; а между тѣмъ внѣ еврейскаго міра книги эти не пользовались популярностью до тѣхъ поръ, пока не были переведены на греческій языкъ. Евангеліе отъ Маттея не пользовалось особенною распространенностію, пока оно существовало только на арамейскомъ языкѣ; лишь въ греческомъ переводѣ оно стало достояніемъ *всей* христіанской Церкви.

Само собою понятно, что, не смотря на всѣ успѣхи языкознанія, явленіе это повторяется и въ наше время. Не подлежитъ, напр., никакому сомнѣнію, что русскіе ученые гораздо болѣе имѣютъ свѣдѣній о трудахъ западно-европейскихъ ученыхъ, чѣмъ западно-европейскіе ученые о трудахъ русскихъ мыслителей. Самая вздорная и пелѣвая вещь овладѣваетъ всѣмъ нашимъ вниманіемъ, если только она является къ намъ съ французскаго или нѣмецкаго литературнаго рынка. А между тѣмъ въ французскихъ учебникахъ и до сихъ поръ невѣжественно трактуется о томъ, что русскій патріархъ живетъ въ Москвѣ, что казаки питаются лошадиною падалью и свѣчнымъ саломъ, что Ярославль находится въ западной Сибири и т. п.

Впрочемъ, при всемъ нашемъ обширномъ знакомствѣ съ произведеніями иностранной литературы и науки, наше знаніе *западно-литературной* жизни все-таки слишкомъ ограничено. Мы знаемъ произведенія собственно лишь французскихъ и нѣмецкихъ мыслителей и литераторовъ, изъ которыхъ очель многихъ лучше было-бы не знать совсѣмъ. Но мы имѣемъ самыя смутныя представленія о мыслителяхъ и ученыхъ внѣ Германіи и Франціи. Никакая нація не можетъ существовать, такъ сказать, лишь однимъ „чужимъ умомъ“. Каждая нація имѣетъ своихъ путеводителей, своихъ геніевъ, своихъ представителей мысли, знанія и жизни. Но что знаемъ мы о нихъ, когда не знакомъ намъ языкъ ихъ? Тоже, что древніе китайцы, или индійцы знали о современныхъ имъ еврейскихъ пророкахъ... Умственная жизнь Швеціи, Норвегіи, Даніи, Нидерландъ, Португаліи, Испаніи—не есть-ли для насъ всецѣло *terra incognita*?.. А между тѣмъ, безъ сомнѣнія

и въ этихъ странахъ существовали и существуютъ мыслители и ученые, труды которыхъ достойны всякаго вниманія и самаго серьезнаго изученія, труды,—которыхъ, разумѣется, нельзя и сравнивать съ литературнымъ тряпьемъ à la Дюма, Золя и имъ подобныхъ литературныхъ циниковъ и проходимцевъ.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ, только что высказанной нами мысли, является личность, а вмѣстѣ съ нею и литературные труды весьма оригинальнаго датскаго философа *Серена Киркегора* (Sören Kierkegaard). Но что мы знаемъ объ этомъ мыслителѣ? Правда, о немъ писали много какъ нѣмцы, такъ и французы; но едва-ли изъ русскихъ кто обнаруживалъ особенную охоту читать писанное о какомъ-то *датчанинѣ*—Киркегорѣ. А между тѣмъ Киркегоръ, этотъ неподкупный и честный проповѣдникъ безукоризненныхъ нравственныхъ началъ въ развитіи личности, любви къ Богу и ближнему, дружбы и высокаго значенія семейной жизни, труда и долга, указавшій на незамѣнимое значеніе „выбора“ и „абсолютнаго отчаянія“ въ новомъ, наилучшемъ смыслѣ этихъ словъ,—этотъ глубокомысленный мыслитель, по справедливому замѣчанію его біографа Брандеса, „безспорно внесъ свое имя въ число тѣхъ, кто совершенно самостоятельно вновь выводилъ для своего времени на свѣтъ одинъ изъ тѣхъ великихъ „основныхъ истинъ“, о которыхъ чрезъ извѣстные промежутки времени приходится постоянно напоминать человѣку, котораго постоянно приходится открывать вновь съ большимъ трудомъ и опасностью для жизни, хотя онѣ и кажутся настолько простыми, что будучи сознаны, заставляютъ удивляться, какъ могли онѣ изгладиться изъ памяти человечества“. Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ еще восторженнѣе отзывается о Киркегорѣ. „Личность Киркегора, говоритъ онъ, слишкомъ богата,—его творенія слишкомъ многосторонни, чтобъ ихъ можно было выразить тою или другою формулой. Въ немъ датская литература первой половины XIX вѣка достигаетъ своего высшаго развитія, имъ-же она и завершается. Что слѣдовало за нимъ во второй половинѣ вѣка или слишкомъ незначительно, или слишкомъ молодо, чтобы выдержать съ нимъ хотя отдаленное сравненіе. Для литера-

туры нѣтъ измѣрителей. Нѣтъ лота, которымъ можно было бы измѣрить глубину человѣческаго ума, нѣтъ термометра для измѣренія жара страсти, нѣтъ высотометра для опредѣленія полета души; но еслибъ было что-либо подобное, тогда оказалось-бы, что мало кто опускался глубже въ бездну человѣческаго сердца, чувствовалъ болѣе искренно, мыслилъ болѣе ясно или вздымался выше въ полетѣ восторга къ идеаламъ твердости и чистоты, какъ Киркегоръ“. „Будь его сочиненія написаны на одномъ изъ главныхъ европейскихъ языковъ, онѣ несомнѣнно доставили-бы автору всемирную славу, особенно въ томъ видѣ, какъ онѣ появились,— не въ отдѣльности, а какъ звенья одного цѣлаго, въ которомъ заключены воззрѣнія *противоположнаго* духа (т. е. противоположныхъ направленій философирующей мысли). Если сравнить „Дневникъ оболъстителя“ (сочиненіе Киркегора) съ извѣстной „Люциндой“ Шлегеля, одинаковой съ нимъ по сюжету, и припомнить, какую громкую извѣстность приобрѣлъ этотъ слабый и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительный трудъ, тогда чувствуешь, насколько была несправедлива судьба къ Киркегору, присудивъ ему родиться не въ одномъ изъ великихъ государствъ просвѣщеннаго міра. Взявъ „In vino veritas“ (сочиненіе Киркегора) и поставивъ его рядомъ съ „Symposion“ Платона, pendant которому оно служить, съ глубокимъ удивленіемъ придется признать, что оно выдержитъ съ нимъ сравненіе настолько, насколько это вообще возможно для произведенія позднѣйшаго времени. Высшей похвалы, говоритъ Брандесъ, я не знаю“.

Киркегоръ умеръ въ 1855 году. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ. И вотъ только теперь русская печать начинаетъ знакомить русское общество съ личностію и трудами этого поистинѣ знаменитаго мыслителя. Петербургскій журналъ—„Сѣверный Вѣстникъ“—напечаталъ на своихъ страницахъ статью—„Серенъ Киркегоръ. Эстетическія и этическія начала въ развитіи личности. (Письмо семьянина къ эстетику изъ сочиненія Киркегора—„Одно изъ двухъ“, изд. подъ псевдонимомъ Викторъ Эремита, въ Копенгагенѣ, 1843 г.) переводъ съ датскаго. Къ сожалѣнію, эта перевод-

ная статья изъ трудовъ Киркегора, которой суждено первой познакомить ближе русское общество съ личностію и воззрѣніями весьма оригинальнаго датскаго философа, почти недоступна для чтенія и очень трудна для пониманія. Слогъ переводчика слишкомъ тяжелъ. Это-то обстоятельство и побудило насъ познакомить своихъ читателей съ воззрѣніями Киркегора на эстетическія и этическія начала въ развитіи личности по переводу „Сѣвернаго Вѣстника“, но въ изложеніи самомъ сжатомъ, простомъ и по возможности доступномъ для пониманія каждаго.

Серенъ Киркегоръ жилъ въ славную эпоху торжества и развитія философствующей мысли. Кипучая дѣятельность анализирующаго и синтезирующаго мышленія охватила собою въ то время всѣ лучшія силы западно-европейской науки и просвѣщенія. На философскомъ и богословскомъ горизонтѣ тогдашняго времени уже стояли звѣзды первой величины—Гегель, Шеллингъ, Фихте, Шопенгауэръ, Гербартъ, Шлейермахеръ и др. Свѣтъ ихъ, обильно разливавшійся по всему горизонту, невольно останавливалъ на себѣ вниманіе каждаго. Молодой Киркегоръ также, какъ и другіе, сначала былъ положительно ослѣпленъ этимъ свѣтомъ и много стоило ему труда, пока онъ освободился отъ этого ослѣпленія и снова сталъ смотрѣть на все прямо, сталъ видѣть вещи въ ихъ собственномъ свѣтѣ.

Серенъ Киркегоръ родился въ Копенгагенѣ въ 1813 году. На шестомъ году отъ роду онъ былъ отданъ уже въ школу; но послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ этой школѣ его перевели въ классическую гимназію. На семнадцатомъ году своей жизни Серенъ Киркегоръ былъ уже студентомъ университета, десять лѣтъ спустя—кандидатомъ богословія, а въ 1841 году онъ уже блистательно защищалъ свою диссертацию—„Объ ироніи“, доставившую ему степень магистра философіи. Совершивъ затѣмъ нѣсколько поѣздокъ по Германіи для болѣе серьезнаго ознакомленія съ нѣмецкой философіей, онъ возвратился въ родной свой Копенгагенъ, гдѣ уже потомъ и проживалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1855 году на 42 году его жизни.

Помимо своей магистерской диссертациі—„Объ ироніи“,— которую слѣдуетъ признать первымъ выдающимся сочиненіемъ Киркегора, — ояъ въ февралѣ 1843 года издалъ другое, знаменитое сочиненіе, составившее эпоху въ датской литературѣ,—„Одно изъ двухъ“. По скромности автора, сочиненіе это было издано подъ псевдонимомъ—„Виктора Эремита“. Въ немъ мы встрѣчаемъ самое глубокое изслѣдованіе двухъ противоположныхъ возрѣній на жизнь—эстетическаго (культъ красоты и наслажденія) и этического (культъ нравственности и долга). И замѣчательнѣе самый характеръ этого изслѣдованія. Въмѣсто сухихъ и отвлеченныхъ разсужденій объ этихъ двухъ противоположныхъ возрѣніяхъ на жизнь, Киркегоръ представляетъ намъ эти возрѣнія, такъ сказать, олицетворенными въ двухъ созданныхъ имъ авторахъ, являющихся представителями отдѣльныхъ взглядовъ, и такимъ образомъ какъ-бы заставляетъ ихъ передъ нашими собственными глазами производить ихъ опыты, которыми каждый изъ нихъ старается провести въ жизнь свои начала. Разсмотрѣвъ эти опыты двухъ противоположныхъ возрѣній на жизнь и дѣятельность человѣка, читатель какъ-бы слышитъ затѣмъ невѣдомо откуда раздавшееся повелѣніе: „выбери!“ — „Одно изъ двухъ!“ Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Брандеса, что уже самое заглавіе этой книги — „Одно изъ двухъ“ — было гениальной искрой, зажигающей любопытство читателя и сразу ставившей передъ нимъ „выборъ“. Не смотря на свою кратковременную жизнь, Киркегоръ кромѣ этой книги издалъ еще цѣлый рядъ своихъ сочиненій разнаго объема, которыя имѣютъ предметомъ своимъ положеніе человѣка въ жизни, его задачи и значеніе, опредѣляемыя съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Хотя первоначально Киркегоръ и не могъ устоять отъ вліянія многообѣщавшей гегелевой философіи, увлекся ею, но то дѣлаетъ ему честь, что уже весьма скоро и притомъ вполне самостоятельно ояъ увидѣлъ ея фальшь, не призналъ въ ней „системы, ведущей въ обѣтованную землю человечества“ и сразу сбросилъ съ себя ея оковы. Въ его глазахъ несостоятельность гегелевой философіи обнаружи-

лась тотчасъ же, какъ только онъ вздумалъ примѣнить къ дѣйствительной жизни свое теоретическое ученіе о ней. Мало того, — онъ даже объявилъ себя самымъ непримиримымъ врагомъ ея. Кажется, всѣ силы своей могучей діалектики онъ направилъ теперь только къ тому, чтобы обнаружить и доказать совершенное безсиліе этой философіи въ дѣлѣ разъясненія загадокъ жизни и правилъ, которыми человекъ въ ней долженъ руководствоваться. Стремленіе гегелевой философіи примирить вѣру и знаніе, понимая первую лишь только какъ низшую ступень послѣдняго, слишкомъ возмутило Киркегора и стало любимымъ предметомъ его беспощадной критики. Въ то время, говоритъ его біографъ, какъ философы утверждали, что принципъ противорѣчія утратилъ свое значеніе, и, созерцая прошедшее, примиряли эти противорѣчія въ высшемъ единствѣ мысли, — Киркегоръ, имѣя въ виду настоящее, ставилъ ихъ рядомъ передъ каждымъ индивидуумомъ, давая въ нихъ ему предметъ для выбора „одного изъ двухъ“. Глубокое знаніе человѣческой души указало ему путь, по которому ему слѣдовало идти въ своихъ изысканіяхъ. По его мнѣнію, вѣкъ блуждалъ въ эстетико-философскихъ воззрѣніяхъ, воображая въ то же время, что онъ жилъ не только этической, но даже и религіозной жизнью. Чтобы разъяснить это недоразумѣніе, Киркегору приходилось начать съ разъясненія самихъ понятій о жизни, въ которыхъ царилъ тогда величайшая путаница. Этимъ-то и объясняется, что Киркегоръ, человекъ несомнѣнно глубоко-религіознаго направленія, началъ свою дѣятельность съ произведенія, относящагося къ области эстетики и этики. Тѣмъ не менѣе вовсе не слѣдуетъ думать, что Киркегоръ былъ сначала эстетикомъ и только впоследствии чрезъ этику пришелъ къ религіи. Напротивъ онъ всегда былъ мыслителемъ глубоко-религіознымъ и если началъ съ эстетики, то лишь для того, чтобы указать современникамъ на ихъ заблужденіе, выяснить имъ ихъ понятія и затѣмъ вести ихъ отъ эстетическаго къ этическо-религіозному воззрѣнію на жизнь.

Во время всеобщаго господства надъ умами гегелевой философіи философами считались главнымъ образомъ только

гегельянцы; поэтому Киркегоръ всегда скромно отклоняетъ отъ себя званіе философа. „Ты знаешь, пишетъ онъ своему другу—эстетику,—что я никогда не выдавалъ себя за философа“. Мало того, будучи горячимъ проповѣдникомъ высоко-нравственныхъ началъ, Киркегоръ былъ всегда настолько скромень, что никогда не выдавалъ себя за представителя этихъ началъ или „уполномоченнаго отъ этики“. Вотъ его собственное свидѣтельство, за которымъ невольно видишь его свѣтлую и симпатическую личность. „Смотри на все написанное мною,—пишетъ онъ тому-же другу своему—эстетику,—какъ на бездѣлицу, какъ на примѣчанія къ дѣтскому учебнику; все это писколько не мѣшаетъ, изложенному мною, имѣть за собою извѣстную авторитетность, признать которую, надѣюсь, ты не откажешься. Или, можетъ быть, тебѣ покажется, что я хотѣлъ незаконно присвоить себѣ эту авторитетность, что я неумѣстно примѣшалъ къ дѣлу свое гражданское положеніе (Киркегоръ былъ въ Копенгагенѣ мировымъ судьей) и взялъ на себя роль судьи, а не заинтересованной стороны? Охотно отказываюсь отъ всякихъ притязаній; по отношенію къ тебѣ я не считаю себя даже стороною; въ то время, какъ я готовъ согласиться, что эстетика вполне могла предоставить тебѣ явиться ея довѣрителемъ, я далеко не признаю себя въ правѣ явиться уполномоченнымъ отъ этики. Я вообще не болѣе, какъ свидѣтель, и только въ этомъ смыслѣ придаю своему письму значеніе авторитетности, такъ какъ рѣчь всякаго о томъ, что ему пришлось испытать самому, всегда имѣетъ за собою авторитетность. Я не болѣе, какъ свидѣтель, и вотъ тебѣ мое свидѣтельское показаніе in optima forma. Я исполняю свою обязанность мирового судьи; я доволенъ своимъ призваніемъ, вѣрю, что оно соотвѣтствуетъ моимъ способностямъ и всему складу моей личности; знаю, что оно требуетъ отъ меня приложенія всѣхъ моихъ силъ. Въ то время, какъ я стараюсь все болѣе и болѣе образовать себя по отношенію къ своему дѣлу, я чувствую, какъ содѣйствую этимъ своему личному развитію. Я люблю свою жену, счастливъ въ своей семьѣ; когда я слушаю колыбельную пѣсню жены, эта пѣсня ба-

жется мнѣ прекраснѣе всякаго другаго пѣнія, хотя и не думаю считать свою жену пѣвицей; когда я слышу крикъ малютки, онъ не рѣжетъ моего уха; я вижу, какъ его старшій братъ растеть и развивается, и смотрю на будущее моего сына съ радостью и надеждой, безъ всякаго нетерпѣнія, такъ какъ я умѣю ждать и въ самомъ ожиданіи нахожу для себя много радостнаго. Дѣло мое имѣетъ значеніе для меня самаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ думать, что оно не лишено значенія и для другихъ, хотя я и не въ состояніи вполне измѣрить это значеніе. Меня радуетъ то, что личная жизнь другихъ имѣетъ для меня значеніе. Надѣюсь также, что и моя жизнь имѣетъ значеніе для тѣхъ, съ кѣмъ я схожусь въ возрѣніи на жизнь. Я люблю свою родину и не могу представить себѣ, какъ-бы я сталъ жить такою-же полною жизнью въ чужой странѣ. Я люблю родной языкъ; онъ освобождаетъ мою мысль, и я нахожу возможность прекрасно выразить на немъ все, что имѣю сказать. Такимъ образомъ жизнь получаетъ въ моихъ глазахъ столько значенія, что я могу быть вполне радъ и доволенъ ею. При всемъ томъ я живу еще высшею жизнью, и когда мнѣ случается дышать ею среди земной и семейной жизни, тогда я чувствую себя на вершинѣ счастья, тогда творческія силы человѣческаго духа сливаются для меня съ высшей благодатью. Такъ люблю я жизнь, находя ее прекрасною, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрю, что меня ожидаетъ еще болѣе прекрасная жизнь. Вотъ тебѣ мое свидѣтельское показаніе“.

Эта личная жизнь Киркегора, какъ увидимъ впоследствии, вполне согласна съ тѣми этическими началами, которыя Киркегоръ признаетъ безусловно необходимыми для развитія личности. Трудно рѣшить впрочемъ вопросъ, какимъ образомъ могло состояться столь тѣсное отношеніе: нравственную ли теорію свою Киркегоръ старался осуществить въ жизни, или наоборотъ — самыя теоретическія основы своей этики Киркегоръ вывелъ уже изъ опытовъ своей жизни. Въ нашемъ распоряженіи гораздо больше основаній утверждать послѣднее. Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на рассказъ Киркегора о томъ, какъ первоначально сло-

жилося у него убѣжденіе въ необходимости точнаго исполненія своихъ обязанностей, своего долга. Разсказъ этотъ не лишень глубокаго педагогическаго значенія и для нашего времени, а потому мы считаемъ небезполезнымъ привести его здѣсь. „Мнѣ было всего пять лѣтъ, разсказываетъ Киркегоръ, когда меня въ первый разъ отравили въ школу. Безъ сомнѣнія, событіе такой важности не можетъ не произвести впечатлѣнія на ребенка, но дѣло въ томъ, въ чемъ именно заключается это впечатлѣніе. Любопытство ребенка подстрекають всегда смутныя предположенія о томъ, — что такое собственно школа? И со мной было конечно тоже самое, но тѣмъ не менѣе, главное впечатлѣніе, произведенное на меня, было совершенно иного рода. Меня привели въ школу, представили учителю, учитель на первый разъ задалъ мнѣ затвердить наизусть къ слѣдующему дню десять первыхъ строкъ изъ учебника Балле. Всѣ другія впечатлѣнія ступали; мнѣ живо представлялся только одинъ мой урокъ. Въ дѣтствѣ я обладалъ отличной памятью, и мнѣ дался урокъ легко. Я просилъ сестру мою спросить у меня его, — и она увѣрила меня, что я его знаю. Я легъ спать, но передъ сномъ еще разъ отвѣтилъ его самому себѣ и заснулъ съ твердымъ намѣреніемъ снова пройти его утромъ. Я поднялся въ 5 часовъ, одѣлся, досталъ свой учебникъ и снова принялся за чтеніе. Все это еще такъ живо передо мной, какъ будто случилось только вчера. Мнѣ казалось, что небо обрушится, если я не выучу моего урока; но съ другой стороны я чувствовалъ, что еслибы даже и небо обрушилось, то это нисколько не избавило-бы меня отъ заданнаго мнѣ: выучить урокъ. Въ эти годы я вѣдь очень мало зналъ, каковы мои обязанности, да и не успѣлъ еще познакомиться съ ними по учебнику Балле; для меня существовала пока одна только обязанность — выучить свой урокъ, — и тѣмъ не менѣе изъ одного этого впечатлѣнія я могу вывести весь мой настоящій, этический взглядъ на жизнь. Невольно улыбаешься, конечно, глядя на такого пятилѣтняго мальчугана, который съ такимъ жаромъ берется за дѣло, и все-таки я всегда желалъ-бы только одного, — чтобы я во вся-

комъ возрастѣ относился къ моимъ обязанностямъ съ тѣмъ-же рвеніемъ, съ той-же серьезностью, какъ тогда. Правда, задача жизни съ годами становится яснѣе, но все-же главное—энергія, энергія! Если событіе это произвело на меня такое впечатлѣніе, то я всецѣло обязанъ имъ строгости моего отца, и если-бы я даже не былъ обязанъ ему болѣе рѣшительно ничѣмъ инымъ, то одного этого было-бы все-таки достаточно, чтобы чувствовать себя въ неоплатномъ долгу по отношенію къ нему. Главная задача воспитателя—не только выучить ребенка тому или другому, но прежде всего—пробудить въ немъ сознаніе и энергію. Ты (эстетикъ) часто говоришь, что отрадно обладать свѣтлымъ умомъ. Никому не придетъ въ голову конечно отвергать что-либо подобное, но по моему едва-ли не отъ самого человѣка зависитъ всякое достиженіе, лишь-бы было желаніе и воля... Съ этой точки зрѣнія я могу сказать, что на долю мою выпало счастливое дѣтство, такъ какъ оно обогатило меня массой нравственныхъ впечатлѣній. Я позволю себѣ еще остановиться нѣсколько минутъ на этомъ времени; здѣсь все вызываетъ въ памяти образъ моего отца, самое дорогое изъ моихъ воспоминаній отнюдь не бѣдное и не безплодное; оно еще разъ даетъ мнѣ поводъ разъяснить нѣсколько подробнѣе мою мысль, что всего важнѣе сознаніе долга, а отнюдь не многочисленность обязанностей. Тамъ, гдѣ проводятъ послѣднее, личность человѣческая мельчаетъ, портится. Въ этомъ отношеніи мнѣ посчастливилось въ дѣтствѣ: у меня никогда не было много обязанностей, у меня всегда была только одна, но за то основательная. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ школѣ меня перевели въ классическую гимназію. Здѣсь началась новая жизнь, но и тутъ преобладало чувство нравственнаго долга, хотя свобода моя ничѣмъ не стѣснялась. Вращаясь въ кругу товарищей, я съ удивленіемъ замѣчалъ жалобы ихъ на учителей, видѣлъ, какъ одного изъ нихъ взяли изъ гимназіи, потому что онъ никакъ не могъ поладить съ учителемъ. Не будь у меня яснаго сознанія долга, подобное событіе неизбѣжно повліяло-бы на меня очень вредно. Но теперь этого не случилось. Я зналъ,

что задача поставлена мнѣ—посѣщать школу, посѣщать именно ту школу, куда я разъ поступилъ; кругомъ меня все могло измѣниться, но эта задача должна была остаться неизмѣнной. Не одинъ страхъ передъ строгостью отца вызвалъ во мнѣ это убѣжденіе,—нѣтъ, оно происходило изъ высокаго сознанія долга. Если-бы даже умеръ тогда мой отецъ, если-бы меня поручили кому-либо другому, котораго я могъ бы уговорить взять меня изъ гимназіи, я все-таки не осмѣлился-бы даже высказать такое желаніе, не смѣль-бы этого сдѣлать; мнѣ казалось, что тѣнь отца явится провожать меня въ школу. Въ данномъ случаѣ я такъ глубоко сознавалъ свой долгъ, что нарушеніе воли отца было-бы для меня проступкомъ, не забываемымъ на всю жизнь. Въ остальномъ я пользовался полнѣйшей свободой и зналъ одну только обязанность—не уклоняться отъ школьнаго теченія, и въ этомъ отношеніи вся отвѣтственность лежала на мнѣ самомъ. Когда я поступилъ въ школу и куплены были всѣ нужные учебники, отецъ, передавая ихъ, сказалъ мнѣ: „Володя! чрезъ мѣсяць ты долженъ быть третьимъ въ классѣ“. Я былъ избавленъ отъ всякихъ нелѣпыхъ требованій со стороны отца. Отецъ никогда не спрашивалъ меня объ урокахъ, никогда не заставлялъ меня отвѣчать ихъ ему, не смотрѣлъ моихъ тетрадей, не напоминалъ мнѣ, что теперь время читать, а теперь отдыхать, никогда не касался совѣсти ученика, примѣры чего мы нерѣдко видимъ на сердобольныхъ родителяхъ, когда они, погладивъ по головкѣ своихъ дѣтей, говорятъ имъ: „ну, а урокъ-то ты свой навѣрно знаешь?“ Если я хотѣлъ уйти куда нибудь, то отецъ спрашивалъ меня только, есть-ли у меня время, предоставляя мнѣ самому рѣшить заданный вопросъ, и никогда не начиналъ по этому поводу лишнихъ разговоровъ. Но какое-бы участіе онъ ни принималъ во всемъ, что касалось меня, онъ никогда и виду не показывалъ, что сколько нибудь этимъ интересуется, желая дать душѣ созрѣть надъ собственною отвѣтственностію. И здѣсь опять, было тоже самое: обязанности мои не были многочисленны, а сколькоихъ дѣтей портятъ тѣмъ, что взваливаютъ на ихъ слабыя плечи цѣлый ворохъ обязанностей! За

то я вынесъ глубокое убѣжденіе, что существуетъ нѣчто, называемое долгомъ, нѣчто непреложное. Въ мое время латинскую грамматику читали со вкусомъ и съ толкомъ, о которомъ не имѣютъ теперь и понятія. Ученіе это не замедлило оказать на меня свое вліяніе, хотя другимъ путемъ, но совершенно тождественнымъ съ первымъ. Если я способенъ вообще мыслить философски, то я исключительно обязанъ этимъ упомянутому выше вліянію. Безусловное уваженіе къ правилу, почтеніе къ нему, презрительный взглядъ на исключенія съ ихъ жалкимъ существованіемъ, справедливое гоненіе, которому онѣ подвергались въ моихъ тетрадяхъ, гдѣ ихъ безпощадно клеймили,—что было все это, какъ не основа для каждаго философскаго ученія? Когда я глядѣлъ на моего отца все подъ тѣмъ-же впечатлѣніемъ, мнѣ казалось, что онъ живое олицетвореніе правилъ, а все остальное, приходившее извнѣ, было жалкимъ исключеніемъ, коль скоро оно не согласовалось съ его волей. Въ товарищѣ моемъ (не поладившемъ съ учителемъ) я скоро сталъ видѣть „исключеніе“, не стоящее вниманія,—исключеніе уже потому, что его поступокъ надѣлалъ столько шуму. Дѣтскій ригоризмъ, съ которымъ я различалъ тогда правила и исключенія, какъ въ грамматикѣ, такъ и въ жизни, хотя отчасти и сгладился впоследствии, но это различіе живетъ во мнѣ еще и до сихъ поръ, и я постоянно съумѣю вызвать его, особенно передъ тобою (эстетикомъ) и тебѣ подобными, проводящими, повидимому, то ученіе, что въ исключеніи—главное, что даже правило существуетъ лишь для того, чтобы ярче выдѣлить исключеніе“.

Итакъ, этотъ во многихъ отношеніяхъ весьма интересный рассказъ показываетъ намъ, что этическая теорія Киркегора не есть результатъ одного отвлеченнаго его мышленія, а напротивъ—есть плодъ его внутренней жизни, выводъ, добытый его собственными опытами. Онъ передаетъ намъ только то, что онъ самъ испыталъ, пережилъ, почувствовалъ, позналъ на дѣлѣ. Этимъ-же объясняется и самый характеръ его ученыхъ трудовъ. Киркегоръ не оставилъ послѣ себя цѣльнаго, систематическаго изложенія иѳическихъ началъ;

онъ не былъ проповѣдникомъ одной книжной морали; не задавался цѣлю дать полное ученіе о нравственности и, согласно принятому обычаю, говорить объ обязанностяхъ по отношенію къ Богу, самому себѣ и ближнимъ,—и это онъ сдѣлалъ вовсе не потому, чтобы пренебрегалъ подобнымъ подраздѣленіемъ, а лишь потому, что по его убѣжденію, вынесенному изъ опытовъ дѣтства, въ этическомъ развитіи личности главное—не многообразіе обязанностей, а сосредоточенность ихъ. По ученію Киркегора, главное вовсе не въ томъ, чтобы человѣкъ могъ по пальцамъ перечестъ всѣ свои обязанности, но въ томъ, чтобы онъ разъ навсегда почувствовалъ силу сосредоточенности въ долгѣ настолько, что это сознаніе послужило-бы ему залогомъ вѣчнаго значенія его существа. Когда личность постигла значеніе подобной сосредоточенности, тогда она этически созрѣла и долгъ самъ собою проявится въ ней. „Дать ученіе о нравственности, говоритъ Киркегоръ, никогда не было моимъ намѣреніемъ. Я хотѣлъ только показать, какимъ образомъ этическое, съ какой-бы разрозненностію и смѣшеніемъ возрѣній на жизнь ему ни приходилось сталкиваться, не только не лишаетъ жизни красоты, но напротивъ—именно придаетъ ей красоту. Оно даетъ жизни примиреніе, устойчивость и увѣренность, неустанно восклицая: „quod petis, hic est (т. е. здѣсь то, чего ты ищешь); оно спасаетъ душу отъ расслабляющей ее безплодной мечтательности, оно придаетъ душѣ здоровье и силу. Оно учитъ не придавать чрезмѣрнаго значенія случайному, или боготворить счастье. Оно учитъ радоваться въ счастьи... и несчастіи“.

Указанную цѣль, которую Киркегоръ имѣетъ въ виду почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ непосредственно преслѣдуетъ въ своемъ разсужденіи объ эстетическихъ и этическихъ началахъ въ развитіи личности. По своему изложенію разсужденіе это имѣетъ форму письма отъ семьянина (Киркегора) къ другу его, эстетика. По своему содержанію оно распадается на двѣ части: въ первой—рѣчь идетъ объ эстетическомъ возрѣніи на жизнь, во второй—объ этическомъ. Основная мысль, которая проходитъ чрезъ все это разсужде-

ніе, можетъ быть выражена кратко слѣдующимъ образомъ: жизнь эстетика, культъ наслажденія и прекраснаго, ведетъ къ отчаянію, спасти отъ котораго человѣка можетъ только „одно изъ двухъ“, т. е., выборъ, приводящій его къ зрѣлости и серьезному отношенію къ жизни, благодаря чему самая жизнь получаетъ высшій смыслъ, не только не лишаящій ея свойственной ей красоты, но наоборотъ—сообщающій ей истинную и дѣйствительную прелесть.

Но что такое, по Киркегору, эстетическое воззрѣніе на жизнь и что такое этическое? Что значитъ—жить эстетически или этически? Какой элементъ человѣческой жизни нужно назвать эстетическимъ и какой этическимъ? На эти вопросы Киркегоръ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „эстетическій элементъ у человѣка тотъ, который непосредственно являетъ его въ настоящемъ его видѣ; этический же элементъ есть тотъ, благодаря которому, человѣкъ приводитъ себя къ тому, чѣмъ онъ является. Всякій, живущій исключительно эстетической стороною, не только благодаря ей, но и ради нея, живетъ эстетически“. Такимъ образомъ эстетическое воззрѣніе смотритъ на жизнь такъ, какъ она есть, въ ея настоящемъ видѣ,—этическое же—такъ, какою она должна быть, какой требуетъ ея этический элементъ. Тѣмъ не менѣе этическое воззрѣніе не требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ былъ другимъ, а хочетъ лишь того, чтобы онъ былъ самимъ собою. Слѣдовательно, этическое воззрѣніе на жизнь вовсе не уничтожаетъ эстетическаго элемента,—напротивъ, оно придаетъ ему только высшее освященіе. Этическое воззрѣніе не желаетъ уничтожать конкретность, напротивъ—оно смотритъ на нее, какъ на свою задачу, видитъ какъ то, что оно должно образовать изъ личности, такъ и то, изъ чего оно ее образываетъ.

Въ силу только что сказаннаго, Киркегоръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ исключительнымъ проповѣдникомъ этики и совершеннымъ противникомъ эстетики. Онъ вовсе не устраняетъ эстетическаго элемента изъ жизни человѣка; но онъ нападаетъ только на то воззрѣніе, которое основывается исключительно на эстетическомъ элементѣ.

Эстетическаго воззрѣнія на жизнь Киркегоръ не считаетъ даже нужнымъ опровергать теоретически; оно само себя опровергаетъ практически; опровергаетъ именно тѣмъ, что не приводитъ человѣка, живущаго только эстетически, ни къ какому другому результату, кромѣ меланхоліи, разочарованія, отчаянія, нравственнаго паденія, самоубійства. Есть нѣсколько видовъ эстетическаго воззрѣнія на жизнь; но конецъ всѣхъ ихъ всегда одинъ и тотъ-же.

На низшей ступени эстетическаго воззрѣнія личность непосредственно опредѣляется физически, а не духовно. Отсюда-то и вытекаетъ взглядъ на здоровье, какъ на величайшее благо человѣческой жизни. Придавая этому взгляду поэтическую форму, говорятъ далѣе, что красота есть высшее благо на землѣ. Но, какъ извѣстно, красота вещь самая непрочная и отъ того-то мы рѣдко видимъ, чтобы этотъ взглядъ проводился въ жизни. Часто можно встрѣтить юношу или дѣвушку, гордящихся своею красотой, но не надолго; она скоро измѣняетъ имъ,—иногда даже скорѣе, чѣмъ физическое здоровье.

Есть воззрѣнія на жизнь, которыя учатъ, что цѣль жизни—наслажденіе, но что условія для его достиженія, какъ и въ предшествующемъ, находятся внѣ индивидуума. Это мы видимъ, напр., тамъ, гдѣ задачею и главнымъ содержаніемъ жизни являются богатство, почетъ, знатность и т. д. Сюда же относится и извѣстнаго рода любовь.

На высшей ступени эстетическое воззрѣніе утверждаетъ, что цѣль жизни—наслажденіе, но что условія къ этому лежатъ въ самомъ индивидуумѣ, а имѣть ихъ не зависитъ отъ него самаго. Личность въ такомъ случаѣ опредѣляется обыкновенно, какъ талантъ практическій, торговый, математическій, поэтическій, художественный, философскій; удовлетворенія, наслажденія въ жизни ищутъ въ развитіи даннаго таланта. Непосредственно талантъ можетъ и не удовлетворять; тогда стараются развивать его всѣми способами, но условіемъ удовлетворенія въ жизни является все-таки самый талантъ, нѣчто, слѣдовательно, непосредственно не зависящее отъ даннаго индивидуума.

Наконецъ, самое обычное и самое распространенное эстетическое воззрѣніе учить: „наслаждайся жизнью“ и тутъ же поясняетъ: „живи для своихъ желаній“. Но желаній, говоритъ Киркегоръ, бываетъ много и притомъ различныхъ. Легко видѣть, что такая жизнь должна расплываться въ безконечномъ разнообразіи, если только у человѣка съ дѣтства не выработалось одно опредѣленное желаніе, которое мы скорѣе можемъ назвать страстью къ чему нибудь, какъ напр., страсть удить рыбу, охотиться, держать рысаковъ и т. д. Въ самомъ желаніи индивидуумъ всегда непосредственъ и этой непосредственности не мѣшаетъ самая крайняя утонченность и изысканность желанія; въ наслажденіи онъ переживаетъ лишь минуту и при всей своей многосторонности является въ этомъ отношеніи непосредственнымъ, такъ какъ живетъ минутой. Жить ради удовлетворенія своихъ желаній, конечно, очень заманчиво въ глазахъ большинства, но къ счастью на практикѣ это возможно лишь для немногихъ, вслѣдствіе тягостныхъ условій жизни, принуждающихъ человѣка заботиться о совершенно иномъ. Иначе, говоритъ Киркегоръ, я не сомнѣваюсь, мы часто были бы свидѣтелями ужаснаго зрѣлища. Несомнѣнно, мы очень часто встрѣчаемъ людей, сѣтующихъ на то, что проза жизни давитъ ихъ; но, къ сожалѣнію, въ этомъ обыкновенно кроется лишь желаніе освободиться отъ подобнаго бремени и дать волю своимъ страстямъ со всею необузданностію, на какую только способны человѣческія желанія. Чтобы послѣдовательно проводить этотъ взглядъ въ жизни, человѣкъ долженъ обладать многими внѣшними условіями; а это счастье или, вѣрнѣе, несчастье рѣдко выпадаетъ на его долю. Какъ увидимъ ниже, по ученію Киркегора, несчастье человѣка совсѣмъ не въ томъ, что внѣшнія условія не въ его власти, такъ какъ, обладая ими, онъ и былъ-бы тогда вполне несчастливъ.

Знаменитый, всемогущій, римскій императоръ Неронъ, котораго постоянно окружала несмѣтная толпа самыхъ ревностныхъ исполнителей его земныхъ желаній и къ ногамъ котораго падалъ весь міръ, можетъ быть названъ самымъ выразительнымъ представителемъ древняго эстетика и на

немъ-то Киркегоръ останавливаетъ свое вниманіе, чтобы показать, къ чему можетъ привести эстетическое возрѣніе на жизнь, когда ему благопріятствуютъ всѣ внѣшнія условія. Мы, какъ и всѣ люди, какъ и самъ, быть можетъ, Неронъ, ужасаемся чудовищности его личности, но я, все-таки, говорю Киркегоръ, никому не совѣтовалъ-бы довѣрять своимъ силамъ настолько, чтобы не страшиться мысли самому сдѣлаться Нерономъ. Ибо что такое Неронъ? Сущностью души Нерона, по словамъ Киркегора, была *меланхолія*. Въ наше время, говоритъ Киркегоръ, меланхолія считается какимъ-то высокимъ чувствомъ; но я держусь ученій древней церкви, причислявшихъ уныніе къ числу тяжкихъ грѣховъ. У каждаго человѣка, правда, могутъ быть свои заботы и печали, которыя и преслѣдуютъ его всю жизнь,—все это справедливо, но въ меланхолію человѣкъ все-таки впадаетъ лишь по своей собственной винѣ. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли является тотъ же великій сластолюбецъ Неронъ, какъ передъ нами его изобразилъ Киркегоръ. Ликторы окружаютъ его не только тогда, когда онъ поднимается на тронъ или направляется въ сенатъ, они слѣдуютъ за нимъ и тогда, когда онъ идетъ удовлетворять свои страсти, прокладывая дорогу его преступленіямъ и устраняютъ препятствія. Но вотъ, вслѣдъ за умчавшимися молодыми годами, безпечность юности покидаетъ его душу; для него нѣтъ неизвѣданныхъ наслажденій, все испытано имъ до пресыщенія. Но жизнь эта, не смотря на всю свою порочность, дала душѣ его зрѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ, при всей его опытности и знаніи жизни, онъ не болѣе какъ дитя или юноша. Умъ его не можетъ выйти изъ состоянія непосредственности, а между тѣмъ онъ жаждетъ проявиться, требуя себѣ иной, высшей формы бытія. Но случись это, неминуемо настанетъ минута, когда померкнутъ и блескъ трона, и власть, и могущество, а у Нерона на это не достаетъ мужества. Онъ хватается за наслажденіе, весь міръ долженъ изощрять свою опытность, чтобы доставить ему что-нибудь новое, такъ какъ онъ отдыхаетъ душой только въ минуту наслажденія и, когда она минула, задыхается отъ истомя. Умъ стремится сбросить

оковы, но безуспѣшно: его постоянно обманываютъ и Неронъ предлагаетъ ему лишь наслажденія. Тогда умъ его омрачается подобно темной тучѣ, гнѣвъ охватываетъ душу Нерона и переходитъ въ трепетъ, не утихающій даже въ самыя минуты наслажденія. Вотъ почему взоръ его такъ зловѣщъ, что никто не можетъ выдержать его; вотъ почему взоръ его такъ грозенъ, что пугаетъ людей: онъ скрываетъ за собою душу, покрытую ужаснымъ мракомъ. Взоръ этотъ называютъ взоромъ кесаря, весь міръ трепещетъ передъ нимъ, а между тѣмъ и въ душѣ самого Нерона таится страшная боязнь всего и всѣхъ. Ребенокъ, смотрящій на него какъ нибудъ особенно, случайно брошенный кѣмъ-нибудъ взглядъ — все пугаетъ его. Неронъ какъ-бы чувствуетъ власть каждаго такого человѣка надъ собою, такъ какъ умъ его требуетъ исхода, требуетъ самосознанія. Но Неронъ безсиленъ; умъ его, не получая новой пищи, порождаетъ только новые порывы гнѣва. Неронъ не увѣренъ самъ въ себѣ и успокаивается лишь тогда, когда все дрожитъ передъ нимъ и онъ не видитъ никого, кто-бы могъ посягнуть на его безопасность. Отсюда страхъ передъ людьми—общій у Нерона со всѣми подобными личностями. Онъ какъ-бы одержимъ бѣсомъ, не свободенъ въ самомъ себѣ; вотъ почему ему и кажется, что взоръ каждаго человѣка стремится поработить его. Онъ, повелитель Рима, можетъ страшиться взора послѣдняго изъ рабовъ. Если онъ встрѣчаетъ такой взоръ, глаза его искрятся и пожираютъ дерзающаго глядѣть на него такимъ образомъ. Негодяй стоитъ рядомъ съ кесаремъ; онъ понимаетъ этотъ дикій взоръ и—участь человѣка рѣшена. Убійство не тяготитъ совѣсти Нерона, но гнететъ его умъ новымъ трепетомъ. Одно наслажденіе въ состояніи развлечь его. Такъ истребляетъ онъ пожаромъ половину Рима, но муки остаются тѣ-же. Скоро и это уже не веселитъ его. Есть еще высшее наслажденіе—онъ хочетъ пугать людей. Самъ себѣ онъ—загадка и трепетъ господствуетъ въ его душѣ; теперь онъ хочетъ быть загадкою для всѣхъ и наслаждаться ихъ трепетомъ. Отсюда эта улыбка кесаря, никѣмъ непостижимая. Подходятъ къ его трону, онъ

ласково улыбается имъ и все-таки ихъ охватываетъ ужасъ: можетъ быть, въ этой улыбкѣ—ихъ смертный приговоръ, можетъ быть, полъ уйдетъ изъ подъ ихъ ногъ и они провалятся въ пропасть! Женщина приближается къ его трону; онъ милостиво улыбается ей, а между тѣмъ она готова потерять сознание; эта улыбка, можетъ быть, выбираетъ въ ней новую жертву его сластолюбія! Этотъ общій страхъ веселитъ его; ему не нужно, чтобъ передъ нимъ преклонялись, онъ хочетъ, чтобъ передъ нимъ трепетали. Онъ является не въ блескѣ гордаго могущества, онъ тащется слабымъ, медленнымъ шагомъ, такъ какъ эта немощность вызываетъ еще больше опасеній. Онъ смотритъ умирающимъ, едва дышетъ и все-таки онъ—повелитель Рима, жизнь людей въ его рукахъ. Душа его разслаблена, только соль остроумія и игра словъ въ состояніи оживлять его. Но вотъ все, что можетъ дать міръ, исчерпано, а онъ между тѣмъ не можетъ жить, коль скоро все смолкаетъ. Онъ способенъ дать приказаніе убить ребенка на глазахъ матери, въ надеждѣ, что отчаяніе матери проявится какимъ-нибудь новымъ выраженіемъ способнымъ развлечь его. Не будь онъ повелителемъ Рима, онъ, можетъ быть, кончилъ-бы жизнь самоубійствомъ, такъ-какъ отъ такого конца недалеко уже желаніе, чтобы у всѣхъ людей была одна шея, дабы онъ могъ обезглавить ихъ однимъ ударомъ меча. Неронъ, говоритъ Киркегоръ, пугаетъ даже послѣ своей смерти,—при всей своей порочности, онъ плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ,—и въ извергѣ найдешь нѣчто человѣческое. Представленный образъ Нерона, не долженъ служить намъ поводомъ благодарить Бога, подобно евангельскому фарисею, за то, что Онъ не создалъ насъ такими.

Каждый человѣкъ, руководящійся въ своей жизни лишь однимъ эстетическимъ возрѣніемъ въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому возрѣнію Киркегоръ, каждый человѣкъ, живущій только минутой, требующей отъ жизни лишь одного наслажденія, въ концѣ концовъ долженъ непременно стать меланхоликомъ, дойти до отчаянія въ той или другой формѣ. До такого положенія между прочимъ дошелъ даже и

тотъ эстетикъ, къ которому Киркегоръ пишетъ, разбираемое нами письмо. Онъ получилъ отъ жизни уже все, что только съ его точки зрѣнія она могла дать ему. А дальше что? Киркегоръ саркастически указываетъ ему на дальнѣйшій путь въ томъ-же направленіи, если онъ не рѣшится остановиться и ступить на путь другой, болѣе твердый и безопасный—этический. „Если ты вѣчно желаешь только тѣшить свою душу погремучками остроумія и тщеславіемъ ума,—говоритъ Киркегоръ,—да будетъ такъ: бросай свою родину, переселяйся въ Парижъ, отдайся журналистикѣ, домогайся улыбокъ изнѣженныхъ женщинъ, охлаждай ихъ разгоряченную кровь холоднымъ блескомъ своего остроумія, пусть будетъ гордой задачей твоей жизненной дѣятельности—гнать скуку празднои женщины или разсѣвать мрачныя думы изможденнаго сластолюбца; забудь свои дѣтскіе годы, кротость твоей души, чистоту твоей мысли, заглушай въ груди каждый отголосокъ возвышеннаго, расточай свою жизнь среди блестящаго ничтожества свѣта, забудь о своемъ духѣ бессмертномъ, выжми свою душу до послѣдней капли; когда же остроуміе изсякнетъ,—въ Сенѣ довольно воды (очевидно, для того, чтобы утопиться), а въ лавкѣ пороку (чтобы застрѣлиться), да и спутники по путешествію найдутся во всякое время“. Послѣ этого Киркегоръ, впрочемъ, тотчасъ принимаетъ серьезный тонъ и указываетъ своему другу иной, болѣе твердый и спасительный путь—этико-практическій. „Но если ты, говоритъ онъ, этого не можешь и не хочешь, а ты не можешь и не хочешь этого,—тогда собери свои силы, подави всякую мятежную мысль, дерзающую возмущаться противъ всего лучшаго въ твоёмъ существѣ, презирай ничтожество, завидующее въ тебѣ твоимъ умственнымъ дарованіямъ и желающее обладать ими, чтобы злоупотреблять ими еще болѣе, нежели ты, презирай лицемерное благонаравіе, неохотно несущее бремя жизни и все-таки требующее себѣ за то уваженія, но не презирай изъ-за этого самой жизни, уважай каждое добросовѣстное стремленіе, всякую скромную, избѣгающую выставляться на показъ дѣятельность, и прежде всего имѣй побольше уваженія къ женщинѣ; по-

вѣрь мнѣ, что спасеніе все-таки идетъ отъ нея, подобно тому, какъ порча—отъ мужчины. Я семьянинъ и могу быть пристрастнымъ, но все-же убѣжденъ въ томъ, что если женщина и погубила человѣка, за то она также добросовѣстно и честно вознаградила за это, что продолжаетъ и до сихъ поръ; изъ ста мужчинъ, заблудшихъ на свѣтѣ, девяносто девять спасаются женщиной и лишь одинъ непосредственно Высшею милостью“. Последнимъ Киркегоръ сказалъ конечно слишкомъ много, по-просту—„пересолил“. Но какъ на смягчающее вину обстоятельство необходимо указать на то, что онъ, какъ увидимъ ниже, въ семейной жизни и женщинѣ—матери и женѣ—усматриваетъ (и совершенно справедливо) великій нравственный (этический) и спасительный элементъ, а слово—спасеніе—онъ понимаетъ здѣсь лишь въ смыслѣ перехода отъ эстетическаго къ этическому воззрѣнію на жизнь.

Гдѣ-же причина того, что эстетическое воззрѣніе на жизнь, понимаемое въ смыслѣ Киркегора, приводитъ къ меланхоліи и отчаянію? Причина этого заключается, во 1-хъ, въ томъ, что всякій, заявляющій желаніе наслаждаться жизнью, всегда ставитъ условія, находящіяся или внѣ индивидуума, или-же если и заключенныя въ немъ, то все-таки не зависящія отъ него лично; во 2-хъ, въ томъ, что эстетикъ въ своей жизни руководствуется лишь одною *непосредственностью*, онъ живетъ лишь *данной минутой* и потому никогда не можетъ дать даже настоящихъ разъясненій относительно своей жизни, ему не достаетъ двухъ существенныхъ моментовъ этической жизни—абсолютнаго *выбора* и абсолютнаго *отчаянія*,—понятія, на разъясненіи которыхъ намъ придется нѣсколько остановиться. Но не имѣя этихъ двухъ моментовъ, уже по одному этому, каждое эстетическое воззрѣніе на жизнь есть отчаяніе и каждый, живущій эстетически, уже съ самаго начала живетъ въ отчаяніи, все равно сознаетъ онъ это, или не сознаетъ.

Уже Сократъ въ развитіи личности считалъ самопознаніе важнѣйшимъ изъ всѣхъ другихъ моментовъ. Если ты хочешь быть опредѣленною личностію и стать въ правильныя отно-

шенія къ окружающему тебя міру, для тебя необходимо познать другихъ, познать міръ, а еще необходимѣе—познать самого себя. Киркегоръ идетъ далѣе: къ познанію и самопознанію онъ требуетъ еще присоединенія дѣйствія,—внутренній, психическій актъ, который онъ назвалъ *выборомъ*. Не только познай окружающее тебя, но и изъ познаннаго тобою *выбери* „одно изъ двухъ“; не только познай самого себя, но и *выбери* самого себя, для того, чтобы этого избраннаго тобою „самого себя“ осуществлять затѣмъ въ своей дальнѣйшей жизни. Въ этомъ отношеніи „выборъ“ дѣйствительно является основнымъ этическимъ началомъ,—почему онъ и составляетъ лозунгъ всей философіи Киркегора, нервъ его міровоззрѣнія. Безъ выбора, по словамъ Киркегора, я могу пріобрѣсти весь міръ, а душу свою погублю,—какъ погубилъ ее Неронъ, какъ губить всякій, руководящійся лишь однимъ эстетическимъ воззрѣніемъ на жизнь. Что пользы мнѣ изъ того, когда я познаю въ себѣ хорошія и дурныя стороны, а не выберу одной изъ нихъ, чтобы оттолкнуть отъ себя другія? Выборъ есть и у эстетика; но различіе его слишкомъ велико отъ выбора этического. Этический выборъ абсолютенъ—„одно изъ двухъ“; эстетическій выборъ только относителенъ—„или то, или другое“. Эстетикъ выбираетъ только изъ являющагося, этикъ изъ того, изъ чего являющееся происходитъ. Отсюда эстетическій выборъ всегда отличается непосредственностію, онъ есть выборъ минуты, опредѣляется чувствомъ, мимолетнымъ настроеніемъ,—а потому онъ пусть и безсодержателенъ,—*vanitas vanitatum*,—а потому и не можетъ быть названъ выборомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Самое слово выборъ есть выраженіе строго-этическое. Собственно говоря, вездѣ, гдѣ есть дѣйствительный выборъ, тамъ есть и частица этики. Единственно возможный абсолютный выборъ, это выборъ между хорошимъ и дурнымъ,—что уже безусловно относится къ области этики. Выборъ эстетика не есть уже выборъ по одному тому, что онъ отличается непосредственностію и расплывается во множествѣ задачъ. Молодая дѣвушка, напр., слѣдуетъ влеченію своего сердца; хотя ея поступокъ можетъ быть и пре-

краснымъ, его нельзя однако назвать выборомъ, такъ какъ онъ дѣлается непосредственно. Когда человѣкъ обсуждаетъ жизненные задачи исключительно съ эстетической точки зрѣнія, ему не легко остановиться на какомъ нибудь одномъ предметѣ; у него, по обыкновенію, ихъ является цѣлая масса, такъ какъ личная свобода при выборѣ не освѣщается этически и, выбирая не абсолютно, онъ выбираетъ лишь для данной минуты, — въ слѣдующую-же минуту выборъ можетъ остановиться уже на чемъ нибудь иномъ. Эстетикъ можетъ хвататься съ жаромъ за все, что угодно, но, не сдѣлавъ напередъ абсолютнаго выбора, не выбравъ развѣ навсегда „одного изъ двухъ“, не имѣя подъ собою твердой этической почвы, онъ не можетъ остановиться ни на чемъ. „Возьмемъ примѣръ“, пишетъ Киркегоръ своему другу — эстетика. „Имѣя въ виду тебя, прійдется взять смѣлые контрасты, — священникъ, либо актеръ. Тутъ вся твоя энергія пробуждается, и сторукое размышленіе хватается за мысль быть священникомъ. Ты о томъ только и думаешь, не находя покоя ни днемъ, ни ночью; перечитываешь все, что только можешь достать по этому предмету; по воскресеньямъ по три раза ходишь въ церковь, знакомишься со священниками, пишешь проповѣди, читаешь ихъ наединѣ въ слухъ, — на полгода ты умираешь для всего міра. Теперь ты готовъ, можешь говорить съ бѣльшими знаніями и, повидимому, съ бѣльшею опытностію, чѣмъ даже человѣкъ, пробывшій лѣтъ двадцать въ санѣ священника. Сталкиваясь съ послѣдними, ты досадуешь, что они не обладаютъ истиннымъ краснорѣчіемъ. Развѣ это краснорѣчіе, говоришь ты; я хотя и не священникъ, но въ сравненіи съ ними обладаю голосомъ ангела. Можетъ быть это и правда, но не смотря на то, ты не сдѣлался священникомъ. Точно также ты поступаешь и съ другой задачей, при чемъ твое *артистическое* увлеченіе почти превосходитъ прежнее проповѣдническое краснорѣчіе. И вотъ ты готовъ сдѣлать выборъ. Можно быть, однако, увѣреннымъ, что за время этой гигантской, умственной работы у тебя накопилось не мало наблюденій и замѣчаній. Въ минуту выбора вся эта масса приходитъ въ броженіе.

является новое— „то или другое“ — юристъ, а можетъ быть и адвокатъ? Между ними есть что-то общее. И вотъ ты пропалъ! Въ это мгновеніе ты уже настолько адвокатъ въ душѣ, чтобы доказать необходимость предпринять еще третье испытаніе. Такъ проходитъ вся твоя жизнь. Потерявъ полтора года на размышленія, ты, при напряженіи душевной энергіи, дѣйствительно достойномъ удивленія, не подвинулся ни на шагъ впередъ. Нить мыслей прерывается, ты выходишь изъ себя, рвешь и мечешь и продолжаешь: „цирульникъ, либо артельщикъ въ банкѣ, по мнѣ все одно: то-ли, другое-ли!“ Можно-ли послѣ этого удивляться, что послѣднія слова превратились для тебя въ соблазнъ, нелѣпость— въ нѣчто подобное объятіямъ сказочной дѣвы, влекшимъ за собой смертную казнь“. Живя лишь одною непосредственностію, находясь всегда подъ вліяніемъ данной минуты, эстетикъ и всему, предпринимаемому имъ, придаетъ лишь значеніе минуты, все ему кажется случайнымъ, пустымъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Этимъ регулируется и вся его дѣятельность. „Я могу совершить, говорить эстетикъ, то или другое; но что-бы я ни предпринялъ, все равно, путнаго ничего не выйдетъ; ergo — ничего не буду дѣлать“. Въ глазахъ эстетика жизнь не имѣетъ никакого истиннаго глубокаго смысла; она есть маскарадъ, — не больше. Люди живутъ, не зная другъ друга и, не зная, зачѣмъ живутъ. Послѣ этого уже можно понять, какимъ образомъ человѣкъ, живущій исключительно эстетическою жизнію, не достигнувъ абсолютнаго выбора, живетъ въ отчаяніи, меланхоліи. Ибо что такое меланхолія? Въ жизни человѣка наступаетъ минута, когда умъ въ *своей непосредственности*, безъ всякихъ логическихъ доводовъ и умозаключеній, требуетъ высшаго выраженія, гдѣ онъ могъ-бы вылиться какъ *сознаніе*; въ своей непосредственности умъ связываетъ человѣка со всею землею жизнію; теперь онъ хочетъ какъ-бы ориентироваться во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и уяснить себя самаго; личность желаетъ сознать себя въ своемъ вѣчномъ значеніи. Если ей это не удастся, появляется меланхолія. Отсюда въ меланхоліи есть что-то необъяснимое. У кого есть

заботы и горе, тотъ знаетъ, отчего онъ печалень и озабочень. Если-же спросить меланхолика, что гнететъ его, онъ отвѣтитъ: „не знаю“ и отвѣтитъ совершенно правильно, потому что разъ причина дѣлается извѣстною, меланхолія уничтожается, между тѣмъ какъ скорбь отнюдь не проходитъ отъ того, что знаешь ея причину. Меланхолія *instar omnium*— это грѣхъ отсутствія воли хотѣть глубоко и искренно. Для меланхолика нѣтъ абсолютнаго *выбора*, у него нѣтъ разъ на всегда твердо сложившейся рѣшимости на „одно изъ двухъ“, и потому онъ живетъ въ отчаяніи, жизнь его колеблется между энергіей и апатіей. Конечно, отчаяніе отчаянію— рознь. Представимъ себѣ художника, напр., живописца ослѣпшимъ; онъ можетъ, не имѣя въ душѣ ничего болѣе глубокаго, предаться отчаянію; но онъ отчаявается изъ за отдѣльной частности и стоитъ только зрѣнію возвратиться къ нему, отчаяніе прекращается. Совершенно другое дѣло— эстикъ. У него отчаяніе лежитъ въ основѣ всего воззрѣнія на жизнь; а потому и уничтожиться оно можетъ только съ уничтоженіемъ всего этого воззрѣнія.

Уже изъ сказаннаго доселѣ видно, какое важное значеніе въ развитіи личности Киркегоръ приписываетъ абсолютному или этическому выбору. Для него „выборъ“— зерно и корень этической жизни, залогъ счастья человѣка, актъ, дающій смыслъ его жизни и указывающій ему мѣсто среди окружающаго его міра. Впрочемъ, здѣсь необходимо оговориться, что Киркегоровское „одно изъ двухъ“ (выборъ) обозначаетъ главнымъ образомъ не выборъ между дурнымъ и хорошимъ, а самое дѣйствіе выбора, которымъ одно или выбирается или отвергается. Поэтому можно утверждать даже, что при выборѣ непогрѣшимость играетъ не столь важную роль, какъ энергія, строгая обдуманность и настойчивость. Тутъ личность проявляется во всей своей силѣ, почему она и пріобрѣтаетъ подъ собою почву. Если человѣкъ сдѣлалъ даже и неправильный выборъ, — все же, благодаря своей энергіи, онъ прійдетъ къ сознанію своей ошибки. Несомнѣнная искренность выбора облагораживаетъ существо человѣка и ставитъ его въ положительное отношеніе къ жиз-

ни; выборъ сообщаетъ душѣ его свободу, вѣру, торжество надъ окружающимъ, сознание собственнаго достоинства, никогда не покидающія его вполнѣ. Личное я здѣсь не измѣняется въ другое, оно только становится самимъ собою. Какъ наслѣдникъ, имѣющій получить хотя-бы всѣ сокровища міра, не можетъ вступить во владѣніе ими ранѣе совершеннолѣтія, точно также и богато-одаренная личность—ничто, пока она не опредѣлила саму себя; съ другой стороны даже самая, повидимому, бѣдная личность сдѣлала все, если она сдѣлала этотъ выборъ, такъ какъ великое заключается не въ томъ, чтобы быть тѣмъ или другимъ, а въ томъ, чтобы быть самимъ собою; послѣднее-же возможно каждому если только онъ того захочетъ.

Послѣ сказаннаго понятно, отчего выборъ самъ по себѣ имѣетъ рѣшающее значеніе для внутренняго содержанія личности; дѣлая выборъ, она погружается въ выбранномъ, а если нѣтъ выбора, то она чахнетъ и гибнетъ, какъ въ эстетикѣ.

Выборъ есть начало этической жизни; но не онъ дѣлаетъ переходъ отъ эстетическаго воззрѣнія на жизнь къ этическому. Это выпало на долю *отчаянія*, которымъ собственно начинается и самый выборъ. Но здѣсь необходимо нѣсколько условиться относительно того, что, по Киркегору, мы будемъ называть *отчаяніемъ*. Можно различать два рода отчаянія—эстетическое и этическое, абсолютное и конечное. Между ними существуетъ различіе, но не существенное, а относительное. Этикъ только доводитъ до конца отчаяніе, начатое уже серьезнымъ эстетикомъ (напр., въ пессимистическихъ міровоззрѣніяхъ); но произвольно имъ прерванное.—Слово „отчаяніе“ Киркегоръ принимаетъ какъ терминъ, подъ который-бы можно было подвести вмѣстѣ всѣ стороны человѣческой личности: область его мышленія, желанія, дѣйствованія. Въ этомъ смыслѣ отчаяніе близкородственно съ выборомъ; а киркегоровскій выборъ, какъ было сказано, близокъ къ сократовскому самопознанію, самопознанію-же, по Декарту, должно предшествовать сомнѣнію. Такимъ образомъ, отчаяніе, самопознаніе, выборъ, сомнѣніе суть понятія, находящіяся между собою во внутренней связи. Такъ, дѣйстви-

тельно, учить и Киркегоръ. По его опредѣленію, *сомнѣніе есть отчаяніе мысли; отчаяніе есть сомнѣніе личности*; съ другой стороны,—тамъ не можетъ быть выбора, гдѣ предварительно не будетъ сомнѣнія и отчаянія. Отчаяніе само по себѣ есть уже выборъ и отчаяваясь, уже выбираешь, а именно выбираешь самого себя не въ своей непосредственности, не какъ случайнаго индивидуума, но въ своемъ вѣчномъ значеніи. Въ этомъ случаѣ выборъ и отчаяніе суть только двѣ стороны одного и того-же процесса.

Формулируя категорію выбора и уясняя значеніе послѣдняго, Киркегоръ говоритъ: *„выбирая абсолютно, выбираю отчаяніе и въ отчаяніи выбираю абсолютное, такъ какъ и самъ абсолютное, полагаю начало абсолютному и самъ являюсь абсолютнымъ; но, какъ совершенно равносильное этому, я долженъ сказать: выбираю абсолютное, выбирающее меня, полагаю начало абсолютному, полагающему начало мнѣ; если я забуду, что послѣднее выраженіе является столь-же абсолютнымъ, какъ и первое, тогда моя категорія выбора будетъ невѣрной, потому что она именно заключаетъ въ себѣ тождественность обоихъ выраженій. Тому, что я выбираю, я не полагаю начала, такъ какъ не будь ему положено начало, я не могъ-бы выбирать его, и все-таки если-бы я не положилъ ему начала своимъ выборомъ, то я и не выбиралъ-бы его. Оно есть, такъ какъ не будь его, я не могъ-бы выбрать его; его нѣтъ, такъ какъ оно является лишь моимъ выборомъ, иначе выборъ мой былъ-бы иллюзіей“*. Другими словами, сущность ученія Киркегора можетъ быть выражена такимъ образомъ: прежде вступленія на путь этическихъ началъ я отчаяваюсь абсолютно, безотносительно, и отчаяваюсь абсолютно въ самомъ себѣ, но только въ самомъ себѣ, какъ случайномъ, эстетическомъ индивидуумѣ, какъ конечности, какою я былъ самъ-же до момента выбора и какая настолько въ моихъ глазахъ стала неудовлетворительною, что я принужденъ отъ нея отказаться всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ своимъ я, отчаяться абсолютно; выбираю-же я теперь опять таки самого себя, но уже не какъ бонечность, не какъ случайнаго индивидуума, а какъ свое „я“ или свое „самъ“ въ

его вѣчномъ значеніи, какъ нѣчто данное и въ то же время вполне согласное съ идеею моего „я“. Это выбираемое мною мое „самъ“, до сихъ поръ не существовало, потому что то, чѣмъ я былъ, теперь мною отвергнуто, въ немъ я отчаяваюсь абсолютно, прощаюсь съ нимъ навсегда и безповоротно; съ другой стороны, выбираемое мною мое „самъ“, существовало всегда, ибо, выбирая себя, я не становлюсь инымъ „самъ“, я становлюсь только самимъ собою. „Я полагаю начало абсолютному, полагающему начало мнѣ“, т. е., я выбираю себя въ своемъ, вѣчномъ значеніи, я выбираю свое „самъ“, отъ котораго я вышелъ, какъ опредѣленная конкретность; я привелъ себя только къ тому, чѣмъ я являюсь.

Что-же въ этомъ случаѣ нужно разумѣть, по Киркегору, подъ отчаяніемъ? Если абсолютное или этическое отчаяніе состоитъ въ томъ, что я отчаяваюсь въ себѣ, только какъ конечности, какою я былъ до момента выбора, какъ случайномъ индивидуумѣ, сказавшемъ свое „самъ“,—то ясно, что подъ абсолютнымъ отчаяніемъ слѣдуетъ разумѣть самое глубокое, самое искреннѣйшее, однимъ словомъ, абсолютное *раскаяніе*. Что раскаяніе есть этическій (нравственный) моментъ въ развитіи личности,—объ этомъ едва-ли нужно и говорить; что оно должно предшествовать выбору,—это также понятно само собою.

Не легко придти къ личному и относительному раскаянію; абсолютное-же раскаяніе, раскаяніе не въ человѣкѣ только, а въ человечествѣ вообще, *какимъ оно является*,—дѣло въ высшей степени трудное. Раскаяніе это должно быть обращено къ прошлому не только собственному, но и прошлому семьи, рода, пока человѣкъ, дойдя до Бога, не найдетъ себя самого. Что человѣкъ безъ любви? но есть много родовъ любви: отца любишь иначе, чѣмъ мать, жену опять иначе, и каждая любовь имѣетъ свое особенное выраженіе. Есть еще любовь, какою любишь Бога, и для нея на языкѣ нашемъ только одно выраженіе—*раскаяніе*. Не любя Бога такимъ образомъ, не любишь Его абсолютно, всею душою. Если бы не было другихъ причинъ, по которымъ выраженіемъ моей любви къ Богу должно служить раскаяніе, остается все-та-

ки одна,—что Онъ любилъ меня раньше, чѣмъ полюбилъ Его я. Нельзя не отмѣтить здѣсь того, что только въ христіанствѣ раскаяніе нашло свое истинное выраженіе, а потому только на почвѣ христіанства возможна и истинно-этическая жизнь. „Богобоязненный еврей, говоритъ Киркегоръ, чувствовалъ на себѣ тяжесть грѣховъ предковъ, но все-таки не такъ глубоко, какъ христіанинъ; еврей не могъ въ нихъ раскаиваться, потому что не могъ выбрать себя самого абсолютно; (такъ какъ не могъ найти самого себя въ абсолютномъ) грѣхи отцовъ давили его, подъ гнетомъ этого бремени онъ изнемогалъ, но былъ не въ силахъ нести его, что можетъ лишь тотъ, кто абсолютно выбираетъ себя самого помощью раскаянія“...

Итакъ, отчаяніе и выборъ суть тѣ акты, которые полагаютъ начало жизни на этическихъ основахъ. Первая форма, къ которой приводитъ человѣка выборъ, это—*полнѣйшее отчужденіе отъ себя*. Выбирая себя самого, говоритъ Киркегоръ, я выдѣляю себя изъ моихъ отношеній ко всему міру, пока этимъ выдѣленіемъ не приду къ абстрактной тождественности. Это возрѣніе выразилось въ древней Греціи въ стремленіи отдѣльнаго индивидуума выработать изъ себя образецъ добродѣтели. Подобно анахоретамъ христіанства, человѣкъ удалялся тамъ отъ участія въ дѣлахъ жизни не ради того, чтобы погружаться въ метафизическія мудрствованія, а чтобы дѣйствовать—не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ мірѣ своей души. Въ христіанскомъ мірѣ часто повторялось и повторяется это возрѣніе, но только, благодаря примѣси мистическаго и религіознаго элементовъ, оно является здѣсь болѣе возвышеннымъ и полнымъ. Впрочемъ, такъ какъ выборъ есть актъ не внѣшній, а внутренній, то внѣшнее отчужденіе себя отъ общества и государственной жизни не составляетъ существеннаго момента въ развитіи личности на этическихъ началахъ.

Гораздо болѣе существеннымъ признакомъ этической жизни является *сознаніе долга*. Но понятіе долга опредѣляется двояко—эстетически и этически. Когда долгъ опредѣляется какъ многообразіе отдѣльныхъ положеній или обязанностей,

и индивидуумъ ставится во внѣшнія отношенія къ долгу,— это опредѣленіе долга не этическое, а эстетическое. Въ подобной жизни долга, конечно, очень мало красоты и очень много скуки; если-бы этическое сознаніе долга не находилось въ гораздо болѣе глубокой связи съ личностію, то его весьма трудно было-бы отстаивать противъ эстетическаго. „Страшно видѣть, говоритъ Киркегоръ, что со словомъ „долгъ“ могутъ связывать понятіе о внѣшнихъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ самое происхожденіе слова указываетъ наоборотъ на внутреннія отношенія. То, что обязуетъ меня не въ качествѣ случайнаго индивидуума, а согласно съ моимъ истиннымъ существомъ, должно-же находиться въ тѣснѣйшей связи и съ моею личностію. Долгъ вѣдь не налагается, а налагаетъ. Когда человѣкъ смотритъ на долгъ именно такимъ образомъ,—онъ обнаруживаетъ этимъ, что ему удалось вполне уяснить себя самого. Тогда долгъ не раздробляется для него во многообразіи отдѣльныхъ опредѣленій,—что всегда служитъ признакомъ внѣшнихъ отношеній къ долгу. Человѣкъ облекся въ долгъ, служащій теперь выраженіемъ самаго глубокаго въ его существѣ. Уяснивъ себя такимъ образомъ, онъ углубляется въ этическое, и не наживаетъ себѣ одышки, гоняясь за исполненіемъ своихъ обязанностей. Истинно этической индивидуумъ обладаетъ поэтому спокойствіемъ и увѣренностію въ себѣ, такъ какъ онъ видитъ долгъ не внѣ себя, а въ самомъ себѣ“. Итакъ, долгъ есть дѣйствительно существенный элементъ этической жизни, но только въ томъ случаѣ, когда его понимаютъ не въ смыслѣ многочисленности и многообразія отдѣльныхъ положеній, правилъ, однимъ словомъ—внѣшнихъ обязанностей, а какъ внутреннее сознаніе долга, внутреннюю сосредоточенность человѣка на своихъ обязанностяхъ, съ которыми неразрывно соединена его собственная личность, его собственное „я“.

Отъ понятія о долгѣ весьма естественно перейти къ ученію о *трудѣ*. Трудъ не всѣмъ бываетъ пріятенъ; но его особенно не долюбиваютъ люди, живущіе эстетически, какъ не любятъ они вообще и всего этическаго возрѣнія на жизнь. Жизнь, говорятъ они, теряетъ свою красоту вездѣ,

гдѣ только этика заявляетъ свои требованія. Въмѣсто сопровождающихъ жизнь при эстетическомъ на нее возрѣніи—радости, счастья, безопасности, красоты,—получается обязательная дѣятельность, похвальная добросовѣстность, непрерывное и неустанное усердіе. Киркегоръ опровергаетъ это возраженіе эстетиковъ какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. Онъ рассматриваетъ самое понятіе красоты и прекраснаго, какъ опредѣляютъ его эстетики, и приходитъ къ заключенію, что, смотря на жизнь съ точки зрѣнія этики, мы смотримъ на нее именно согласно ея красотѣ. Весьма интересно сужденіе Киркегора о вышеприведенномъ возраженіи эстетиковъ съ практической или житейской стороны. „Взглянемъ теперь поближе, говоритъ Киркегоръ, на нѣкоторыя житейскія отношенія, особенно на тѣ изъ нихъ, гдѣ сходятся эстетическое съ этическимъ, чтобы обсудить, насколько этическое возрѣніе лишаетъ насъ какой либо красоты, или не придаетъ-ли оно скорѣе всему высшую красоту. Беру для примѣра перваго встрѣчнаго индивидуума; съ одной стороны онъ похожъ на большинство, съ другой конкретенъ въ самомъ себѣ. Посмотримъ на дѣло совершенно прозаично. Человѣкъ этотъ долженъ ѣсть, одѣваться, однимъ словомъ жить. Можетъ быть, онъ обратится къ эстетикѣ, чтобы узнать, какъ ему устроиться въ жизни. Тотъ не оставитъ его безъ свѣдѣній и пожалуй скажетъ ему: „Одинокому человѣку, чтобы жить удобно, нужно 3000 въ годъ; если имѣется 4000, проживешь и ихъ; пожелаешь жениться,—нужно располагать по меньшей мѣрѣ 6000. Деньги есть и будутъ *pervus verum gerendarum*, (по истинѣ первомъ жизни) настоящее *conditio sine qua non*. Нѣтъ сомнѣній, прекрасно читать, когда воспѣваютъ деревенскую умѣренность, идиллическую скромность, и я самъ охотно читаю подобную поэзію, но самый-то этотъ образъ жизни скоро-бы надоѣлъ, да и тѣ, которые ведутъ его, и на половину не пользуются благами міра сравнительно съ тѣми, у кого есть деньги, кто можетъ преспокойно сидѣть у себя дома и читать произведенія поэта. Деньги есть и будутъ главнымъ условіемъ для жизни. Когда не имѣешь денегъ, навсегда исключаяешься изъ числа

патриціевъ, навсегда остаешься плебеемъ. Итакъ, въ деньгахъ—условіе, но изъ этого все еще не слѣдуетъ, что каждый, у кого опѣ есть, съумѣетъ ими пользоваться. Кто же обладаетъ этимъ умѣньемъ, тотъ среди патриціевъ является истымъ оптиматомъ“. Это объясненіе, говоритъ Киркегоръ далѣе, очевидно не годилось для нашего героя, вся эта житейская мудрость совершенно его не затронула и онъ долженъ былъ почувствовать себя подобно воронѣ, которой предложили щеголять въ павлиньихъ перьяхъ. Скажи онъ напр. эстетика: „все это прекрасно, но у меня нѣтъ ни 3000, ни 6000, у меня нѣтъ ни капитала, ни движимости, у меня вообще ничего нѣтъ, даже и крѣпкихъ сапогъ на ногахъ“,—тотъ вѣроятно пожалъ-бы плечами и сказалъ-бы: „ну, это иное дѣло, тогда вамъ не остается ничего другаго, какъ идти въ рабочій домъ“. Будь у нашего эстетика очень добрая душа, онъ, можетъ быть, еще разъ позоветъ къ себѣ этого бѣднягу и скажетъ ему: „не хочу доводить васъ до отчаянія, не рискнувъ на крайнія средства: есть нѣсколько такихъ средствъ, которыми не слѣдуетъ пренебрегать прежде, нежели навсегда распрощаешься съ радостью, дашь обѣтъ и надѣнешь смиренную рубашку. Женитесь на богатой, попытайте счастья въ лотерею, уѣзжайте въ колоніи, потратьте нѣсколько лѣтъ, чтобы нажить деньги, постарайтесь попасть въ милость къ старому холостяку и сдѣлаться его наследникомъ: Теперь дороги наши покуда расходятся, но добудете денегъ и вы всегда найдете во мнѣ друга, который съумѣетъ забыть о томъ времени, когда у васъ ихъ не было“. Какое однако-же ужасное бездушіе,—справедливо замѣчаетъ Киркегоръ,—въ подобномъ возрѣніи на жизнь,—такъ хладнокровно убивающемъ радость въ жизни для cadaго, у кого нѣтъ денегъ! Но такъ вѣдь именно и поступаетъ этотъ человекъ денегъ; по его по крайней мѣрѣ мнѣнію, безъ денегъ нѣтъ радостей въ жизни“.

Допустимъ, что выведенный Киркегоромъ бѣднякъ не удовлетворился наставленіями эстетика, которая не всегда удобно и не всегда возможно осуществить въ дѣйствительности, или противъ которыхъ возстали умъ и совѣсть этого бѣдня-

ка. Допустимъ, что отъ эстетика онъ обратился къ этику и послушаемъ теперь, что сказалъ-бы ему послѣдній. Отвѣтъ его былъ-бы слѣдующій: „долгъ cadaго человѣка—заработать свой хлѣбъ“. Если-бы эти слова пришлось услышать эстетика, тотъ навѣрно сказалъ-бы: „старая исторія! долгъ и долгъ, вездѣ долгъ... возможно-ли представить себѣ что-либо скучнѣе этого съезживанія, которое все подавляетъ и урѣзываетъ!“ Киркегоръ, имѣя въ виду это возраженіе, раскрываетъ передъ нами весь смыслъ и значеніе „долга трудиться“, „долга зарабатывать свой хлѣбъ“. „Вопросъ о томъ, можно-ли представить себѣ міръ, гдѣ люди были-бы избавлены отъ необходимости зарабатывать свой хлѣбъ,—говоритъ онъ,—вопросъ въ сущности праздный, такъ какъ онъ не касается данной дѣйствительности, а воображаемой. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ является попыткой умалить значеніе этического возрѣнія. Если-бы въ отсутствіи необходимости труда выражалось совершенство жизни, тогда наиболѣе совершенной была-бы жизнь того, кто былъ бы избавленъ отъ этой необходимости. Въ этомъ смыслѣ можно было-бы говорить о долгѣ трудиться лишь тогда, когда подъ нимъ подразумѣвалась-бы одна печальная необходимость. Тогда долгъ выражалъ-бы собою не общечеловѣческое, а обыденное, и не могъ-бы обозначать собою совершенное. На это, говоритъ Киркегоръ, я могъ-бы возразить положительно, что отсутствіе для человѣка необходимости трудиться въ жизни слѣдуетъ считать ея несовершенствомъ. Чѣмъ ниже ступень развитія человѣческой жизни, тѣмъ менѣе является необходимость трудиться, чѣмъ выше эта ступень, тѣмъ рѣзче выступаетъ и необходимость. Долгъ трудиться, чтобы жить, служить выраженіемъ общечеловѣческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ смыслѣ—свободы. Именно трудясь, человѣкъ освобождается,—трудясь, становится властителемъ природы,—трудясь, показываетъ, что онъ выше природы. Развѣ жизнь должна терять свою красоту изъ-за того, что человѣкъ поставленъ въ необходимость зарабатывать свой хлѣбъ? Здѣсь у насъ опять является старый вопросъ и для его рѣшенія нужно сперва выяснить, что слѣдуетъ разумѣть

подъ красотою. Прекрасно видѣть, какъ лиліи въ полѣ хотя и не трудятся, и не прядутъ, но такъ одѣты, что даже Соломонъ во всемъ своемъ блескѣ не могъ сравниться съ ними; прекрасно видѣть, какъ птицы беззаботно находятъ свой кормъ; прекрасно видѣть Адама и Еву въ раю, гдѣ имъ дается все, на что только они ни укажутъ; но еще прекраснѣе видѣть, какъ человѣкъ своимъ трудомъ добываетъ все необходимое. Прекрасно видѣть, какъ Провидѣніе все насыщаетъ и обо всемъ заботится, но еще прекраснѣе видѣть, когда человѣкъ является какъ-бы собственнымъ Провидѣніемъ. Тѣмъ человѣкъ и великъ, тѣмъ онъ и возвышается надъ всѣмъ твореніемъ, что онъ можетъ самъ себя обезпечить. Прекрасно видѣть человѣка, имѣющаго избытокъ отъ собственныхъ трудовъ, но болѣе удивленія достоинъ тотъ человѣкъ, для котораго малое превращается во многое. То, что человѣкъ *можетъ* работать, приближаетъ его къ совершенству, но еще болѣе высокое выраженіе этого совершенства заключается въ томъ, что человѣкъ *долженъ* работать. Если герой нашъ (вышеуказанный бѣднякъ) усвоитъ это воззрѣніе, у него не явится посползновенія желать себѣ богатства, свалившагося съ неба; онъ не будетъ заблуждаться относительно истиннаго значенія жизни, онъ пойметъ, какъ прекрасно трудиться, чтобы жить, онъ увидитъ въ томъ свое человѣческое достоинство, такъ какъ для растенія нѣтъ превосходства въ томъ, что оно не прядетъ, но его несовершенство въ томъ, что оно этого не можетъ. Онъ не будетъ искать дружбы вышеупомянутаго богатаго эстетика. Онъ трезво будетъ смотрѣть на то, въ чемъ именно заключается великое, и не дастъ запугать себя людямъ денегъ“.

Не только заурядные, но и лучшіе изъ эстетическихъ моралистовъ смотрятъ на трудъ ради пропитанія, какъ на трудъ черный, убивающій въ человѣкѣ стремленіе къ идеальному и возвышенному, трудъ мелочной, гнетущій, неблагодарный. Нерѣдко отъ такихъ людей приходится слышать: „пусть только Богъ избавитъ насъ отъ заботы о хлѣбѣ; нѣтъ ничего, что до такой степени душило-бы въ человѣкѣ всѣ высшія стремленія“. Въ противоположность этому Киркегоръ

показываетъ намъ, какое прекрасное, воспитывающее и облагораживающее значеніе принадлежитъ труду ради пропитанія. „Подобныя отзывы, говоритъ онъ, часто наводили меня на мысль, подтверждаемую и наблюденіями надъ собственною жизнію, что нѣтъ ничего болѣе лживаго, какъ человѣческое сердце. Хотятъ обладать мужествомъ, идущимъ на самую опасную борьбу, какая предстоитъ при высшихъ стремленіяхъ, но съ заботою о хлѣбѣ не хотятъ мириться и въ тоже время желаютъ, чтобы побѣда въ первой борьбѣ считалась болѣе великою, нежели въ послѣдней. Все это очень не трудно, — выбираютъ борьбу въ сущности болѣе легкую, и только въ глазахъ толпы, болѣе опасную; принимаютъ кажущееся за истинное, побѣждаютъ, — и вотъ они герои, герои совсѣмъ другого рода сравнительно съ тѣмъ, если-бы они побѣждали въ той, иной, ничтожной, по ихъ мнѣнію, недостойной человѣка борьбѣ. Да, если кромѣ заботы о хлѣбѣ придется еще бороться съ подобнымъ скрытымъ въ самомъ себѣ врагомъ, то нечего удивляться, что хотятъ избавиться себя отъ этой борьбы. Но кто желаетъ отнестись къ самому себѣ честно, тотъ долженъ, по крайней мѣрѣ признать за причину, заставляющую вообще избѣгать борьбы для насущнаго хлѣба, то, что она гораздо тяжелѣе всякаго другаго искушенія; но разъ это такъ, тогда и побѣда гораздо прекраснѣе. Не испытавъ сами этой борьбы, мы обязаны передъ каждымъ, ведущимъ ее сознаться, что его борьба самая опасная, мы обязаны дать ему это удовлетвореніе. Если человѣкъ будетъ считать заботу о хлѣбѣ борьбою чести, даже въ болѣе строгомъ смыслѣ сравнительно со всякою другою борьбою, уже это одно значительно подвинетъ его впередъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, главное въ томъ, чтобы стать въ вѣрное положеніе, не терять времени на тщетныя желанія, но уяснить себѣ свою задачу. Если задача эта, повидимому, и мелочна, неприглядна, незначительна, если она и можетъ, повидимому, заставить человѣка падать духомъ, то нужно знать, что это, затрудняя борьбу, лишь возвышаетъ красоту побѣды. Есть люди, которыхъ украшаетъ орденъ, и есть люди, которые украшаютъ орденъ;

пусть примѣнить это къ себѣ каждый, кто, чувствуя силы и желаніе испытать себя въ великой, славной борьбѣ, принужденъ довольствоваться самою незавидною борьбою, борьбою за пропитаніе“. Великое, воспитательное и облагораживающее значеніе труда ради пропитанія Киркегоръ видитъ въ томъ, что трудъ этотъ исключаетъ всякіе эгоистическіе мотивы и основывается исключительно на мотивахъ чести, любви къ ближнему (дѣтямъ и роднымъ конечно прежде всего) и сознаніи собственнаго достоинства. „Въ томъ-то и заключается высоко-воспитательное значеніе борьбы за пропитаніе, говоритъ онъ, что награда здѣсь непомѣрно мала, или—вѣрнѣе—ея нѣтъ вовсе; такъ какъ человѣкъ борется здѣсь лишь для того, чтобы имѣть возможность продолжать ту же борьбу. Чѣмъ выше награда борьбы, чѣмъ болѣе она лежитъ внѣ человѣка, тѣмъ болѣе онъ можетъ рассчитывать на силу всѣхъ волнующихъ cadaго борца страстей. Честолюбіе, тщеславіе, гордость—вотъ силы, обладающія громадною упругостью и могущія далеко подвинуть человѣка. Но кто борется съ заботою о хлѣбѣ, тотъ скоро увидитъ, что эти страсти скоро измѣнятъ ему; гдѣ ему ожидать, чтобы подобная борьба могла интересовать другихъ или возбуждать ихъ удивленіе? Не имѣй онъ другихъ силъ, онъ обезоруженъ. Награда ничтожна: проработавъ, измалвшись, измучившись, онъ достигъ, можетъ быть, необходимаго—поддержалъ свое существованіе, чтобы вновь продолжать маяться и изнывать. Вотъ почему заботы о хлѣбѣ такъ воспитываютъ и облагораживаютъ, — онѣ не допускаютъ въ человѣкѣ самообольщенія. Если онъ не видитъ въ той борьбѣ ничего высшаго, тогда она ничтожна, и онъ въ правѣ сказать, что безотрадно бороться для того, чтобы въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой. Но потому-то эта борьба такъ и облагораживаетъ, что принуждаетъ человѣка видѣть въ ней нѣчто другое, принуждаетъ его, если только онъ не захочетъ убитъ въ себѣ все лучшее, смотрѣть на нее, какъ на борьбу чести: насколько награда здѣсь меньше, настолько честь выше. Хотя человѣкъ и борется тутъ изъ-за пропитанія, тѣмъ не менѣе прежде всего онъ борется изъ-за того, чтобы обрѣсти

себя самого... Онъ ведетъ слѣдовательно двойную борьбу; потерявъ въ одной, онъ въ тоже время можетъ выйти побѣдителемъ изъ другой. Если даже представить себѣ почти невозможное, — что всѣ его попытки найти себѣ пропитаніе оказались тщетными, тогда конечно онъ проигралъ, но въ то же время онъ, можетъ быть, одержалъ прекраснѣйшую изъ побѣдъ. Вотъ куда устремить онъ свой взоръ, а не на награду, которой онъ лишился, такъ какъ она была для него слишкомъ ничтожна. Кто имѣетъ въ виду награду, тотъ забываетъ о другой борьбѣ; если онъ не достигнетъ награды, онъ теряетъ все, а если и достигнетъ ея, всегда останется для него сомнительнымъ, какимъ путемъ онъ достигъ ея. Какая-же другая борьба имѣетъ столь воспитывающее вліяніе, какъ не борьба съ заботами о хлѣбѣ!“

Борьба эта и сама по себѣ слишкомъ не легка. Всея трудности этой борьбы можетъ не видѣть лишь тотъ, кто самъ не велъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно дѣтскаго простодушія, чтобы сумѣть смотрѣть иногда почти съ улыбкой на всѣ земные труды и невзгоды, съ которыми человѣкъ долженъ бороться, чтобы жить! Сколько нужно смиренія, чтобы довольствоваться малымъ, добываемымъ съ такимъ трудомъ! Сколько нужно вѣры, чтобы видѣть руку Провидѣнія и въ такой жизни! Легко сказать, что величіе Бога особенно проявляется въ маломъ, но чтобы видѣть это, нужно имѣть великую вѣру. Сколько нужно любви къ людямъ, чтобы, борясь съ заботами, сумѣть еще радоваться съ счастливыми и поддерживать тѣхъ, условія жизни которыхъ столь-же неприглядны, какъ и наши собственныя! Какое нужно при этомъ искреннее и глубокое сознаніе, что исполняешь все отъ тебя зависящее! Сколько нужно настойчивости, предусмотрительности, — такъ какъ — гдѣ-же другой врагъ, который былъ-бы настолько лукавымъ, какъ эта забота? Отъ него не избавиться нѣсколькими смѣлыми движеніями, его не запугаешь никакимъ трескомъ и шумомъ. Сколько нужно изящества и достоинства, чтобы уклоняться отъ нападеній врага и въ тоже время не бѣжать отъ него! Какъ часто приходится мѣнять оружіе, то работая, то выжидая, то вызы-

вая, то умоляя! Съ какою готовностью, ловкостью и изворотливостію придется мѣнять оружіе, такъ какъ иначе врагъ побѣдилъ-бы! А между тѣмъ время все идетъ и этому человѣку не удастся видѣть осуществленія своихъ прекрасныхъ надеждъ, исполненія желаній своей юности. Онъ, говоритъ Киркегоръ, видитъ другихъ, которые достигаютъ этого. Они собираютъ вокругъ себя толпу, пожинаютъ ея рукоплесканія, радуются ея восторгу, а онъ стоитъ одинокимъ артистомъ на подмосткахъ жизни, у него нѣтъ зрителей; людямъ некогда смотрѣть на него,—некогда,—и не мудрено,—на это нужно время, его представленіе не получасовой фарсъ, искусство его высшаго рода и понять такое искусство не по плечу даже образованной публикѣ. Да онъ за этимъ и не гонится...

Послѣ сказаннаго, ясно, что при такомъ взглядѣ на трудъ даже ради пропитанія, жизнь не только не теряетъ своей красоты, а напротивъ, получаетъ свой опредѣленный смыслъ, достигаетъ своего совершенства. Для этика трудъ является уже не *dura necessitas* (суровая необходимость), а какъ средство къ достиженію совершенства и уразумѣнію красоты жизни, однимъ словомъ, является *трудомъ*, а не *порабощеніемъ*.

Теперь, спрашивается, чѣмъ нужно руководствоваться въ выборѣ труда? За рѣшеніемъ этого вопроса Киркегоръ отправляетъ своего героя, выведеннаго имъ на сцену, сначала къ эстетикѣ, но не къ прежнему, доказывавшему необходимость трехъ тысячъ, а къ другому, болѣе гуманному. Эстетикъ этотъ, можетъ быть, также сумѣетъ сказать ему кое-что о значеніи труда,—безъ труда вѣдь жизнь становится наконецъ скучною. Онъ скажетъ ему именно слѣдующее: „Человѣкъ долженъ, разумѣется, трудиться; но трудъ его не долженъ быть однако *трудомъ* въ строгомъ смыслѣ; надо, чтобы его всегда можно было опредѣлить какъ удовольствіе. Отыщи въ себѣ какой-нибудь *аристократическій талантъ*, отличающій тебя отъ толпы. Съ этимъ талантомъ нужно обращаться не легкомысленно, иначе онъ скоро надоѣстъ, но со всею возможною эстетическою серьезностію. Жизнь получитъ тогда для тебя новое значеніе; у тебя будетъ уже свой

трудъ,—трудъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и удовольствіе. Благодаря своей независимости, ты заботливо лелѣешь свой талантъ, чтобы онъ, огражденный отъ грубаго прикосновенія жизни, могъ разцвѣсть во всей своей пышности; тебѣ и въ голову, конечно, не приходитъ превращать его въ доску, спасающую человѣка въ буряхъ житейскаго моря, но въ крыло, которое поднимаетъ тебя высоко надъ міромъ, ты превращаешь его не въ рабочую клячу, но въ кровнаго скакуна“. Какъ ни заманчивъ этотъ совѣтъ эстетика, но онъ годенъ не для всякаго. Не всякій имѣетъ такой аристократическій талантъ и такую независимость, какихъ требуетъ эстетикъ.

Послушаемъ теперь, какъ рѣшаетъ тотъ-же самый вопросъ этикъ, подъ которымъ, конечно, должно разумѣть самого Киркегора. Рѣчь этика коротка: „долгъ каждаго имѣть *призваніе*“. Болѣе этикъ не можетъ ничего прибавить, такъ какъ само по себѣ этическое всегда абстрактно, абстрактнаго же призванія для всѣхъ людей не существуетъ; напротивъ, этикъ предполагаетъ, что у каждаго человѣка должно быть свое особое призваніе. Какое именно призваніе выбрать человѣку, этого не можетъ сказать ему этикъ; для этого послѣднему потребовалось-бы обстоятельно знать эстетическую сторону личности того человѣка; но если-бы даже этикъ и обладалъ подобнымъ знаніемъ, онъ все-таки никогда не рѣшился-бы сдѣлать выборъ за другаго, такъ какъ этимъ онъ отрекся-бы отъ собственнаго воззрѣнія на жизнь. Этикъ можетъ научить только тому, что для каждаго человѣка есть призваніе, и если призваніе найдено—выбрать его этически. Все, что было говорено эстетикомъ относительно аристократическихъ талантовъ, есть не болѣе, какъ сбивчивая и скептическая рѣчь о томъ-же, чему даетъ объясненіе этикъ. Жизненные воззрѣнія эстетика всегда основаны на различіяхъ: у нѣкоторыхъ есть талантъ, у другихъ—нѣтъ, а между тѣмъ единственно что ихъ отличаетъ, это большее или меньшее обладаніе, т. е., количественное опредѣленіе. Воззрѣніе эстетиковъ вносятъ въ жизнь разладъ, устранить который они не въ состояніи, вооружаясь противъ него однимъ легкомы-

сліемъ и безсердечіемъ. Этикъ же примиряетъ человѣка съ жизнію, говоря: у каждаго человѣка есть призваніе. Онъ не уничтожаетъ различій, но говоритъ: во всѣхъ различіяхъ остается общее, что и является призваніемъ. Даже самый колоссальный талантъ есть призваніе и, обладающій имъ индивидуумъ, не можетъ терять изъ виду дѣйствительности, не можетъ стоять внѣ общечеловѣческаго, такъ какъ талантъ его—призваніе. Самый незначительный индивидуумъ имѣетъ призваніе, его нельзя изгнать изъ общества, нельзя предоставить ему дѣлить участь животныхъ, онъ не стоитъ внѣ общечеловѣческаго, онъ имѣетъ свое призваніе.

Весьма важное значеніе въ жизни съ этической точки зрѣнія Киркегоръ придаетъ *семейной жизни, браку*. Себя самого онъ чаще всего любитъ называть *селяниномъ* и даже гордится этимъ названіемъ. О бракѣ онъ написалъ даже отдѣльное сочиненіе, но касается этого вопроса и въ своемъ письмѣ къ эстетіку объ эстетическихъ и этическихъ началахъ въ развитіи личности. По его основному воззрѣнію, бракъ, именно благодаря своему этическому характеру, и является эстетическимъ выраженіемъ любви. Всякое, другое выраженіе любви между мужчиной и женщиной внѣ этической области, будетъ грязнымъ и гадкимъ. По ученію этика, долгъ каждаго человѣка—жениться; правда, тотъ, кто не женится, еще не совершаетъ грѣха, если только самъ тому не препятствуетъ; въ противномъ-же случаѣ, человѣкъ грѣшитъ противъ общечеловѣческаго, поставленнаго каждому задачей для осуществленія, такъ какъ женившійся осуществляетъ общее. Указавъ человѣку на необходимость и важное значеніе семейной жизни, этикъ далѣе не можетъ вести его, потому что этическое, какъ уже сказано выше, всегда абстрактно и можетъ указывать лишь одно общее. Такъ напр., этикъ, конечно, не можетъ сказать человѣку, на комъ онъ долженъ жениться. Для этого, какъ и для отысканія призванія, необходимо подробное знаніе эстетической стороны его личности, которымъ этикъ не обладаетъ,—впрочемъ, если-бы даже онъ и обладалъ имъ, онъ все-таки остерегался-бы уничтожить собственную теорію, принявъ на се-

бя выборъ за другаго. Когда-же человекъ самъ совершитъ свой выборъ, тогда этическое подтверждаетъ послѣдній и даетъ высшее выраженіе любви...

Различіе между эстетическимъ и этическимъ воззрѣніями на жизнь здѣсь состоитъ въ томъ, что первое имѣетъ въ виду главнымъ образомъ любовь и влюбленныхъ, послѣднее—бракъ и брачную чету. Эстетикъ, правда, можетъ также посоветовать жениться, но только на какой нибудь нимфѣ, дѣвушкѣ необыкновенной красоты и совершенствъ, этикъ указываетъ на дѣвушку обыкновенную, одну изъ многихъ.

Не менѣе важный, этическій моментъ проявляется еще въ *дружбѣ*. По воззрѣнію эстетика, дружба—взоръ, ибо идеальной дружбы (дружба интеллектуальная, прекрасное въ духовной любви, совмѣстное стремленіе къ идеѣ) достигнуть не возможно; а дружба практическая, этотъ „излишній предметъ роскоши“, болѣе существуетъ на словахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, и всегда основывается на смутныхъ чувствахъ и необъяснимыхъ симпатіяхъ. Совершенно иной характеръ дружбы указываетъ намъ Киркегоръ съ этической точки зрѣнія. По ученію Киркегора, абсолютное условіе дружбы—единство воззрѣній на жизнь. Гдѣ существуетъ такое единство, тамъ не ощущается потребности основывать дружбу на смутныхъ чувствахъ и необъяснимыхъ симпатіяхъ. Тогда не приходится переживать тѣхъ нелѣпыхъ переменъ, вслѣдствіе которыхъ сегодня другъ есть, а завтра его нѣтъ. Истинная дружба всегда должна быть сознательна, почему она и требуетъ не отрицательнаго, а положительнаго воззрѣнія на жизнь. Но положительное воззрѣніе на жизнь немыслимо безъ этического момента. Часто встрѣчаешь въ наше время людей, имѣющихъ систему, изъ которой совершенно исключается этическое. Но пусть будетъ у нихъ хотя десять такихъ системъ, говоритъ Киркегоръ,—воззрѣнія на жизнь у нихъ все-таки не будетъ. Такое явленіе легко объяснимо въ наше время, когда понятія вообще такъ запутаны, что человекъ посвящаютъ въ великія тайны жизни прежде чѣмъ въ малыя. Итакъ, этическій моментъ въ воззрѣніяхъ на жизнь является исходною точкою для дружбы и только съ этой точки зрѣнія дружба

получаетъ значеніе и красоту. Останавливаясь на симпатіи, какъ на необъяснимомъ, дружба найдетъ для себя самое полное выраженіе — въ отношеніяхъ, наблюдаемыхъ среди горлицъ, привязанность между которыми настолько сильна, что смерть одной изъ нихъ неизбѣжно ведетъ за собою смерть другой. Подобныя отношенія прекрасны въ природѣ, но не въ духовномъ мірѣ. Дружба опредѣляется единствомъ воззрѣнія на жизнь. Гдѣ существуетъ такое единство, дружба не прекращается даже смертью друга: похищенный смертью другъ, продолжаетъ жить въ другомъ; когда же единство воззрѣній нарушается, тогда прекращается и дружба, хотя другъ и продолжаетъ жить.

Таково въ общихъ чертахъ представленное нами содержаніе разсужденій Киркегора объ эстетическихъ и этическихъ началахъ въ развитіи личности, которое составляетъ только отрывокъ изъ капитальнаго сочиненія этого датскаго философа — „Одно изъ двухъ“. Изъ сказаннаго уже можно усмотрѣть, въ чемъ въ сущности состоятъ воззрѣнія Киркегора на жизнь. Правда, Киркегоръ не создалъ какой—либо новой философской системы, міровоззрѣніе его не отличается ни новизною, ни оригинальностію. Вся заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ уяснилъ понятія, существовавшія всегда, раскрылъ ихъ смыслъ и все ихъ значеніе, вслѣдствіе чего онѣ являются для насъ въ новомъ свѣтѣ и мы радостно встрѣчаемъ ихъ, какъ своихъ старыхъ друзей, фізіономію которыхъ мы почти забыли и которыхъ мы сами едва-ли узнали-бы. Неотъемлемое свойство разсужденій Киркегора составляютъ здравомысліе и благоразуміе, — свойства весьма рѣдкія въ міровоззрѣніяхъ мыслителей послѣдняго времени. Киркегоръ смотритъ на жизнь прямо, безъ всякой задней мысли, безъ всякой предвзятой тенденціи. Глубокій смыслъ жизни онъ видитъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всей дѣятельности человѣка. Эстетическаго элемента онъ не отрицаетъ ни въ мірѣ, ни въ человѣческой жизни; но онъ врагъ односторонняго, узкаго, тенденціознаго воззрѣнія на

жизнь, въ его глазахъ не имѣеть никакого смысла только эстетическое воззрѣніе на жизнь, которое устраняетъ значеніе для жизни и развитія личности элементовъ этическихъ. На міровоззрѣніе Киркегора нужно смотрѣть, какъ на здраво-мысленный и разумный протестъ противъ тѣхъ сбивчивыхъ, спутанныхъ, неясныхъ и одностороннихъ ученій о мотивахъ дѣятельности человѣка, которые начали появляться еще во времена Киркегора, и не потеряли своего господства надъ умами легкомысленныхъ людей нашего времени. Ложная философія новаго времени на своемъ пути отъ гегельянства къ нигилизму дѣйствительно причинила много зла развитію человѣчества искаженіемъ началъ общественной жизни, она перепутала и затемнила понятія до неузнаваемости, она почти совсѣмъ вытѣснила здравый взглядъ на значеніе этическихъ началъ, она унизила значеніе религіи, общества, семьи, честнаго труда, она исказила здравыя понятія о вѣротерпимости, свободѣ совѣсти, авторитетѣ, женскій вопросъ, рѣшаемый самымъ противуестественнымъ и ирраціональнымъ образомъ, ученіе о личной свободѣ воли въ смыслѣ самаго необузданнаго своеволія и нетерпимости,— все это плоды той-же философіи... Въ виду этого люди съ міровоззрѣніемъ подобнымъ Киркегоровскому имѣютъ для общества незамѣнимое, отрезвляющее и облагораживающее значеніе. Вотъ почему было-бы весьма желательно, чтобы не отрывки только, а всѣ труды Киркегора были переведены на русскій языкъ и получили наибольшее распространеніе. Само собою разумѣется, что при этомъ мы желали бы перевода лучше того, который поднесенъ русской публикѣ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“ и который самъ по себѣ способенъ только убить всякую охоту къ чтенію трудовъ лучшаго изъ мыслителей.

Свящ. М. Буткевичъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

Продолжаемъ изреченія Платона:

Понятіе честнаго Платонъ опредѣлялъ, какъ заключающееся въ похвальномъ, разумномъ, полезномъ, приличномъ и согласномъ съ требованіями закона.

Справедливость онъ признавалъ закономъ Божіимъ, такъ какъ она сильнѣе всего къ тому, чтобы побудить дѣлать справедливое, дабы и послѣ смерти не подвергнуться наказаніямъ за злодѣянія.

Изъ благъ одни относятся къ душѣ, другія къ тѣлу, третьи находятся внѣ человѣка, какъ на примѣръ: справедливость, благоразуміе, мужество, цѣломудріе и подобное относятся къ душѣ; красота-же, здоровье, благосостояніе, крѣпость—къ тѣлу; а друзья или дружба, счастье отечества и богатство находятся внѣ человѣка. Такимъ образомъ благъ три вида.

Дружбы три вида: дружба естественная, дружба общественная и гостепріимство. Естественная дружба есть та, какую имѣютъ родители къ дѣтямъ и родные другъ къ другу. Ей причастны не только люди, но и другія животныя. Общественная дружба не обусловливается родствомъ, а осно-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 15.

ывається на привычкѣ одного лица къ другому, какъ, напри- мѣръ, между Орестомъ и Пиладомъ. Дружба по гостепрїим- ству, бывающая въ слѣдствіе рекомендаціи или по письму чьему либо.

Видовъ государственнаго устройства пять: демократиче- ское, аристократическое, олигархическое, царское и тира- ническое. Демократическое, когда управляетъ народная тол- па, которая сама избираетъ начальниковъ и устанавливаетъ законы. Аристократическое, когда не богатые, или бѣдные, или-же славою покрытые управляютъ государствомъ, а луч- шіе въ государствѣ люди, аристократы. Олигархическое, когда власти избираются изъ почетнѣйшихъ по имущественной соб- ственности гражданъ. Царское бываетъ то по закону, а то по правамъ наслѣдства. Тираниа, когда народъ управляемъ бываетъ однимъ лицомъ, которое завладѣваетъ управленіемъ или въ слѣдствіе обмана или въ слѣдствіе насилія.

Справедливость бываетъ трехъ видовъ: справедливость въ отношеніи къ богамъ, справедливость въ отношеніи къ лю- дямъ и справедливость въ отношеніи къ умершимъ. Прино- сящіе жертву по законамъ и заботящіеся о священныхъ пред- метахъ, очевидно, обнаруживаютъ благочестіе въ отношеніи къ богамъ; возвращающіе долгъ или залогъ, совершаютъ спра- ведливое въ отношеніи къ людямъ; а заботящіеся о надгроб- ныхъ памятникахъ, ясно, совершаютъ тоже самое въ отно- шеніи къ умершимъ.

Знаніе бываетъ трехъ видовъ: практическое, или дѣятельное, творческое и теоретическое или созерцательное. Домострои- тельное и кораблестроительное напри мѣръ относятся къ твор- ческому; политическое-же знаніе, умѣнье играть на флейтѣ и цитрѣ и подобное суть практическія знанія; а геометрическое, музыкальное и астрономическое суть знанія теоретическія.

Врачебнаго искусства пять видовъ: фармацевтическое, т. е. искусство готовить лекарства; хирургическое или опе- ративное; діетическое, относящееся къ образу жизни че- ловѣка; діагностическое, распознающее роды болѣзней, и вспомогательное, идущее на помощь въ нужныхъ случаяхъ быстраго заболѣванія.

Законъ двойкій: одинъ писанный, а другой не писанный; первый—тотъ, которымъ живемъ и дѣйствуемъ въ государствѣ; а второй,—усвоаемый обычаемъ, какъ на примѣръ, чтобы не выходить нагимъ въ общество и под.

Рѣчь бываетъ пяти родовъ: политическая, риторическая, простая, діалектическая и техническая.

Музыка бываетъ трехъ родовъ: производимая одними лишь устами, какъ пѣніе;—устами и руками, какъ игра на цитрѣ, сопровождаемая пѣніемъ и наконецъ—одними руками, какъ на примѣръ одна только игра на цитрѣ.

Благородство раздѣляется на четыре вида: благородство по происхожденію отъ предковъ честныхъ; благородство по происхожденію отъ предковъ знатныхъ; благородство по происхожденію отъ предковъ славныхъ какими-либо дѣлами гражданскими или военными и наконецъ личное благородство, независимое отъ происхожденія.

Красота бываетъ троякая: одна—похвальная, благообразіе лица; другая, находящаяся въ употребленіи, какъ на примѣръ орудіе, домъ и подобное; третья, служащая на пользу и состоящая въ законахъ, установленіяхъ и тому подобномъ.

Власть раздѣляется на пять частей: власть по закону, какова власть, принадлежащая избраннымъ въ начальники отъ гражданъ въ городѣ; власть естественная, какова на примѣръ власть мужескаго пола надъ женскимъ не только въ людяхъ, но и въ животныхъ; власть по обычаю, какова на примѣръ власть воспитателей надъ воспитанниками и учителей надъ учениками; власть по роду или происхожденію, какова на примѣръ власть царей Лакедемонскихъ и другихъ; наконецъ власть по насилію, когда она захватываетъ силою.

Краснорѣчія шесть видовъ: побужденіе; отсовѣтываніе; обвиненіе; оправданіе; похвала; порицаніе.

Правильная рѣчь имѣетъ въ своемъ основаніи четыре условія, а именно: то, что должно говорить; сколько должно говорить; къ кому направлять свою рѣчь и когда должно говорить.

Благодѣяніе дѣлится также на четыре вида: на благодѣя-

ніе посредствомъ денежной помощи; на благодареніе посредствомъ личной услуги тѣлесно; на благодареніе посредствомъ знанія и на благодареніе, оказываемое словами.

Конецъ дѣлъ также можетъ быть раздѣленъ на четыре вида: одинъ конецъ по закону или по рѣшенію суда; другой конецъ естественный, бывающій вмѣстѣ съ концемъ дня или года или извѣстнаго времени; третій конецъ по искусству, напримѣръ строительному, когда оканчивается постройкою домъ и под. и наконецъ по случаю, когда что-либо случайно оканчивается.

Мощь бываетъ также четырехъ видовъ: мощь разсудочная и мыслительная; мощь тѣлесная; мощь силами военными и деньгами и мощь въ дѣланіи добра и испытанію счастья съ одной и въ перенесеніи несчастія съ другой стороны.

Человѣколюбіе и пріязнь бываетъ трехъ видовъ, а именно: когда обращаются ко всякому встрѣчному и съ нимъ здороваются любезно; когда помогаютъ всякому несчастному и когда обнаруживаютъ хлѣбосоольство.

Счастіе бываетъ пяти видовъ: первый видъ состоитъ въ благоразуміи совѣтовъ; второй—въ здравости чувствъ и въ здоровьѣ тѣла; третій—въ благополучіи въ дѣлахъ; четвертый—въ прославленіи у людей; пятый—въ изобиліи средствъ для жизни.

Искусства бываютъ трехъ видовъ: первое искусство обработки металловъ и дерева. Это предуготовительныя искусства. Второе—искусство мѣдниковъ и строительное, основывающіяся на этихъ предуготовительныхъ; третье состоитъ въ умѣньи пользоваться предметами, напр., уздою, какъ въ искусствѣ управленія лошадьми,—оружіемъ, какъ въ искусствѣ военномъ,—флейтою и лирою, какъ въ искусствѣ музыкальномъ.

Изъ существующаго одно есть злое, другое доброе, третье—ни то ни сѣ.

Благозаконность бываетъ трехъ видовъ: первый, когда сами законы хороши; второй, когда граждане исполняютъ хорошо законы; третій, когда и помимо писанныхъ законовъ, по обычаю и усердію граждане живутъ и дѣйствуютъ хорошо.

Беззаконіе бываетъ также трехъ видовъ: во-первыхъ, когда сами законы плохи и въ отношеніи къ чужестранцамъ и въ отношеніи къ гражданамъ; во-вторыхъ, когда люди не повинуются существующимъ законамъ; въ третьихъ, когда нѣтъ никакого закона.

Совѣтъ бываетъ троякій: одинъ заимствуетъ матерію изъ временъ прошедшихъ, другой—изъ будущихъ, третій—изъ настоящихъ.

Голосъ бываетъ двухъ видовъ: одушевленный и бездушный; первый, издаваемый живыми существами, а второй,—представляющійся въ звукахъ инструментовъ и эхо. Бываетъ также голосъ членораздѣльный, какъ у людей, и не членораздѣльный, какъ у животныхъ.

Изъ существующаго одно есть дѣлимое, а другое не дѣлимое. Изъ дѣлимаго одно подобоначально, а другое не подобоначально. Не дѣлимое есть то, что не имѣетъ раздѣленія и не состоитъ ни изъ чего, какъ напримѣръ единица, точка и звукъ. Дѣлимое же состоитъ изъ чего либо, каковы напримѣръ слоги, созвучія, животныя, вода и золото. Подобоначное состоитъ изъ подобныхъ частей, какъ напримѣръ вода, золото и под. Не подобоначное состоитъ изъ частицъ не подобныхъ, какъ напримѣръ, домъ и подобное.

Изъ существующаго одно существуетъ само по себѣ, абсолютно, а другое относительно. Первое не нуждается ни въ какомъ поясненіи, какъ напримѣръ: человекъ, лошадь и другія животныя. Относительное же нуждается въ поясненіи чѣмъ либо стороннимъ, какъ напримѣръ: больше чего либо, скорѣе чего либо, красивѣе чего либо и подобное.

Платонъ, подобно Ликургу законодателю спартанскому, въ начертанномъ имъ государственномъ устройствѣ, не считалъ полезнымъ вводить въ народное употребленіе что-либо многоцѣнное, также золото и серебро, какъ предметы вредной роскоши, а позволялъ употреблять въ дѣло только желѣзо и мѣдь.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа № 16. 1886 года.

Содержаніе: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отчетъ за 1886 годъ о кружечномъ въ пользу слѣпыхъ сборѣ по Харьковской губерніи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опрежденія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 2—23 іюля 1886 года, за № 1424, объ измѣненіи формы клировыхъ вѣдомостей и послужныхъ списковъ для лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 23 мая сего года за № 6758, съ заключеніемъ хозяйственнаго управленія, въ коемъ изложено, что по многочисленнымъ просьбамъ духовныхъ лицъ, не выслужившихъ установленныхъ сроковъ на пенсіи, и ихъ семействъ о пожизненныхъ и единовременныхъ пособіяхъ, по установившейся практикѣ, обыкновенно требуются отъ духовныхъ консисторій свѣдѣнія, между прочимъ, объ имущественномъ положеніи просителей, для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ проситель заслуживаетъ пособія. Нынѣ секретарь одной консисторіи въ рапортѣ своемъ объясняетъ, что изъ служебной практики его въ двухъ епархіяхъ, между прочимъ, усматривается, что многія изъ лицъ духовнаго званія имѣютъ недвижимую собственность, состоящую въ земляхъ и домахъ, но въ клировыхъ вѣдомостяхъ лицъ духовнаго званія и послужныхъ спискахъ ихъ ничего не упоминается объ имѣющейся у нихъ недвижимой собственности, за отсутствіемъ для того соответствующей графы, каковая полагается, напримѣръ, въ формулярныхъ спискахъ гражданскихъ чиновниковъ. Отсутствіе такой графы лишаетъ секретарей консисторій возможности провѣрять какъ полученные отъ просите-

лей свѣдѣнія объ ихъ имущественномъ положеніи, такъ и донесенія по сему предмету отъ благочинныхъ. По сему помянутый секретарь консисторіи возбудилъ вопросъ о томъ, не будетъ-ли признано цѣлесообразнымъ измѣнить форму послужныхъ списковъ для лицъ духовнаго званія, дополнивъ эти списки графою для отмѣтокъ о принадлежащей духовнымъ лицамъ недвижимой собственности. Признавалъ полезнымъ, для соображеній при назначеніи денежныхъ пособій священно-церковно-служителямъ и ихъ семействамъ, имѣть оффиціальныя и точныя свѣдѣнія о недвижимой собственности, состоящей за лицами духовнаго званія, ихъ женами и родителями, хозяйственное управленіе полагаетъ: установленную для клировыхъ вѣдомостей о церковныхъ причтахъ форму, а равно и послужные о нихъ списки дополнить одною графою, озаглавивъ ее слѣдующимъ образомъ: „есть-ли недвижимое имѣніе: у самого, у родителей или у жены и какое именно“. Приказали: заключеніе хозяйственнаго управленія утвердить и, на предметъ приведенія таковаго въ исполненіе, передать въ управленіе выписку изъ настоящаго опредѣленія, для объявленія-же о семъ, къ должному, въ чемъ слѣдуетъ, исполненію по духовному вѣдомству, сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“, по принятому порядку.

II. Отъ 16--30 іюля 1886 года, за № 1514, о содѣйствіи статистическимъ комитетамъ въ собираніи свѣдѣній по учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. исправляющимъ должность синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10 минувшаго іюля, за № 455, журналъ учебнаго комитета, № 237, съ заключеніемъ комитета, по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ на имя г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5-го іюня за № 1187, слѣдующаго содержанія: Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разработавъ статистическія свѣдѣнія о высшихъ, среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ 60 губерній Имперіи и приступивъ нынѣ къ печатанію сихъ свѣдѣній, находитъ полезнымъ приступить къ составленію и изданію общаго списка учебныхъ заведеній всѣхъ губерній и областей Имперіи, съ нѣкоторыми статистическими свѣдѣніями о нихъ за 1886 годъ, съ тѣмъ, чтобы на ряду съ означенными свѣдѣніями были собраны данныя и о числѣ стипендій во всѣхъ среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Признавая такое предложеніе заслуживающимъ вниманія и имѣющимъ практическое значеніе, въ особенно-

сти въ виду послѣдовавшаго съ 1880 г. увеличенія общаго числа учебныхъ заведеній и учащихъ въ нихъ, и въ частности открытія въ значительномъ числѣ церковно-приходскихъ школъ, графъ Д. А. Толстой проситъ оказать содѣйствіе въ собираніи означенныхъ свѣдѣній по учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства, соотвѣтственно выработаннымъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ формамъ, и сдѣлать распоряженіе о доставленіи потребныхъ свѣдѣній начальствами духовно-учебныхъ заведеній—по вопросу объ учебныхъ заведеніяхъ—въ мѣстные губернскіе, областные и городскіе статистическіе комитеты, по ихъ о томъ запросамъ, а по второму вопросу—о стипендіяхъ—непосредственно въ центральный статистическій комитетъ, отъ котораго будутъ посланы во всѣ среднія и спеціальныя учебныя заведенія отдѣльные циркуляры съ готовыми бланками, для обратнаго полученія ихъ къ 1 марта 1887 г. Приказали: Не встрѣчая препятствій къ собиранію по учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства свѣдѣній, потребныхъ для предполагаемаго изданія общаго списка учебныхъ заведеній всѣхъ губерній и областей Имперіи, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія учебнаго комитета, опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ преосвященнымъ сдѣлать зависящія распоряженія о томъ, чтобы какъ начальства духовно-учебныхъ заведеній, такъ и завѣдующіе церковно-приходскими школами оказывали статистическимъ комитетамъ содѣйствіе въ собираніи упомянутыхъ свѣдѣній, доставляя статистическія свѣдѣнія объ учебномъ заведеніи въ мѣстные губернскіе, областные и городскіе статистическіе комитеты, по ихъ о томъ запросамъ, данныя-же о числѣ стипендій въ учебномъ заведеніи сообщая непосредственно центральному статистическому комитету, соотвѣтственно выработаннымъ въ семъ комитетѣ формамъ, которыя имѣютъ быть имъ своевременно въ заведеніи доставлены; о чемъ для поставленія въ извѣстность епархіальныхъ преосвященныхъ, къ зависящему съ ихъ стороны исполненію, сообщить въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“, для напечатанія, выписку изъ настоящаго опредѣленія.

Отъ Харьковскаго комитета Православнаго миссіонерскаго общества.

Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества доводятъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ комитета въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ сего 1886 г. поступило: отъ священника Михаила Сѣкирскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 6 в. 65 к., собрано

священникомъ Іоанномъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 20 к., отъ Григорія Алексѣевича Рышкова 3 р., отъ Андрея Дмитріевича Горбунова 5 р., отъ Клементія Максимовича Быкова 3 р., отъ Софонія Прохоровича Сычова 3 р., отъ Давида Антоновича Лифиренка 3 р., отъ Михаила Тимофеевича Богданова 3 р., отъ Павла Ивановича Кунѣева 3 р., отъ Порфирія Васильевича Трущобина 3 р., отъ діакона Иннокентія Терновскаго 3 р., отъ протоіерея Романа Касьянова 50 к., отъ священниковъ: Алексѣя Булгакова 50 к., Николая Касьянова 1 р., собрано священникомъ Иллариономъ Жуковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 5 к., отъ священника Никанора Кошійчикова 3 р., отъ Александра Васильевича Распопова 3 р., отъ Ивана Ѳедоровича Пылева 3 р., отъ Андрея Герасимовича Пахомова 3 р., отъ Евдокима Ивановича Борисова 3 р., отъ Якова Васильевича Ребрищева 3 р., отъ священниковъ: Стефана Роменскаго 3 р., Іоанна Чудновскаго 3 р., Василя Толмачева 3 р., Автонома Крыжановскаго 3 р., Василя Щекина 3 р., Григорія Ходскаго 3 р., Петра Дейвиховскаго 3 р., Владиміра Раевского 3 р., Максима Рубинскаго 3 р., Матѳея Васильковскаго 3 р., Николая Жуковскаго 3 р., Петра Торановскаго 3 р., Льва Базилевича 3 р., Григорія Павлова 3 р., Іоанна Филевскаго 3 р., Виктора Троянова 3 р., Іліи Созонтѣева 3 р., Василя Васильковскаго 3 р., Петра Макухина 3 р., Ѳеодора Попова 3 р., Василя Збукарева 3 р., Василя Виноградскаго 3 р., Николая Сергѣева 3 р., Тимофея Ѳедорова 3 р., Василя Ковалевскаго 3 р., Ѳеодора Ковалевскаго 3 р., Николая Ильинскаго 3 р., Василя Филевскаго 3 р., Георгія Рудинскаго 3 р., Никиты Шебатинскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священниковъ: Александра Попова 1 р., Павла Реутскаго 35 к., Василя Долгополянскаго 10 к., собрано священникомъ Николаемъ Матвѣевымъ отъ разныхъ лицъ 60 к., собрано священникомъ Николаемъ Скубачевскимъ отъ разныхъ лицъ 25 к., отъ надворнаго совѣтника Георгія Петровича Доронина 3 р., отъ Максима Александровича Поединцова 3 р., отъ Константина Ивановича Раздорскаго 3 р., отъ Василя Федоровича Пивина 3 р., отъ Максима Васильевича Васильева 3 р., отъ Василя Григорьевича Гуслева 3 р., отъ Василя Михайловича Попова 3 р., отъ Петра Семеновича Гребенникова 3 р., отъ Василя Николаевича Житенна 3 р. Итого въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ сего 1886 г. поступило 178 р. 20 к. А всего съ поступившими съ 1-го января 1886 года 2992 р. 43 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, комитетъ покорнѣйше проситъ присылать свои пожертвованія непосредственно въ комитетъ при архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены миссіонерскаго общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или же одновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

О Т Ч Е Т Ъ

за 1886 годъ о кружечномъ въ пользу слѣпыхъ сборѣ по Харьковской губерніи.

Кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ, разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ, организованъ былъ по Харьковской губерніи въ „недѣлю о слѣпомъ“ 1886 года, согласно общимъ началамъ, преподаннымъ Маріинскимъ Попечительствомъ для призрѣнія слѣпыхъ и произведенъ съ 18 по 25 Мая во всѣхъ церквахъ, монастыряхъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ вообще съ значительнымъ успѣхомъ, благодаря теплomu содѣйствію мѣстнаго духовенства, дѣятельности распорядителей кружечнаго сбора въ уѣздахъ и усердному труду почтенныхъ сборщиковъ.

Въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, а равно и прочихъ церквахъ, настоятелями церквей были сказаны въ первый и слѣдующіе дни „недѣли о слѣпомъ“ соотвѣтствующія означенному сбору поученія и затѣмъ приступлено было къ сбору пожертвованій посредствомъ кружекъ, опечатанныхъ печатями мѣстныхъ распорядителей кружечнаго сбора.

По вскрытіи кружекъ, послѣ окончанія „недѣли о слѣпомъ“, вынутыя изъ кружекъ суммы, по перечетѣ, были записаны въ вѣдомости кружечнаго сбора и вѣрность счета денегъ по каждой кружкѣ удостовѣрялась на вѣдомостяхъ подписью сборщика и лицъ, присутствовавшихъ при вскрытіи каждой кружки, а въ пріемѣ денегъ по каждой суммѣ, выданы сборщиками надлежащіе росписки, и такимъ образомъ, послѣ окончанія „недѣли о слѣпомъ“ собраны въ пользу слѣпыхъ слѣдующія суммы: по г. Харькову собрано пожертвованій 1361 руб. 39 коп.

Въ уѣздныхъ городахъ и по уѣздамъ Харьковской губерніи кружечный въ пользу слѣпыхъ сборъ произведенъ тѣмъ-же порядкомъ въ „недѣлю о слѣпомъ“ текущаго 1886 года, и по 10-ти уѣзднымъ городамъ и 11-ти уѣздамъ Харьковской губерніи собрано въ пользу слѣпыхъ 3176 руб. 80 коп., а вмѣстѣ съ собранными по г. Харькову 1361 руб. 39 коп. всего кружечнаго сбора въ „недѣлю о слѣпомъ“ 1886 года поступило 4538 руб. 19 коп., ко-

торые и внесены въ Харьковскій Купеческій Городской Банкъ по книжкѣ за № 172 на текущій счетъ.

За симъ прислано по г. Харькову отдѣльно членскихъ взносовъ: отъ Елизаветы Степановны Мосоловой 10 руб., Василя Григорьевича Пономарева 5 руб., Харьковскаго Губернатора Александра Ивановича Петрова 10 руб., Павлины Григорьевны Гурьевой 5 руб., Ивана Савельевича Дубровина 5 руб., Харьковскаго Торговаго банка 10 руб., Николая Степановича Анненкова 10 руб., Христины Даниловны Алчевской 10 руб., Алексѣя Кирилловича Алчевскаго 10 руб., Александры Михайловны Петровой 10 руб., Никиты Спиридоновича Бузника 5 руб., Евсыя Степановича Крохмалева 5 руб., Сергѣя Ефимовича Фастова 5 р., протоіерея Николая Алексѣевича Лащенкова 5 руб., протоіерея Іоанна Александровича Кратирова 5 руб., Юлія Михайловича Файнберга 10 руб., Рахиль Исааковны Файнбергъ 10 руб., Евгениі Алексѣевны Московской 10 руб., Дмитрія Ивановича Ренина 5 руб., Александра Сергѣевича Колычева 5 руб., Александра Матвѣевича Ергольскаго 10 руб., Итого членскихъ взносовъ 160 руб., которые внесены въ Харьковскій Купеческій банкъ по книжкѣ № 130. Вообще-же поступило кружечнаго сбора за 1886 годъ по 15 іюля 4698 руб. 19 коп., но присылка денегъ, собранныхъ въ „недѣлю о слѣпомъ“, еще продолжается и отъ нѣкоторыхъ распорядителей сборъ еще не доставленъ и ожидается.

Общій итогъ прихода и расхода суммъ съ 1 января 1885 г. по 15 іюля 1886 г.

П Р И Х О Д Ъ.

1) Принято отъ бывшаго уполномоченнаго по Харьковской губерніи Н. П. Трузсона . . .	4759 р. 97 к.
2) Поступило кружечнаго сбора и другихъ пожертвованій въ 1885 г.	5123 „ 33 „
3) Тоже въ 1886 году по 15-е іюля	4698 „ 19 „
4) Причислены къ капиталу 0/0 за 1885 г.	210 „ 21 „
Итого.	14791 „ 70 „

Р А С Х О Д Ъ.

1) Выдано на содержаніе 2 кроватей при офталмологической клиникѣ Харьковскаго университета, для бесплатнаго лѣченія больныхъ глазами въ 1885 г.	600 р. — к.
Въ 1886 году	600 „ — „
Итого.	1200 „ — „

2) На отправку г-жи Зайцевой въ Дрезденскій институтъ слѣпыхъ, согласно предложенію г. Предсѣдателя Совѣта Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ отъ 8 іюня за № 335 въ 1886 году	400 р. — к.
3) Выдано единовременныхъ пособій слѣпцамъ въ 1885 году	93 „ — „
Въ 1886 году	110 „ — „
	<hr/>
	203 р. — к.
4) Израсходовано на разныя надобности по дѣлу о слѣпыхъ въ 1885 году	49 р. 56 к.
Въ 1886 году по 15 іюля	35 „ 73 „
	<hr/>
	85 р. 29 к.
5) Отослано въ Совѣтъ Маріинскаго Попечительства въ 1885 г. членск. взносов	20 „ — „
	<hr/>
А всего расхода	1908 р. 29 к.

Затѣмъ остается къ 15 іюля 1886 г. наличныхъ капиталовъ Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ. 12883 р. 41 к.

Капиталы эти 15 сего іюля въ засѣданіи членовъ Совѣта Харьковскаго Отдѣленія Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ сданы Его Превосходительству г. Предсѣдателю Совѣта Харьковскаго отдѣленія А. И. Петрову, по книжкамъ текущаго счета Харьковскаго Городскаго Купеческаго банка за №№ 130 и 172, по книжкѣ № 4201 Сберегательной кассы Харьковской Конторы Государственнаго банка и наличными деньгами 182 руб. 50 коп.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Благочинный 4 округа Харьковскаго у., священникъ Викторъ Селезневъ уволенъ заштатъ.

— Діаконъ Петръ Аксененковъ рукоположенъ во священники къ Николаевской церкви, слоб. Липецъ, Харьковскаго уѣзда.

— Священникъ сл. Циркуновъ, Харьковскаго у., утвержденъ благочиннымъ по 4 округу того же уѣзда.

— Священникъ села Малыхъ Проходовъ Іоаннъ Нечасовъ утвержденъ депутатомъ по тому же округу.

— Священникъ сл. Сенихи, Кулянскаго у., Дмитрій Томашевскій награжденъ набедренникомъ.

— Священникъ сл. Песскъ Радьковскихъ, Купянского у., Петръ *Торанскій* уволенъ, согласно его прошенію, отъ должности законоучителя Нижегородскаго народнаго училища, а на мѣсто его опредѣленъ законоучителемъ священникъ Дмитрій *Сокальскій*.

— Утвержденъ въ должности законоучителя Зачуговскаго начальнаго народнаго училища, Зміевскаго уѣзда, священникъ Чугуевской Николаевской церкви Феодоръ *Юшковъ*.

— Діаконъ сл. Ново-Ольшаной Константинъ *Любарскій* умеръ; мѣсто же діакона при этой церкви предоставлено 5-го августа, псаломщику Павлу *Флоринскому*.

— Безмѣстный псаломщикъ, Иванъ *Романцовъ* допущенъ къ исправленію этой должности при Пророко-Ильинской церкви, с. Березоваго, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщики: Купянскаго уѣзда сл. Песчаной Андрей *Спѣсивцевъ*, сл. Стельмаховки Василій *Чернявскій*, сл. Синихи Николай *Дюковъ* и Купянской Покровской церкви Василій *Коробчанскій* посвящены въ стихарь.

— Псаломщики: Купянскаго у. слоб. Ново-Осиновой Михаилъ *Треубовъ* и сл. Ново-Александровки Захарій *Якубовичъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— И. д. псаломщика при Иоанно-Златоустовской церкви, Харьковскаго Земледѣльческаго училища, Иванъ *Детяренко* утвержденъ въ этой должности.

— Псаломщикъ села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, Гавріиль *Федоровскій* опредѣленъ на діаконское мѣсто къ церкви слободы Высокополя, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщики: Успенской церкви села Нижней Орели Аѳанасій *Брайловскій* и Казанской церкви села Нижней же Орели Антоній *Киприановъ*, за 50-лѣтнюю безпорочную службу, награждены правомъ ношенія рясы.

— Псаломщики: Казанско-Богородичной церкви села Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, Феодоръ *Подлуцкій* и Р.-Богородичной церкви слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда Петръ *Федоровъ*, согласно прошенію ихъ перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты на 8-е трехлѣтіе къ Предтечевской церкви села Станчнаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Феодоръ *Онацкій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Образцовыя начальныя школы при духовныхъ семинаріяхъ.—Предписаніе Св. Синода епархіальнымъ архіереямъ.—Успѣхи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Польско-католическій фанатизмъ на западной окраинѣ.—О сектѣ Новаго Израїля.—Бесѣды съ уніатами Варшавскаго преосвященнаго.—Свято-Михайло-Аеовская Закубанская пустынь.—Пожертвованіе Новосельскаго.—Драгоценности Тобольскихъ ризницъ.—Православная русская миссія въ Пекинѣ.—Фальсификація деревяннаго масла.—Некрологъ.

Училищный при Св. Синодѣ совѣтъ съ предстоящаго учебнаго года учреждаетъ при каждой духовной семинаріи одноклассную или двухклассную образцовую начальную школу для практическихъ занятій воспитанниковъ V и VI классовъ, слушающихъ дидактику, въ виду того, что въ духовныхъ семинаріяхъ какъ теоретическое, такъ и практическое изученіе воспитанниками школьнаго дѣла должно быть строго согласовано съ предстоящею имъ, по выходѣ изъ семинаріи, дѣятельностію въ званіи законоучителей и учителей въ церковныхъ приходскихъ школахъ. Образцовыя начальныя школы при духовныхъ семинаріяхъ обязательно должны быть устроены по типу церковно-приходскихъ школъ и служить для послѣднихъ образцами въ каждой епархіи. Въ постановкѣ и объемѣ преподаванія школы будутъ руководствоваться утвержденными недавно Св. Синодомъ программами для церковно-приходскихъ школъ. Постоянное ежегодное содержаніе законоучителю образцовой начальной школы—300 руб., учителю—500 руб., и на расходы по хозяйственной части 200 руб. будутъ отпускатся на счетъ кредита, ассигнуемаго на этотъ предметъ по смѣтѣ Св. Синода изъ суммъ государственнаго казначейства.

— Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ сдѣлать надлежащее распоряженіе: 1) чтобы управленіями епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ было обращено надлежащее вниманіе на доброкачественность и усовершенствованіе выдѣлки свѣчей; 2) чтобы цѣны на свѣчи были назначаемы соотвѣтственно цѣнамъ на церковныя свѣчи, выдѣлываемыя изъ чистаго пчелинаго воска на другихъ заводахъ; 3) чтобы никакія денежныя взысканія съ церковныхъ доходовъ за неисполненіе требованій о выборѣ свѣчей съ епархіальныхъ заводовъ, равно какъ ограниченія приѣма пожертвованій свѣчами отъ прихожанъ не были допускаемы, а взамѣнъ того, были-бы употребляемы мѣры архипастырскаго воздѣйствія къ побужденію причтовъ, старостъ и прихожанъ къ пріобрѣтенію церковныхъ свѣчей епархіальныхъ заводовъ; 4) чтобы прихода-расход-

ныя книги для управленія епархіальными свѣчными заводами были выдаваемы изъ канцеляріи преосвященнаго, за собственноручною его подписью и печатью, и б) чтобы сдѣланные управленіями свѣчныхъ заводовъ займы у частныхъ лицъ были немедленно уплачены по принадлежности и впредь были воспрещены; долги-же епархіальнымъ попечительствамъ о бѣдныхъ духовнаго званія и прочимъ учрежденіямъ епархіальнаго вѣдомства, гдѣ таковыя обажутся, также были погашаемы; при чемъ на будущее время займы изъ суммъ епархіальнаго попечительства, допускать не иначе, какъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

— Лютеранизмъ, вредъ котораго для русскаго государства выяснился уже полною мѣрою, вѣроятно въ непродолжительномъ времени придетъ въ полный упадокъ въ Прибалтійскомъ краѣ. По крайней мѣрѣ люди, преданные русскому государству и вѣрные слуги Государя, бросаютъ его и переходятъ въ православіе. Бергофскій священникъ о. Вѣжаницкій муропомазалъ въ послѣднихъ числахъ іюня и въ первой половинѣ іюля въ Фогельзангской, Гарикской, Нейенгофской, Линденской и Паргельской волостяхъ 209 лицъ. Малолехтигальскій священникъ о. Звѣревъ присоединилъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ къ православію 800 лицъ. На островѣ Вормсѣ пожелали присоединиться къ православію 800 лицъ шведскаго происхожденія, для принятія которыхъ въ лоно православной Церкви командированы профессоръ богословія протоіерей Образцовъ и священникъ Орловъ съ Эзеля, знающіе шведскій языкъ.

Если дѣйствіемъ русскихъ людей въ Прибалтійской окраинѣ будутъ единодушны, то дѣло единенія Прибалтійской окраины съ великою и общею матерью Россіей—есть дѣло близкое.

— Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ разсказаны любопытные факты изъ жизни Прибалтійской окраины, показывающіе отношеніе вѣмцевъ къ дѣлу православія въ этой окраинѣ. Факты эти очень любопытны.

Гекенрихтеръ фокъ-К. въ распространеніи православнаго христіанства видитъ агитаторскую дѣятельность нигилистовъ, поэтому считаетъ себя обязаннымъ производить обыски и аресты православныхъ, требуетъ ихъ изъ за какихъ-нибудь пустяковъ въ самую страдную пору за десятки верстъ къ себѣ въ камеру, и вмѣсто разбирательства дѣла, сыплетъ угрозы за переходъ въ православіе. Цмъ былъ арестованъ церковный староста Михайло Майзаеръ за то, что не успѣлъ снести придорожную изгородь въ невозможный

срокъ, такъ какъ въ приговорѣ срокъ былъ назначенъ раньше возможности полученія постановленія суда. К. преслѣдуетъ тѣхъ, у кого находятъ при обыскѣ посланіе архіепископа Платона къ обратившимся въ православіе, видя въ немъ запрещенную прокламацію. Онъ же, будучи управляющимъ имѣніемъ одной баронессы, согналъ арендатора съ земли за то, что тотъ рѣшился отдать въ наемъ свой домъ подъ русскую школу.

Другой помѣщикъ, отставной генераль-маіоръ, желавшій во что бы то ни стало воспрепятствовать устройству въ своемъ имѣніи православнаго школьно-молитвеннаго дома, въ качествѣ приходскаго судьи, вызвалъ въ засѣданіе суда самого себя, но въ лицѣ помѣщика, произвелъ допросъ самому себѣ, и на основаніи своихъ личныхъ показаній, какъ помѣщика, постановилъ, какъ судья, законный приговоръ о наказаніи крестьянъ, не послушавшихся помѣщичьей власти, и 4 человекъ засадилъ на 5 дней въ тюрьму; сорвалъ съ волостнаго старшины, подтвердившаго приговоръ общины объ отпускѣ матеріала на постройку молитвеннаго дома, знакъ, приговаривая при этомъ: „Вашъ попъ обманщикъ. Вы думаете, что русская вѣра лучше лютеранской, нѣтъ, ее принимаютъ только дураки!“ Одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, послѣ пріѣзда архіерея и губернатора, собралъ своихъ крестьянъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Вотъ у васъ былъ архіерей, что онъ привезъ вамъ, полей, сѣнокоса? Если бы онъ мнѣ далъ полей и сѣнокоса, то и я перешелъ бы въ православіе“. А принявшимъ православіе, прибавилъ: „Вы теперь русскіе, и убирайтесь въ Россію! Съ вами нужно говорить по-русски, идите же въ Россію“.

Третій помѣщикъ, не смотря на новое постановленіе Святѣйшаго Синода, подтвержденное закономъ 14 мая нынѣшняго года о запрещеніи взимать сборы съ православныхъ въ пользу лютеранскихъ церквей, въ началѣ іюня мѣсяца прочиталъ сходу этотъ законъ и торжественно заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ всю эту повинность на себя, складываетъ ее безразлично со всѣхъ дворовъ, но по „нѣкоторымъ“ обстоятельствамъ принужденъ увеличить арендную плату съ православныхъ ровно на столько, сколько приходилось платить имъ на лютеранскія церкви.

Въ Везенбергскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Лехтели, издревле существуетъ православная часовня на мѣстѣ, гдѣ по преданію явилась икона Успенія Божіей Матери и гдѣ одержана побѣда Александра Невскаго надъ шведами; рядомъ съ нею сохранилось

и кладбище павшихъ въ сраженіи русскихъ воиновъ. 15 августа ежегодно происходитъ крестный ходъ сюда изъ Сверенецкой церкви. Окрестные крестьяне, хотя и лютеране, но изъ уваженія къ памяти своихъ предковъ, чтутъ ихъ святыню, такъ что около часовни образовался смѣшанный приходъ въ 2000 человѣкъ. Мѣстный помѣщикъ запретилъ священнику проходить въ часовню кратчайшею дорогою чрезъ свое помѣстье. Сосѣдніе же помѣщики распространили втихомолку подписку на сооруженіе рядомъ съ часовнею лютеранской кирки, въ расчетѣ, что ея благолѣпіе отвлечетъ вниманіе отъ бѣдной православной часовни. 14 мая прошлаго года была произведена закладка, а весною нынѣшняго года предположено было освященіе кирки; но такъ какъ самая постройка была произведена только съ благословенія лютеранской консисторіи, безъ разрѣшенія губернскаго начальства, то послѣднее, въ виду самой цѣли возведенія лютеранской кирки въ глуши, о-бокъ съ православною часовнею, нашло, что мѣсто выбрано неудобно, и потому не допустило открытія ея.

— На западной окраинѣ продолжаетъ заявлять о себѣ польско-католическій фанатизмъ нѣкоторыхъ ксендзовъ, вынуждающихъ правительство прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ. Изъ Гродно сообщаютъ: „Недавно получено изъ Вильны, къ исполненію, сообщенное Виленскому генералъ-губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ распоряженіе объ упраздненіи по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 5 минувшаго іюня, Следзьянскаго и Гранонскаго римско-католическихъ приходовъ Гродненской губерніи. Въ силу этого повелѣнія, мѣстные власти обязаны объявить прихожанамъ о дѣйствительныхъ причинахъ, побудившихъ правительство къ закрытію сихъ костеловъ, и предварить какъ духовенство, такъ и римско-католическое населеніе, что такая же мѣра будетъ примѣнена и къ тѣмъ приходамъ, духовенство коихъ будетъ продолжать пропаганду въ средѣ бывшихъ униатовъ и исполнять для нихъ требы. Следзьянскій и Гранонскій костелы находятся въ мѣстности, смежной съ Забужьемъ, исконнымъ обиталищемъ части русскаго народа, возвратившейся въ 1875 г. изъ уни въ православную церковь и неустанно искушаемой и колеблемой въ своей новой религіозной жизни мѣстными фанатиками-ксендзами. Теперь оказывается, что совращеніе бывшихъ униатовъ въ католицизмъ и привлеченіе ихъ къ польщизнѣ зиждется болѣе всего на совершеніи для нихъ духовныхъ требъ ксендзами въ костелахъ и на іезуитской пронагандѣ католицизма, основываемой на лживыхъ и пропитан-

ныхъ ненавистью къ православію, правительству и всему русскому, внушеніяхъ простому народу. Фанатики-ксендзы, какъ бы въ подтвержденіе передъ нимъ правоты своихъ внушеній, дерзко и явно обращаютъ костелы, назначенные для римско-католическаго населенія, въ мѣста самага грубаго нарушенія законовъ и правительственныхъ распоряженій, самовольно допуская совершеніе въ нихъ духовныхъ требъ для людей, не принадлежащихъ къ ихъ паствѣ, возмущая и совращая паству господствующей религіи, не подлежащую ихъ вѣдѣнію. Теперь, по Высочайшей волѣ, нарушители закона предостерегаются, и римско-католическому духовенству указывается путь благоразумія, а населенію разъясняется, къ какому послѣдствію приведетъ католическая пропаганда среди бывшихъ униатовъ.

Въ жизни секты Новаго Израиля, по словамъ „Современныхъ Извѣстій“, произошло весьма важное событіе, которое отчасти можно было предугадывать: присоединеніе Іосифа Рабиновича къ протестантской церкви. вмѣстѣ съ тѣмъ и секта Новаго Израиля обращается въ протестантскую общину, хотя съ своеобразной физиономіей.

Весьма важную роль въ жизни секты играетъ протестантскій пасторъ Ферстеръ. Ему отчасти обязана она своимъ бытіемъ, подъ его вліяніемъ слагалось ея догматическое вѣроученіе: не безъ его вліянія совершилъ теперь Рабиновичъ и переходъ въ протестантство. Еще въ ту пору, когда Рабиновичъ не выступалъ на реформаторское поприще, первый толчекъ въ его религіозной жизни былъ уже данъ: онъ столкнулся въ Палестинѣ, куда ѣзжалъ по дѣламъ еврейской общины, съ пасторомъ Ферстеромъ. Отшатнувшись отъ современнаго іудейства и начинавпій вдумываться въ фактъ христіанства, Рабиновичъ поддался вліянію Ферстера и путемъ долгаго собственнаго размышленія и изученія Св. Писанія, наконецъ, открыто сталъ на сторону христіанства. За этимъ слѣдовалъ реформаторскій призывъ. Собралъ около себя сначала малую горсточку послѣдователей, которая все болѣе и болѣе разрасталась, Рабиновичъ устраиваетъ храмъ въ родѣ синагоги, и никто другой, какъ Ферстеръ произноситъ рѣчь при открытіи его. Богослуженіе въ Виолеемскомъ храмѣ Новаго Израиля совершается также на протестантскій манеръ: состоитъ оно лишь изъ проповѣди и немногочисленныхъ молитвъ. Ферстеръ присутствуетъ на богослуженіи, произноситъ иногда проповѣди и руководитъ имъ. Не безъ его вліянія, приходится заключать, слагалась и догматическая часть вѣро

ученія, коего эссенція заключается въ символѣ вѣры. Именно, вліяніе протестантскаго пастора могло сказаться на томъ членѣ новоизраильскаго символа вѣры, въ которомъ ясно и рѣшительно высказывается мысль объ оправданіи одною вѣрою безъ помощи добрыхъ дѣлъ—мысль, какъ извѣстно, протестантская. Это можно предполагать, въ виду той роли, какую вообще играетъ Ферстеръ въ жизни новоизраильской секты. Наконецъ, не безъ вліянія Ферстера и даже при непосредственномъ участіи совершается прямое присоединеніе Рабиновича къ протестантству и обращеніе секты въ протестантскую общину.

— На лѣтніе мѣсяцы, главнымъ образомъ, выпадаютъ обзорнія архипастырями вѣреннхъ имъ епархій и при всякомъ такомъ обзорніи живое архипастырское слово оставляетъ по себѣ повсюду глубокое впечатлѣніе, содѣйствующее поднятію религіозно-нравственной жизни. Высокопреосвященнѣйшій Леонтій варшавскій посѣщалъ тѣ мѣстности своей епархіи, гдѣ нѣкоторые продолжаютъ упорно держаться уніатства и, послѣ оффиціального воссоединенія съ православною Церковію, не посѣщаютъ ея. Повсюду онъ обращался къ народу съ задушевнымъ словомъ похвалы посѣщающимъ Церковь и увѣщанія упорствующимъ—не удаляться отъ своей матери Церкви православной, къ которой изъ поколѣній принадлежали и дѣды и прадеды. — „Будете всѣ усердно посѣщать церковь?“ спросилъ прихожанъ Пищацкой церкви, Бѣльскаго у., Сѣдлецкой губ., маститый архипастырь въ концѣ своей задушевной бесѣды. — „Будемо“, единодушно отвѣчали они. И слово архипастыря, произшедшее на всѣхъ присутствовавшихъ глубоко потрясающее впечатлѣніе, не осталось безплодно. Доказательствомъ тому служитъ, что 22-го мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, трое упорствующихъ мужчинъ и четыре женщины, изъ принадлежащей къ приходу Пищацкой церкви деревни Дубровицы Малой, въ первый разъ отъ воссоединенія были у Исповѣди и Причастія въ своей приходской церкви.

Бесѣдуя съ духовенствомъ 2-го бѣльскаго округа, высокопр. Леонтій преподавалъ священно-служителямъ архипастырское наставленіе о томъ, какъ они должны быть бдительны и ревностны въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, назидая съ любовью и неослабно пасомыхъ и въ церкви, и при исполненіи требъ на дому, чтобы они, все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ православіи и доброй нравственности, содѣлались истинными и усердными чадами православной Церкви и чтобы никакія подстрекательства людей,

враждебныхъ православію, не могли поколебать ихъ вѣры и преданности Царю и отечеству.

„Благодареніе Богу, сказалъ въ концѣ своего собесѣдованія архипастырь, вижу и душевно радуюсь, что дѣло православія какъ въ вашихъ приходяхъ, такъ и во всей Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, не только не ухудшается, а напротивъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію главнаго начальника края, все болѣе и болѣе преуспѣваетъ. Трудитесь отцы и братія и не ослабѣвайте, не смотря ни на какія невзгоды и противодѣйствія со стороны людей недоброжелательныхъ нашей святой вѣрѣ; въ ревностномъ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей не щадите своихъ силъ; будьте, по слову Спасителя, мудры, какъ зми и цѣли, какъ голуби, и нивы ваши, которыя теперь нерѣдко поливаете трудовымъ потомъ, принесутъ обильный плодъ во спасеніе ваше и духовныхъ чадъ вашихъ“.

— Вновь учрежденъ въ Кубанской области мужской общежительный монастырь — Свято-Михаило Аѳонская Закубанская пустынь, со странно-пріимнымъ при ней домомъ для престарѣлыхъ и больныхъ лицъ мужскаго пола, предпочтительно православныхъ русскихъ воиновъ. Для этого отведено 522 десятины земли, а строитель этой пустыни, архимандритъ Мартирій, пожертвовалъ 60,000 руб. Основанъ въ Абхазіи Дранскій мужской общежительный монастырь; преобразованы изъ женскихъ общинъ Желтоводскій-Макарьевскій (Нижегородской епархіи) и Благовѣщенскій близъ города Херсона, и учреждена женская община при селѣ Костычахъ Симбирской губерніи.

— Тайный совѣтникъ Новосельскій пожертвовалъ въ распоряженіе Святѣйшаго Синода разныхъ сочиненій духовно-нравственнаго содержанія на сумму до 24000 р. Объ этомъ пожертвованіи Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, согласно синодальному постановленію, было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора, и Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету, 24 мая сего года, собственноручно начертать: „*Весьма утѣшительно*“ и Высочайше повелѣть благодарить жертвователя.

— „Тобольскія Губ. Вѣдомости“ сообщаютъ, что ризницы храмовъ въ Тобольскѣ, которыя оцѣниваются приблизительно въ миллионъ рублей, содержатъ, между прочимъ, слѣдующія древности и драгоценности: 1) крестъ на престольный съ мощами — даръ царя Михаила Ѳеодоровича и его родителя патріарха Филарета; 2) пла-

Щаница шитая золотомъ, серебромъ и шелками, съ надписями на арабскомъ языкѣ; 3) архіерейская митра, пожертвованная бывшимъ сибирскимъ губернаторомъ княземъ Гагаринымъ и убранная 40 финифтевыми и золотыми чеканными изображеніями, 8 изумрудами, 532 алмазными искрами, 31 большими яхонтами и 3131 жемчужинами; 4) крестъ на престольный, чеканной работы, пожертвованный царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ; 5) золотой наперстный крестъ съ золотою цѣпью и 40 драгоценными камнями, пожертвованный княземъ Черкасскимъ; 6) двѣ иконы, привезенныя въ Сибирь дружиной Ермака, и другія рѣдкія и дорогія вещи.

— Дѣйствующая въ Пекинѣ русская православная миссія въ настоящее время состоитъ изъ пяти миссіонеровъ: начальника миссіи архимандрита Амфилохія, трехъ іеромонаховъ Алексѣя Виноградова, Платона и Амфилохія и одного священника Митрофана Цзи изъ китайцевъ. Они совершаютъ богослуженіе въ четырехъ церквахъ отстоящихъ одна отъ другой на 200—1500 верстъ.

— Фальсификація за послѣднее время коснулась даже деревяннаго масла, употребляемаго преимущественно для лампадъ передъ иконами. Оно обыкновенно готовится изъ оливы, а у насъ основаніемъ для разработки служитъ или конопля, или льняное сѣмя. Фальсификація этого продукта производится такимъ образомъ: деревянное масло готовятъ изъ остатковъ минеральныхъ маселъ, т.-е. нефти, со смѣсью животныхъ веществъ, и подкрашиваютъ. Хотя получаемый продуктъ по цвѣту, запаху и даже горѣнію подходитъ подъ деревянное масло, но онъ коптитъ, не весь сгораетъ и даетъ осадокъ. Помимо этого, употребленіе его, въ виду примѣси животныхъ веществъ, идетъ въ разрѣзъ съ освященными обычаями, требованіями православной Церкви. Чтобы судить о размѣрахъ такого производства, достаточно сказать, что въ Москвѣ изготовленіемъ фальсифицированнаго масла заняты двѣ большія фабрики. Какъ слышно, Святѣйшій Синодъ уже обратилъ на это вниманіе.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

17 іюля сего 1886 года напутствованный Св. Таинствами церкви, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался протоіерей Успенской церкви слободы Соколова, Змѣвскаго уѣзда Θεодоръ Петровичъ Тимофеевъ на 62 году своей жизни.

Покойный протоіерей сынъ священника, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1847 году, рукоположенъ во священника 25 сен-

тября 1848 года къ Успенской церкви слободы Соколова, и все время своей службы, въ теченіе 38 лѣтъ, за исключеніемъ одного года, состоялъ священникомъ при одной церкви, состоялъ благочиннымъ 1-го округа Зміевского уѣзда въ теченіе 17 лѣтъ, именно съ марта 1860 по іюнь 1876 года, уволенъ отъ должности Благочиннаго по случаю сокращенія благочинническихъ округовъ.

Покойный протоіерей Тимофеевъ въ 1858 году награжденъ набедренникомъ; Высочайше награжденъ: въ 1863 г. суnodальною скуфьею, въ 1870 году камилавкою; въ 1873 году сопричисленъ къ ордену Св. Анны 3 степени за двѣнадцатилѣтнюю службу въ должности благочиннаго; въ 1877 году награжденъ наперснымъ крестомъ, въ 1884 году возведенъ въ санъ протоіерея. За содѣйствіе къ увеличенію средствъ Епархіального Попечительства Преосвященными Нектаріемъ и Саввою изъявлена благодарность ему со внесеніемъ въ послужной его списокъ, не задолго до смерти покойному протоіерею Его Высокопреосвященствомъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ изъявлена Архипастырская признательность за усердную и полезную службу и заботы по приходу, засвидѣтельствованные его прихожанами, со внесеніемъ въ послужной его списокъ.

Покойный протоіерей состоялъ на небольшомъ и бѣдномъ приходѣ, но извлекалъ средства для приличнаго содержанія многочисленнаго семейства и на воспитаніе дѣтей изъ сельскаго хозяйства, которымъ занимался съ усердіемъ.

Покойный протоіерей отличался простотою и доступностію и необычайною добротою; никогда никому ни въ чемъ не отказывалъ, и на благотвореніе немущимъ и на воспитаніе и призрѣніе сиротъ покойный протоіерей много издерживалъ, — жертвовалъ и деньгами и хлѣбомъ.

Покойнаго протоіерея почитали и любили не только всѣ жители с. Соколова, но у него много было почитателей и въ городѣ Харьковѣ, харьковскіе его почитателя въ 1883 году съ благословенія Преосвященнаго Веніамина, поднесли ему Икону Божіей Матери.

Въ семействѣ покойнаго отца протоіерея остались послѣ смерти жена, дочь 14 лѣтъ, двѣ престарѣлыя свояченицы и сынъ Павелъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1885 году. Имущество покойнаго заключается въ деревянномъ домѣ съ надворными постройками.

Чинъ погребенія, послѣ заупокойной литургіи, совершенъ былъ 20 іюля мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи 8 священниковъ и 3 діаконввъ. Во время погребенія пропнесены были двѣ надгробныя рѣчи: священникомъ Давидомъ Антоновымъ и родственникомъ покойнаго, учителемъ Одесскаго духовнаго училища Антономъ Тимофеевымъ.

Отдать послѣдній долгъ усопшему протоіерею собрались не только жители Соколова обвхъ приходввъ, но и почитатели покойнаго изъ городовъ Харькова и Зміева.

ФАБРИКА ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

Константина Владиміровича

ДЕМИДОВА

(Основана въ 1869 году)

уголъ Болотной площади и Кокоревскаго бульвара, д. № 5,

ВЪ МОСКВѢ.

Исполняетъ по заказамъ всѣ предметы нужные для православныхъ храмовъ: серебряныя ± 4 пробы Кресты, Евангелія, сосуды и ризы на иконы, бронзовыя вызолоченныя или высеребреныя паникадила, подсвѣчники, лампы, хоругви, рѣшетки къ амвонамъ, Кресты и главы для церквей и часовенъ, парчевыя священно-церковныя облаченія, *вышитыя золотомъ* хоругви и плащаницы иконы лучшей греческой и живописной работы.

Главное вниманіе обращено на прочность работы и изящество рисунковъ.

Фабрика принимаетъ для починки, золоченія и серебренія всѣ церковныя вещи.

Старыя ризы съ иконами *перезолочиваются* или лучшимъ и прочнымъ гальваническимъ способомъ, или съ отортутою чрезъ огонь. Лица сообщившія фабрику длину и ширину ризъ, назначенныхъ въ позолоту, немедленно получаютъ точную смѣту на позолоту.

Кромѣ вышеозначенныхъ работъ фабрика производитъ художественно-строительные орнаменты изъ цинка, какъ-то: карнизы, фронтоны, капители и тому подобныя предметы для внутренняго и наружнаго украшенія церквей, часовенъ и частныхъ жилищъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Д. Н. ПОЛУЕХТОВА,

комиссіонера Императорскаго Харьковскаго Университета и Хозяйственнаго управления при Святѣйшемъ Синодѣ.

Харьковъ, Московская улица домъ № 18.

Имѣетъ честь довести до свѣдѣнія духовенства епархіи и въ особенности духовно-учебныхъ заведеній о томъ, что въ ономъ поступили въ продажу синодальныя изданія по цѣнамъ синодальныхъ каталоговъ.

Кромѣ того магазинъ въ большомъ количествѣ снабженъ книгами по всѣмъ отраслямъ знанія, а также учебниками для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для земскихъ и церковно-приходскихъ школъ.

Всѣ требованія иногороднихъ исполняются аккуратно и безъ замедленія.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

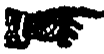
Значительныя пзмѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторамп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.